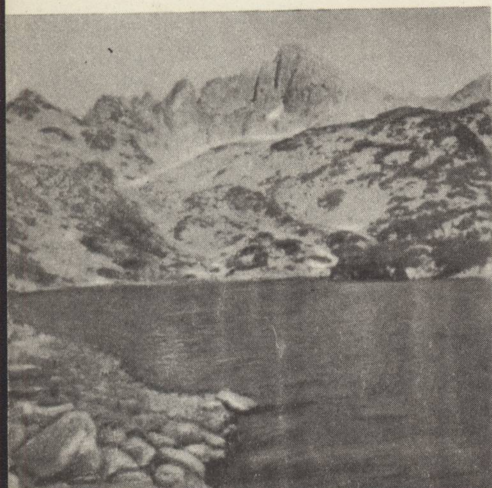
ПИОНЕР

ОКТЯБРЬ 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1964 г.

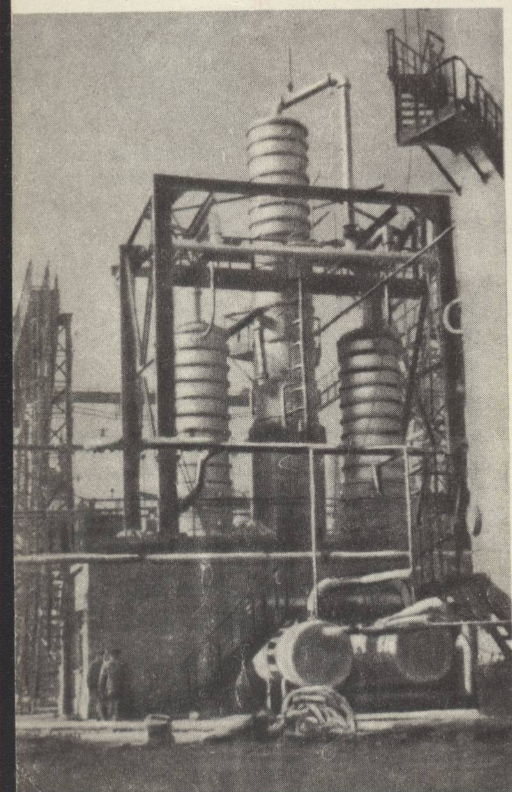

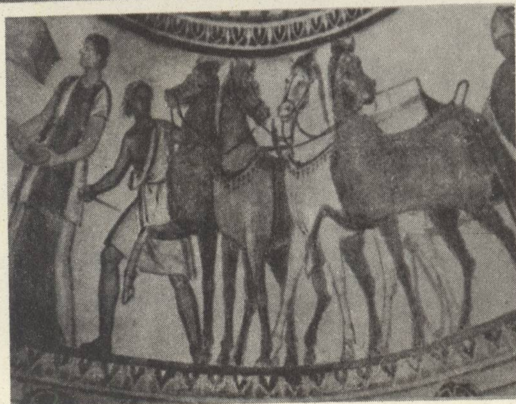

Озеро высоко в горах, золотой пляж у ласкового моря, легкие контуры нового здания («Универсиада»), уголок Софии с видом на собор Александра Невского, памятник воинам-освободителям на братской могиле, мощный металлургический комбинат, чудесные фрески, открытые в древней Казанлыкской гробнице,— все это Болгария, прекрасная и тем, что дала ей природа, и тем, что создано трудом человека. Сегодня, в этом номере журнала, мы расскажем вам о Болгарии.

ПИОНЕРАМ СССР

Дорогие советские пионеры!

Нам не нужно знакомиться — мы уже очень, очень давно знакомы. Болгарский и русский народы связывает вековая дружба. Более чем восемьдесят лет тому назад Россия освободила Болгарию от турецкого рабства, а двадцать лет назад — от фашизма. В нашей стране много памятников русским освободителям. Особенно окрепла наша дружба с тех пор, как Болгария стала страной социализма. С помощью Советского Союза мы открываем рудные богатства недр нашей земли и уже построили десятки заводов, водохранилищ, электростанций.

Тысячи болгарских ребят переписываются со своими сверстниками из Советского Союза. Наши ребята читают русские детские журналы, хорошо знают советских детских писателей. А в редакцию «Пламче» приходят письма от советских школьников, которые читают наш журнал и изучают по нему болгарский язык.

Как старым друзьям, нам всегда есть о чем поговорить. И мы очень рады сделать это на страницах вашего журнала.

Редакция журнала «Пламче» от имени всех болгарских ребят сердечно приветствует читателей «Пионера», желает им здоровья, сил, успехов в учебе и труде.

Редакция журнала «Пламче»

10
ОКТЯБРЬ
1964 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Год издания 41-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ЗА ЧТО МЫ ЛЮБИМ РОССИЮ

Никола ФУРНАДЖИЕВ

Что значит для нас Россия!
Вам сказал бы мальчишка любой,
Если б вы у него спросили:
— Россия — это любовь!

Мы любим тебя, Россия,
За то, что спокон веков
Богатырской своею силой,
Кровью алой своих сынов
Ты Болгарию защищала
От кривых янычарских клинков!

О тебе легенды и сказы
Нам оставили наши деды.
И твои, Россия, победы
Воспевал в стихах Иван Вазов.

Сквозь кордоны, через границы
Ты несла нам в годы бесправья,
Точно солнце в окна темницы,
Голос Ленина — голос правды!

Мы любим тебя, Россия,
Ведь над тобой и над нами
В небе безоблачно-синем
Развевается красное знамя!

Мы под этим знаменем красным
Строим фабрики, шахты, заводы,
Чтоб Болгария год от года
Становилась еще прекрасней!

Завещал нам Георгий Димитров
Быть с тобою везде и всегда.
Ты, Россия,— надежда мира,
Путеводная наша звезда!

Перевел Н. Олев.

Герой рассказа «Лодочник» Васка — историческое лицо, молодой болгарский писатель, партизан Васил Воденичарский, погибший 28 апреля 1944 года.

ЛОДОЧНИК

Встреча должна была произойти между Житеном и Китеном, там, где двадцать лет тому назад в ясную сентябрьскую ночь был убит и брошен в Огосту учитель Ботю. По кромке берега белела галька, похожая на старые кости. Шагнешь в воду — проваливаешься по шею, а кое-где — и с головой.

Дьявольская река! Словно нарочно собрала она свои воды здесь, между двух сел, чтобы держать их на расстоянии. Чтобы попасть из одного села в другое, приходилось идти несколько километров в обход и искать брода. Особенно страдали от этого жители Китена, потому что их поля были на другой стороне реки. И пахать, и жать, и косить они ездили на подводах. Дети и женщины боялись переходить быструю реку, поэтому семья усаживалась в телегу, быки переплывали реку и переправляли всех на другую сторону. Но не раз обычно спокойная река неожиданно менялась. Скатится бешеным потоком с гор и подхватит телеги, груженные снопами, зальет посевы и огороды.

Так и жили эти два села, как наказанные. А власти, сколько раз ни давали обещания перед выборами, все не строили моста. Правда, и не так легко было положить на Огосту каменное седло. Задумали оба села построить мост сами, и именно здесь, где погиб незабвенный учитель, который поднял крестьян на бунт.

Богатеи были против постройки моста, находили отговорки, говорили, будто тут берега рыхлые и река их подроет... Но крестьяне в мыслях уже его строили и называли «Мост учителя Ботю».

Недалеко от этих мест прошел некогда из Козлодуя в горы Христо Ботев[1] со своим отрядом. А сейчас по тем же самым тропам шли новые повстанцы — партизаны. В горы их переправлял Васка, которого когда-то в первый раз привел за руку в школу учитель Ботю.

Молодые парни ушли из села, не предупредив родителей. Будто на посиделки выскочила из дому и Любимка. Если б заметила мать, закричала бы и остановила дочку. Поэтому и ушла Любимка тайно с одним узелком, который еще днем спрятала на сеновале.

В последнее время между Житеном и Китеном ходила лодка. Натянутый трос соединял два берега. По тросу скользило кольцо, к которому при помощи каната крепилась лодка.

Была дождливая ночь, когда Васка привел своих товарищей из Житена сюда, к омуту Ботю. Надо было перебраться на лодке в Китен, а оттуда уже лежал более легкий путь в горы. Китен до сих пор не был на подозрении у полиции. Как ни стремился лодочник Петр уйти в горы, Васка его останавливал:

— Ты нам нужен здесь! Пусть Китен остается партизанской базой. Если отсюда уйдет в горы хоть один человек, сразу же явится полиция!

Петр не раз перевозил Васку, он был одним из верных его помощников. И когда темной ночью промокшие, голодные, усталые партизаны увидели его в лодке, им сразу стало легче.

Нагруженная лодка с тихим плеском двинулась через реку, заскрипело по тросу кольцо. Партизаны молчали. Молчал и лодочник. В темноте никто не видел друг друга. Когда лодка достигла середины реки, Васка тихо спросил:

— Ну как там? Есть в селе жандармы?

Лодочник ничего не ответил. Васка помолчал немного и снова прошептал:

[1] Христо Ботев — знаменитый болгарский революционер, поэт. Он погиб в 1876 году в бою во время восстания против турецкого ига.

— Спокойно в селе, Пешо? Нет ли гадов?

Но Пешо, который вообще-то не отличался молчаливостью, не проронил ни слова. В другой раз он, бывало, остановит лодку посреди омута, на самом глубоком месте, и спросит: «Видишь что-нибудь?» «Вижу месяц...— ответят ему.— Отражение месяца». «Знаю, что отражение... а все же мне кажется, это он, учитель... Помню, вот такое же бледное лицо у него было, когда гнали его сюда».

— Слушай, я тебя спрашиваю, мы не нарвемся на засаду?

Лодочник сделал неопределенный жест: успокойся, мол, все в порядке. Но Васка, который скрывался уже несколько дней и которого преследовали по пятам полицейские, не мог так просто успокоиться.

— Скажи, с кем ты договорился? — дернул он лодочника за рукав.— Там верное ли место?

Напился, что ли, этим вечером Пешо? Все только отворачивался и сопел в темноте. В другой раз и сам начнет: «Садитесь, садитесь! Отведу вас этой ночью к Петровым... Я велел им кашу для вас сварить!» И, усадив партизан в лодку, без конца рассказывает о событиях в селе: была ли жандармерия, кого искали, кого забрали.

А сейчас молчал и даже не курил. Раньше часто огоньком сигареты подавал партизанам знак, что он на месте, а сейчас от него даже не пахло табаком.

Васка знал лодочника давно. Петр был другом его отца. А потом, когда за Ваской стали следить, Петр стал связным. Газеты и листовки Васка получал через него. Он хорошо знал и его лицо со смеющимися морщинками, и тяжелый запах табака, который просто стекал с усов лодочника, и булькающий голос.

Не раз по одному лишь покашливанию лодочника Васка сразу понимал, что можно подойти к нему или, наоборот, кашлем Пешо предупреждает об опасности.

— Да что ты молчишь?! Может, провал у наших? — затеребил лодочника Васка.

— Да подождите вы, не впервой вас перевожу! — сказал наконец лодочник.

Васка вздрогнул. Голос был хриплый, дребезжащий. Нет, это не Пешо!

«Ловушка!» — сразу понял Васка. Он вскочил и, схватившись за трос, попытался повернуть лодку назад. Но и тот, другой, сильно тянул лодку к берегу.

— Поворачивай! — выхватил пистолет Васка.

Лодочник рухнул на дно лодки. Васка прыгнул за борт, махнул рукой другим, чтобы тоже прыгали. Опустевшая лодка быстро помчалась к берегу. Все стало ясно. Предатель спешил к засевшим на берегу полицейским. Васка, который в одной руке над водой держал пистолет, выстрелил по лодке. В ответ с берега застучали автоматы.

— Быстрее, быстрее! — помогал Васка Любимке, которая не умела плавать.

Наконец они встали на гальку.

Теперь надо было идти по полю — по вязкой, размытой дождями пашне. Ночь скрыла их, но что они будут делать, когда рассветет? Кто был этот лодочник и где Пешо? Уж не сломился ли он под пытками, не выдал ли их?

Утро застало партизан в ивняке, недалеко от Балевой мельницы, вокруг были заросли хмеля, и в такой дождь никто не должен был здесь появиться. Но со стороны мельницы послышался шум.

Не успели партизаны схватиться за оружие, как увидели человека. Васка его узнал. Это был Васил, сторож на мельнице, который обычно ловил рыбу для хозяев и крестьян, приезжающих молоть зерно. Он и сейчас тащил сеть. Васил оцепенел от страха, а потом задрожал, как верба на ветру. Это была холуйская душонка, безликий человек, всегда угождающий богачам. Он никому не сделал ничего плохого, но и ничего хорошего.

— Иди сюда, не бойся! Мы ведь знакомы!—сказал Васка.

Сторож только кивнул головой, но от страха не смог сделать ни шагу. Васка подошел к нему и потянул его за грязную, заплатанную куртку.

— Расскажи, что случилось в Китене. Была полиция? Кого забрали?

— Не знаю! — твердил Васил. Глаза его трусливо и настороженно бегали.

— Как это не знаешь?.. На мельнице всегда все известно! Здесь вчера вечером были полицейские?

Васил задрожал еще сильнее, даже зубы его застучали.

— Пешо, Пешо забрали! Больше ничего не знаю!

Васка подумал: если уж очень выспрашивать о лодочнике Пешо, можно выдать свою связь с ним. Сторож хорошо знал лодочника. Не раз он отводил Пешо в сторону и, подмигивая, говорил: «А знаешь, Пешо, ваш учитель жив!» — и рассказывал ему то, что слышал от своих хозяев: будто бы учителя Ботю бросили в реку полумертвым и он выплыл и убежал к красным. И сторож начинал хихикать: «Подожди, подожди, Пешо! Может, он вернется?! Ха-ха-ха!»

Васка молча смотрел, как сторож тряс своей белой от муки головой и отводил в сторону водянистые глаза. Наконец Васка спросил у товарищей.

— Что будем с ним делать? Освободим или пустим в расход?

— Нет, нет.. Нет! Я не предатель! Ох, боже милостивый...— забормотал сторож заплетающимся языком и стал кланяться, приложив руку к груди, всем подряд. Окруженный партизанами, он заметался, как рыба в сети, раскрывал рот и не мог промолвить ни слова.

— Если узнаем, что ты нас выдал...— Васка показал на пистолет.

Сторож вытаращил от испуга глаза и стал пятиться в кусты. Ветви цеплялись за его рваную одежду, но он не обращал на это внимания.

Как дикий зверь, с треском продирался он сквозь заросли.

Васка сразу же распорядился сняться с этого места и перейти реку вброд ниже мельницы.

Перебравшись на другую сторону, они увидели, как из мельницы выскочило несколько человек, а Васил, только что клявшийся не выдавать партизан, повел этих людей к зарослям ивняка.

Партизаны изменили маршрут. Теперь они уже не могли идти в Китен. Сначала надо было туда кого-нибудь послать, чтобы узнать о судьбе лодочника. И они зашагали по полю среди бела дня под проливным дождем.

В горах партизанам легче. Там каждый куст, каждое дерево, каждая скала, пещера, дупло или лисья нора — все приходит на помощь. А равнина преподносит тебя врагам как на тарелочке.

Предательская равнина! Вот и учитель Ботю когда-то вел по ней свой отряд в город. На этой же равнине его настигла вражеская кавалерия, и ему негде было скрыться.

Партизаны то и дело оглядывались, и каждая черная точка вдали им казалась преследователями. Над головами закружил вдруг самолет.

— Нас ищут! — испуганно подняла глаза вверх Любимка. На ее лицо с серого неба падали крупные капли дождя.

Дошли до Диплицы. У партизан там был верный помощник, дедушка Цеко. От него они могли узнать, предатель ли лодочник

Рассказ

Ст. Ц. ДАСКАЛОВА

Пешо или самого его кто-то выдал. У дедушки Цеко было два тайника, где можно было спрятаться: один — во дворе, а другой — за селом, в винограднике. Васка все взвесил: если они пойдут в село, могут нарваться на засаду. Ведь многие из их помощников были взяты полицией. Кто знает, может, провал в Китене затронул и Диплицу, может, лодочник, если он заговорил, назвал и дедушку Цеко.

Поэтому Васка повел партизан к винограднику дедушки Цеко. Они подняли лозы, наваленные за шалашом, открыли крышку тайника и впервые за много дней очутились в сухом месте. Молодые люди, которых вел Васка, недовольно молчали. Они шли на бой, а вместо этого должны были, как зайцы, прятаться в какой-то норе. Из пяти человек оружие было только у Васки и еще у одного, а у Любимки был пистолет, но без патронов. Что могли они сделать голыми руками!

Рисунки народного художника Бориса **АНГЕЛУШЕВА.**

Васка понимал их молчание и вздохи.

— Вот только дойдем до гор! — говорила Любимка.— Но когда ж мы дойдем?

— Я пойду убью этого лодочника, — сказал один из парней.

— Нет! — отрезал Васка.— Узнаем от дедушки Цеко, кто предатель. Нужно уничтожить предателя.

Они провели ночь в сухом тайнике и только собрались уходить, как услышали:

— Сдавайтесь! Вы окружены!

И тут же донесся приглушенный голос Цеко.

Васка вскочил и сразу же понял, что дедушка Цеко тоже предан. Это он ведет к тайнику полицию. Как молния, пронеслась у него в мозгу мысль, что он, Васка, допустил страшную ошибку: «Надо было сообщить о приходе дедушке Цеко! Он ведь не знает, что мы здесь, и поэтому ведет полицию! А о том, другом тайнике он не сказал, чтобы не сожгли его дом! Из двух зол ему надо было выбирать меньшее, и, раз его выдали, он решил, что этим тайником в винограднике, где никого нет, можно пожертвовать». Васка приоткрыл немного крышку и увидел сквозь лозы бледного, как полотно, старика.

— Ребята, ребята! — повторял дедушка.— Почему вы мне не сказали, что вы здесь, ребята?

Полицейские подталкивали его к тайнику, он сделал два-три шага и грохнулся

на землю. Тогда Васка отбросил крышку тайника и швырнул гранату полицейским в ноги. Она взорвалась и нескольких повалила на землю. Партизаны выскочили из тайника. Оборачиваясь на бегу, Васка стрелял, прикрывая своих товарищей. Они побежали через поле. Но как можно бежать по раскисшей от дождя пашне!

Любимка не смогла выбраться из тайника. Она была ранена гранатой, брошенной полицейскими.

Со злорадными криками окружили полицейские тайник, ожидая увидеть там целый партизанский отряд. Но они нашли там одну полуживую девушку и потащили умирающую вместе с Цеко в село.

Смеркалось. Группа Васки приближалась к небольшой рощице, когда на покрытой грязью проселочной дороге появился всадник. Это был конный полицейский. Он напрасно подстерегал партизан на берегу реки у Китена, чтобы схватить их живыми и получить за голову каждого по пятьдесят тысяч левов награды. Сейчас он возвращался злой и думал об упущенных деньгах. Другие полицейские схватили лодочника Пешо, который так никого и не выдал. Они бросили его в Огосту, как и учителя Ботю, но обезглавленного.

И вдруг полицейский увидел бегущих партизан. Он пришпорил коня и стал преследовать беглецов. Грязь, липкая грязь мешала им! А конь легко отбрасывал ее копытами. Приближаться к партизанам полицейский не стал. Не слезая с коня, он только начал стрелять из автомата. Один, другой, третий упали, уткнувшись лицами в грязь, а Васка, раненный еще в тайнике, все бежал, ловко петляя, отстреливаясь на ходу. И, когда он уже прыгнул в балку, его прошила автоматная очередь.

Как удачливый охотник, вернулся полицейский с четырьмя головами в седельных сумках.

Война давно окончилась. Теперь между Житеном и Китеном построен большой каменный мост. На одном его конце установлены два мраморных бюста — это Васка и Любимка, дальше, посередине моста, — четыре бюста их товарищей, молодых партизан, а со стороны Китена еще два бюста — старых ветеранов: учителя Ботю и лодочника Пешо. И каждый, кто проходит по этому мосту, не может не вспомнить ту дождливую ночь, когда лодочник должен был перевезти через реку партизан.

Перевела Н. Пономарева.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ СЕНТЯБРЯ

Цветан **АНГЕЛОВ**

То было не где-то, за тысячи верст,
а там, где шумит голубая Марица,
где в Мизии золотом тканный ковер
в полуденный зной расстилает пшеница,
где каждую гору «Балканом» зовут,
где склоны юнацкие пули изрыли,
где прежде земля задыхалась от пут,
а ныне похожа на рог изобилья.
У нас родился, точно солнце, горя,
девятый, счастливейший день Сентября!

Но слава о нем разнеслась далеко,
за тысячи верст, за Балканские горы,
и люди узнали, что твердой рукой
разбил он сосуд вековечного горя.

Пришел он, издревле стихами воспет
и вдовами павших героев обласкан,
пришел, как приходит за ночью рассвет,
в горах разливающий алую краску.

Был день, но огромные звезды зажглись,
и песня борцов орудийным аккордом
взлетела победно в небесную высь,
рожденная
доблестным
сорок
четвертым.
Казалось, давно эта песня близка,
но стала крылатой,
волшебной,
чудесной!
Народом подхвачена,
будет века
звучать Сентябрем окрыленная песня!

Перевел Дмитрий СЕДЫХ.

КОМАНДА

Трайчо напился студеной воды из Сладкого колодца и вернулся к оросительной канавке. И тут как раз к нему подошел со стороны реки Сандо Димов. На село опускался тихий июньский вечер.

— Здравствуй, Трайчо! Что, воду сторожишь?

— Здравствуй, батё[1] Сандо! Стерегу, чтоб кто не отвел. Отец огород поливает.

— Молодец, молодец! — Сандо внимательно посмотрел на мальчика. — Тебе как, двенадцать-то стукнуло?

— Уже тринадцать! — Трайчо выпрямился, чтоб стало видно, как он вырос. Он и правда был паренек высокий, крепкий, загорелый.

— Э, да ты настоящий мужчина!

Трайчо покраснел: похвалил его не кто-нибудь, а Сандо Димов, самый видный парень деревни. Сандо и силой славился, и повеселиться умел, и в то же время был человек серьезный. И еще про Сандо говорили, что он прочитал все книги, какие только есть в деревенской библиотеке.

— Послушай, Трайчо, я знаю, ты парень надежный, будем говорить напрямик: вот ты отцу помогаешь. Это хорошо. Но надо и другим помочь.

— А кому?

— Кому? — Сандо помолчал. — Ты ведь знаешь, что семьи партизан выселили из деревни, в Добруджу загнали? О них и надо подумать, старикам, оставшимся здесь, помочь. За домами присмотреть...

Разочарование кольнуло Трайчо. Он надеялся, что будет помогать самим партизанам.

— Ну, так это...бабье дело. Вот если б к партизанам, в горы...

— Ты о партизанах не беспокойся! — засмеялся Сандо. — А дело это вовсе не бабье. Мы партизанам этим самым лучше всего и поможем. Знаешь, как они нам благодарны будут!

Трайчо не мог вполне с ним согласиться: ему хотелось сделать что-нибудь настоящее, героическое, чтобы все кругом удивлялись. Но постепенно и то, о чем говорил Сандо, стало казаться ему важным. И самое главное — он чувствовал гордость, что Сандо обратился именно к нему.

Сандо объяснил, что нужно делать, а под конец сказал:

— Подбери себе товарищей покрепче и понадежней. И никому обо мне ни слова. Сами, мол, придумали.

Свечерело. Неподалеку темнели горы — громадные, синие. Прибрежные ивы стояли, не шелохнувшись, дорога к реке белела, как расстеленное для просушки полотно. Мирно журчала вода в оросительной канавке, цикады пробовали свои смычки, лягушки дули в трубы, стараясь переиграть цикад. От этого концерта поле словно колыхалось в темноте. Аромат цветущих лугов стоял в воздухе, дышалось легко и сладко. Все вокруг было знакомо Трайчо, но сейчас все казалось ему таинственным, новым и чуть тревожным.

Всю ночь он ходил взад и вперед вдоль канавки, чтоб кто-нибудь не отвел воду. И думал о том, как бы получше все организовать...

Через два дня ни свет, ни заря Трайчо вошел во двор бабушки Васили. В маленькой кухне с почерневшим дощатым потолком дымил очаг. Дверь во двор была распахнута настежь. Трайчо услышал, как бабушка Василя кашляла и охала.

— Доброе утро, бабушка. Давай я твою корову в стадо выгоню.

Старуха вышла на порог и с удивлением глянула на Трайчо. Она любила ребят, но ей не раз доставалось от их шалостей.

— Что это тебе в голову взбрело? Небось, озорство какое?

— Ну вот еще... — смутился Трайчо. — Люди ведь должны друг другу помогать?

— Должны-то должны, да всяко бывает. Тебя что, мать послала?

— Нет, я сам.

— Это ты хорошо придумал. Видишь, я совсем одна, да и ноги мне скрутило... Выгони, коли так... Она смирная, не бодается.

Трайчо побежал к хлеву.

Потом он выпустил кур на заросший травой двор, натаскал воды, нарубил хворосту для очага. Сходил в кооператив, купил керосину и соли. Вечером пригнал обратно корову, подкинул ей травы, которую нарвал на межах.

Бабушка Василя — высокая, сутулая. Старая бунтовщица — так ее называли в деревне. Муж ее погиб во вре-

[1] Батё — обращение к старшему брату или старшему по возрасту мальчику, юноше, мужчине.

ТРАЙЧО

Рассказ
Веселина АНДРЕЕВА
Рисунки
Борислава Стоева.

мя большого восстания — того, Сентябрьского [1], один сын сидел в тюрьме, другой партизанил, зять, дочь и внуки были высланы. Бабушка сразу догадалась, что помощь к ней не с неба свалилась, и когда Трайчо собрался уходить, сказала ему:

[1] Имеется в виду Сентябрьское восстание 1923 года.

— Ну, спасибо тебе, сынок! Только кто ж это тебя научил, а?

— Честное слово, никто! — быстро ответил Трайчо.

— Ну, ладно, ладно! — засмеялась бабушка Василя.

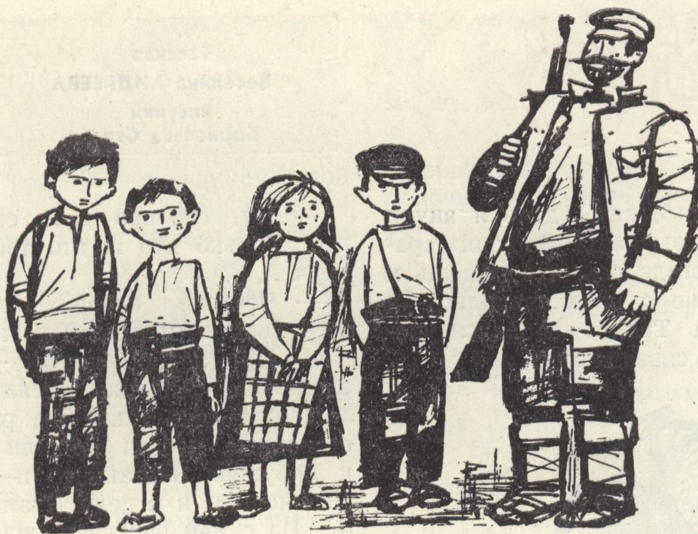
В этот день такие же расторопные ребята пришли и к бабушке Златанице, и к Лозановым, и к деду Кузману. Из семей партизан полицейские оставили в деревне только самых старых и недужных, тех, кто не мог носить в горы хлеб. Пять-шесть партизанских домов стояли заколоченные, но и в этих дворах была кое-какая живность — где корова, где овцы, где куры. Каждый день маленькие помощники на совесть делали свое дело. Иногда мальчики, собравшись в компанию человек по пять и прихватив осла, ходили в сосняк за шишками или в лес за дровами. Они помогали и у себя дома, так что родители не только на них не сердились, но и сами посылали их к старикам. А одинокие старики не знали, как и благодарить своих внуков. Так они их и называли — «наши внуки»...

Прошло дней десять. Както Трайчо возвращался в деревню с мешком травы за плечами. У Сладкого колодца его поджидал Сандо.

— Здорово, герой! Как дела?

— Дела идут, батё Сандо, на большой!

— Знаю! Я бы хотел всех твоих молодцов поблагодарить, да пока нельзя. Ничего, скоро и до этого доживем!.. Послушай-ка, послезавтра мы будет косить луга

тех, кто выслан. Вы тоже приготовьтесь — будете сено сгребать.

— Мы хоть сейчас!.. А кто будет за домами смотреть?

— Сколько вас народу — двенадцать? Так. Значит, нужно еще шестерых. Постой, постой, а почему ты Златку не взял?

— Потому что это — не бабье дело!

— Вот так раз! Ты же раньше сам говорил — бабье.

Трайчо понял, что запутался.

— Ну, бабье там или не бабье, но уж наверняка не девчачье. Девчонки! — презрительно процедил он. — Ни на что они не годятся, а уж болтают — оглохнуть можно!

Сандо расхохотался.

— Ну и мужчины! К вам не подступись! Расскажи, как дело было!

— Да как... Они увидели, что мы работаем, Златка и подговорила еще трех-четырех девчонок вроде нее. Мы идем в дома, а они уже там. А эта заноза к моей бабушке Василе разлетелась. «И мы, — говорит, — будем помогать!». Я ей говорю: «Уходи!», — а она будто не слышит...

— Ну, а потом?

— Потом... потом я ее за косы дернул... — Трайчо снова замолчал и густо покраснел.

— Ну-ну, рассказывай, что ты спотыкаешься?

— Я ей еще покажу! Размахнулась — и раз меня по щеке! «Эгоист! — вопит. — Хулиган! Жандарм!»

— И жандармом тебя обозвала?

— Ну да! — приободрился Трайчо. — Пусть скажет спасибо, что ноги унесла.

Трайчо и раньше чувствовал, что поступает не совсем правильно, и все же втайне надеялся на поддержку Сандо, но тот задал ему головомойку. Стыд какой! Вместо того, чтоб дружно работать, они дерутся! Да это все равно что фашистам помогать... И ведь хорошие все ребята, дети бедняков...

Трайчо любил Сандо и верил ему. Ничего не поделаешь — пришлось скрепя сердце обещать помириться.

Так в команду вступили пять девочек.

Как чудесно было на сенокосе! Когда Трайчо, Петко-Рогатка, Наско и Мишо-Кузнечик пришли на луг с вилами и граблями, Сандо Димов и трое его товарищей уже скосили пол-луга. Присев под грушей, они отбивали косы, и маленькие молоточки с разноголосым звоном стучали по железным бабкам. Все парни были здоровые, загоревшие на солнце. Четверо мальчишек с завистью смотрели на бугры их мускулов.

— О, трудовая армия, милости просим! — встретил их Сандо, и все протянули им руки. Мальчики поздоровались со взрослыми за руку, хоть и неловко, но с сознанием своего мужского достоинства. — Берите вилы и начинайте вон с того конца, там уже подсохло. Ворошите аккуратно, зря не раскидывайте!

И трудовая армия весело накинулась на ровные, душистые валы.

К полудню парни покончили с лугом. Все вместе с удовольствием подзаправились, и Сандо скомандовал:

— Слушай, армия! К реке — бегом! Купание закаляет тело и укрепляет дух!

Мальчики переглянулись. Им хотелось остаться со старшими, может быть, как раз сейчас те рассказали бы им о партизанах. Но и купание — штука соблазнительная, и они наперегонки бросились к речке. Быстро устроили запруду из камней и дерна, едва дождались, пока вода поднимется. Сбросили трусы и — бултых в воду! И пошли возиться, брызгаться, шлепать друга друга по мокрым спинам — дым коромыслом! Вода, хоть и теплая, на этом огненном солнце приятно освежала.

Когда они вернулись к груше, там сидел один Сандо.

— А где остальные? — удивились мальчики.

— Пошли новый участок

начинать. А я помогу вам стога сложить. Берись за вилы!

Дружная работа всегда идет споро и весело. А убирать душистое сено да еще сознавать при этом, что помогаешь партизанам, — это уж настоящая радость. Иногда ребята останавливались, чтоб перевести дух, и отдыхали, стоя, опершись на вилы, улыбаясь друг другу... Трайчо и Рогатка швыряли вверх большие навилины сена, Сандо наверху отаптывал и разравнивал стог. Кузнечик тем временем сгребал сено.

За неделю с лишним сено всех партизанских семей было убрано. И вдруг однажды утром Трайчо узнал: Сандо Димов и трое его товарищей ушли к партизанам! Дошло до них, что их собираются арестовать, и они ночью выбрались из деревни. Трайчо почувствовал себя обманутым: в глубине души он надеялся, что в решительную минуту Сандо непременно возьмет его с собой в отряд. Или хотя бы предупредит его, что уходит!..

А на следующий день полевой сторож вел Трайчо в правление общины. По дороге сторож прихватил Рогатку, а вскоре туда же доставили Златку и Кузнечика. Трайчо едва успел сдвинуть брови (смотрел он при этом на Златку) и сжать губы — ни слова, мол, не говорить! — как их ввели к старосте. Староста был не из их деревни, важный такой, надутый, в городском костюме. Он окинул ребят злым взглядом, помолчал немного и крикнул:

— Что, лоботрясы, это Александр Димов подучил вас собирать сено для разбойников? Говорите, а то пристукну!

Трайчо прошибла дрожь, он видел, что и другие испугались. Интересно, староста знает что-нибудь или просто пытается их поймать? Он облизал губы, собрался с духом.

— Да при чем тут Сандо! Мы с ним и не знаемся. Бабушка Василя, и дед Кузман, и другие нас попросили. Они нам заплатят — мы тетрадки себе купим.

— Правда, господин староста! — подала голос Златка.

— Заработать маленько хотели... — добавил Рогатка.

Кузнечик молчал и только вздрагивал, словно ему было холодно. Он казался еще меньше, чем был на самом деле.

— А ты там чего съежился? Признайся, что Димов у вас за главного! — рявкнул староста.

Рогатка смотрел на Кузнечика так, словно готов был убить его на месте.

— Да я... я...

— Что ты?

— Меня Трайчо подбил...

Рогатка, тоненький и ловкий, вдруг оказался рядом, и на голову Кузнечика обрушился его кулак!

— Не трогать! Я тебя сейчас в подвал спущу! Всех вас в подвале сгною! — кричал староста, побагровев.

— А чего он наговаривает? Мы бы без него больше заработали, он сам навязался! — выкрикивал азартно, как при любой мальчишеской драке, Рогатка.

Кузнечик ревел, Златка кричала на него, Трайчо отвернулся с обиженным видом. Не сговариваясь, они поняли, что легче всего им будет вывернуться, если они затеют свару.

Староста растерялся. Что ему делать с этими сопляками — на их крики вся деревня сбежится! А староста боялся крестьян: они и без того смотрели на него волком. Лучше уж замять это дело. И он заорал, перекрикивая ребят:

— Будет! Убирайтесь с глаз долой! И чтоб больше у меня ни-ни!

Ребята утихли, переглянулись удивленно и по одному выбрались из комнаты. В коридоре они успели огреть Кузнечика по спине, с шумом скатились с лестницы и бросились бежать по улице, словно за ними кто-то гнался.

Струсил только Кузнечик и еще двое мальчишек. Остальные по-прежнему делали свое дело, только стали осторожнее. Иногда, правда, мысль о старосте пугала их, но так было даже интереснее: они преодолевали опасности!

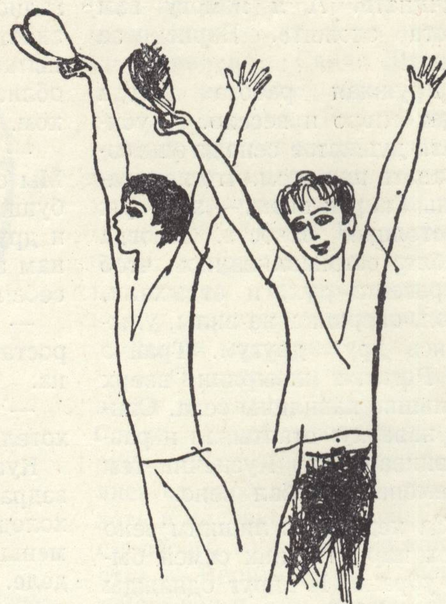
Помочь на уборке их попросила бабушка Василя — она уже все знала. Вместе со взрослыми жали Златкины девчата. Мальчики под командой Трайчо крутили перевясла, вязали снопы, а ночью кто-то тайком складывал их в крестцы. Мальчики старались не ударить лицом в грязь перед девчонками, но и те им не уступали. Было шумно и весело. Мальчики и девочки по-настоящему только сейчас и познакомились, и хорошая, крепкая дружба сплотила всю их команду.

Староста делал вид, что ничего не замечает. Советская Армия подходила к болгарской границе, партизаны среди бела дня спускались с гор в деревни, и староста дрожал: когда придет его час?

И приближался уже тот день, когда вся деревня, выйдя навстречу своим партизанам, будет благодарить не только их, но и славную Трайчову команду.

Перевела Н. Глен.

Рассказы о моем детстве

Рисунки Л. Димановой.

Второй день занятий в школе принес большую новость: к вечеру через наше село пройдет Красная Армия, армия-освободительница, которая гонит гитлеровцев к Берлину!

Мы кричим «Ура!» и бросаем вверх шапки. На доске рядом с нарисованной пятиконечной звездой с серпом и молотом появляются четыре буквы: «СССР». Их написал какой-то старшеклассник и убежал.

Никто из нас не знает, что обозначают эти буквы. И не у кого спросить: учитель ушел к новому старосте. Размахивая портфелями и сумками, мы отправляемся домой, строя различные предположения, почему русскую армию называют красной.

— Потому что солдаты одеты во все красное,— говорит Дачо.— И сапоги, и одежда, и шапки у них красные.

Вот так форма! Все красное! Даже пуговицы!.. И лошади, наверное, рыжие с белыми звездами на лбах... Нет, с красными звездами!..

Красный цвет — это цвет коммунистов. Это я узнал давно, еще когда в школе не учился... Тогда у нас с Дачо были одинаковые красные фуфайки из мягкой блестящей пряжи. Дачо — мой сосед. Мы с ним всегда играли вместе. Поэтому наши мамы и купили нам одинаковые фуфайки. Однажды, когда мы с Дачо маршировали на лужайке перед нашим домом, какой-то прохожий посмотрел на нас и сказал:

— Эй, ребята! Вы что, коммунистами хотите стать?

— Кем, кем? — переспросили мы.

— Коммунистами! — повторил мужчина.— Красный цвет — цвет коммунистов!

Он добродушно рассмеялся, и мы поняли, что быть коммунистом совсем не предосудительно.

И мы продолжали маршировать на лужайке.

* * *

В подвальном этаже нашего дома была бондарная мастерская.

Я услышал свистящий звук рубанка — значит, отец работает — и спустился в мастерскую. Плоским плотничьим карандашом я написал на доске четыре буквы: «СССР» — и спросил у отца, что они значат.

— Советская Россия,— сказал отец.

— Тогда тут два лишних «с»,— возразил я.

— Не мешай, я занят,— сухо сказал он.

Сейчас у отца и в самом деле было дел по горло. Приближалось время сбора винограда — самые напряженные дни для бондаря: сколько бочек и кадок ждали, когда отец возьмется за них! Но, несмотря на это, я понял, что отец тоже не знает, что значат эти два «с». Поэтому я оставил его в покое и пошел к маме.

— «СССР»? — спросила она.— Конечно, знаю: советские, советские социалистические республики!

Я был в восторге. Мама всегда все знала. Правда, училась она мало, но читала так

красиво, нараспев, что хотелось слушать ее без конца. Она умела лечить людей лекарственными травами, помнила старые народные обычаи и верования, знала историю каждой крестьянской семьи в нашем селе. Понятно, что загадочное слово «СССР» не было для нее тайной. Чья еще мама сумела бы так ответить своему сыну? Только моя!

Конечно, бывало, что и мама ошибалась. И я в этом убедился на следующий же день, когда учитель сказал, что мама не совсем права. СССР означает: Союз Советских Социалистических Республик.

* * *

До позднего вечера просидели мы на шоссе, поджидая Красную Армию. Вглядывались, прислушивались — ни звука не доносилось из темной ночи. Наконец мы стали расходиться по домам.

Сквозь сон я услышал какой-то шум в прихожей. Мама приглашала кого-то войти в дом. В ответ слышалась мягкая и непонятная речь.

— Братушки! Братушки пришли! Хочешь на них посмотреть?

Еще бы! Я вскакиваю с постели и выбегаю в коридор. В прихожей, где горит керосиновая лампа, стоят солдаты. Самые обыкновенные солдаты в одежде защитного цвета, выгоревшей на солнце, насквозь пропылившейся. На солдатах не надето ничего красного. Только фуражки у них немножко не такие, как у наших солдат, и спереди на фуражках поблескивают красные пятиконечные звезды (наконец-то что-то красное!). Если бы не эти звезды, ни за что бы не догадаться, что это красноармейцы.

Ранним утром я увидел на шоссе множество серых повозок на колесах с широкими, толстыми шинами. Русские солдаты запрягали лошадей, крупных тяжеловозов с густыми гривами, совсем не похожих на нашу кобылу Милку.

Обоз трогается. Мы бежим за повозками. Солдаты смотрят на нас и улыбаются. Повозки вереницей тянутся через село, затем среди лугов, а мы все бежим за ними, кричим «Братушки!» и «Гитлер капут!». Наконец, останавливаемся и провожаем их взглядом до тех пор, пока за горизонтом не скрывается последняя повозка и фигуры двух солдат, сидящих в ней.

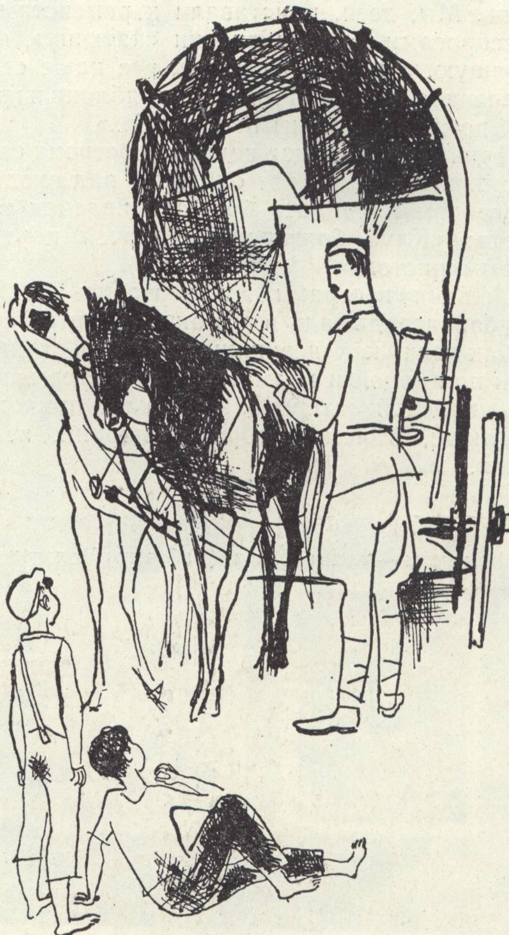
Несколько дней спустя мы узнали, что немного севернее нашего села на лесистом холме Шума расположился взвод красноармейцев. Сразу же после уроков мы поспешили туда.

Дошли до рощи. Между акациями стояли грузовик и повозки, выкрашенные в уже знакомый нам защитный цвет, неподалеку паслись стреноженные лошади. Больше нам ничего не удалось рассмотреть. Вдруг откуда-то появился солдат и не пустил нас дальше.

Вскоре послышалась команда, красноармейцы рассыпались цепью, залегли. После нескольких перебежек скрылись в лесу. Мы с большим интересом наблюдали за солдатами, жаль только, что они были так далеко от нас. Постояв так с полчаса, мы медленно пошли в село.

Кто-то из ребят нашел на дороге пустые гильзы. Приставив гильзы ко рту, они принялись дуть в них, и поле огласилось пронзительным свистом.

Мне тоже очень хотелось найти гильзу. Я шел и внимательно смотрел себе под ноги.

Вдруг я заметил клочок газеты. Наклонился, поднял его и увидел портрет какого-то человека с короткой острой бородкой, с большим лбом и прищуренными глазами. Кто это?

Ответ на этот вопрос давала подпись под портретом: Ленин! Тот самый Ленин, вождь революции, о котором нам рассказывал учитель?

Так произошло мое первое знакомство с великим основателем Советского государства. Я запомнил тогда черты его лица, и много лет спустя, когда я уже научился читать по-русски, я не раз видел такой же портрет в заголовке газеты «Правда».

* * *

Сельские ремсисты [1] с винтовками за плечами часто ходили к красноармейцам. Их пропускали.

Вернувшись, они рассказывали, какое они видели у русских бойцов оружие, как они там стреляли и кто сколько раз попал в мишень. Мы, дети, приставали к ремсистам с расспросами, видели ли они «катюшу», настоящую, а не ту, о которой все наше село распевало песню: «Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой...»

Дядя Добри Димов недавно построил себе кирпичный дом. И вот однажды над входом в его дом появилась большая красная вывеска: «Клуб болгарской рабочей партии (коммунистов)».

Целыми вечерами мы вертелись около клуба, заглядывали в его окна. С интересом наблюдали, как девушки поливали глиняный пол водой и подметали, как накрывали стол красной материей, как в клуб приходили люди, о чем-то горячо спорили, пели песни.

[1] Ремсисты — члены Ремса (Рабочего Молодежного Союза).

Нам, детям, тоже хотелось иметь свой клуб. Старшеклассники не могли пожаловаться: их всюду приглашали, некоторые из них уже стали ремсистами.

Но вот однажды на школьном собрании мы услышали новое слово: «сентябрята».

— Вы будете сентябрятами,— сказал нам русый парень в очках, посланец Ремса.— Клуб коммунистической партии будет открыт и для вас. Вы организуетесь в отряды. Отряды составят дружину, и вы сами выберете командира дружины.

Мы услышали от ремсиста много интересного, узнали, что и в Советском Союзе есть такие же, как и мы, сентябрята, только они называются пионерами и носят красный галстук. Среди них есть ребята, которые были на фронте или в партизанах... Много нового узнали мы в этот день.

— Ну, а теперь выберите командира дружины,— сказал в заключение ремсист.

Все зашумели. Наконец, кто-то крикнул:

— Марин Пенков!

— Верно! Марин Пенков! Миню будет хорошим командиром!

Кандидата вытолкнули на сцену. Миню, высокий, подтянутый мальчик с круглым румяным лицом, был общим любимцем. Он чудесно пел и играл на губной гармошке. Я знал, что он мечтает научиться играть на аккордеоне.

Все ребята захлопали. Так был избран командир нашей дружины.

Потом мы выбрали в совет дружины еще несколько мальчиков и девочек: Руску Иванову, Петра Добрева, Стояна, Кунку, Богдана — лучших учеников прогимназии, затейников, которые всегда участвовали в школьных спектаклях, хорошо пели, декламировали, гоняли по полю мяч и ездили верхом. Все мы, ребята из младших классов, всегда завидовали им и мечтали стать, когда подрастем, такими же, как они.

Георгий МИШЕВ

РИСУЮТ ДЕТИ БОЛГАРИИ

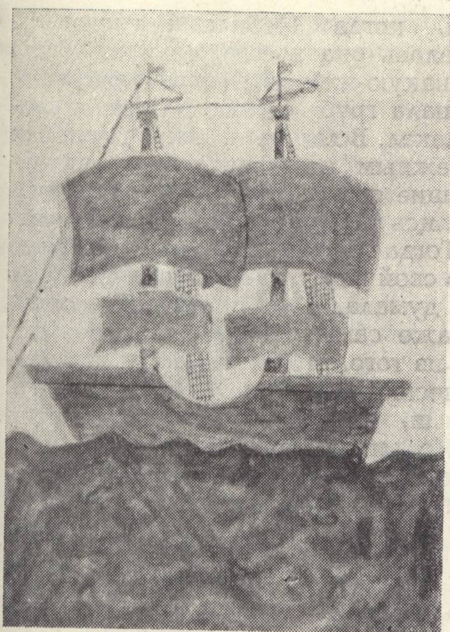

Рисунок Тодора Пенчева Плачкова (г. Пловдив).

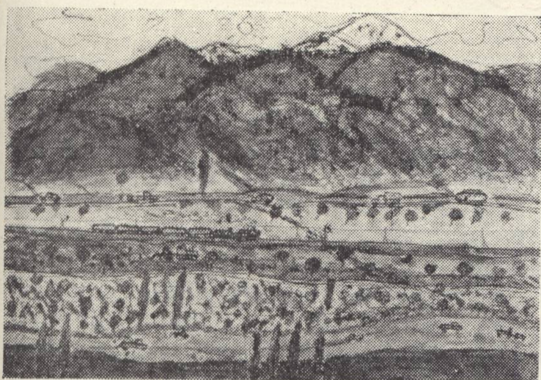

Рисунок Стефчо Н. Начева (с. Блажиево).

Рисунок Рангела Валентинова (с. Бобов дол).

болгарские марки

Шли последние дни летних каникул. Международный лагерь на Черном море у села Кранево одна за другой покидали группы пионеров: польских, австрийских, венгерских, кубинских... Румянка со всеми попрощалась. Много слез пролила она, расставаясь со своими новыми друзьями. Но больше всего плакала она о Небиле.

Небиле уезжала не за тридевять земель, не за моря и океаны, не за высокие горы и большие реки. Она возвращалась в свое родное село, расположенное посреди Добруджанской равнины. От Кранева это всего лишь полдня автобусом. Но увидит ли Румянка когда-нибудь снова маленькую турчанку, ее круглое, с тонкой и прозрачной кожей личико? Это личико краснело, как пион, когда Небиле волновалась. А волновалась она всегда, если замечала в лагере какую-нибудь несправедливость, если слышала грубое слово или если кто-нибудь плакал. В лагере не было пионерки с более нежным и отзывчивым сердцем.

Ее большие светло-коричневые глаза часто прятались за длинными светлыми ресницами. Тогда Небиле Алиева как будто уходила в свой внутренний, душевный мир и думала, думала... Она по-своему воспринимала даже самые небольшие события. И многое из того, что поразило ее, превращала в песню.

Длинными, монотонными были песни Небиле. Но они волновали своей нежностью и мелодичностью. Ребята не понимали родного языка Небиле, но ее песни с

ТРИ ПОДРУЖКИ

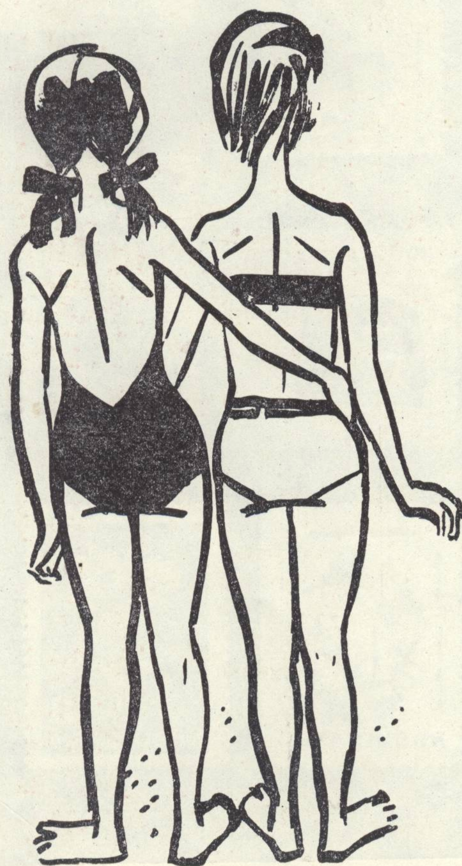

Рисунок Л. Зидарова.

красивыми и звучными рифмами многие запомнили. На этом солнечном берегу, где развевались флаги многих народов, где кубинцы так часто пели свою боевую песню «Пионеро сой», песни Небиле звучали, как нежное дуновение морского ветерка, как трепетание крыльев белых чаек.

Поняв нежную, впечатлительную душу Небиле, Румянка так привязалась к маленькой турчанке, что не могла и дня пробыть без нее. Они жили в разных зданиях, но всегда были вместе. Вместе ныряли в море, вместе разучивали новые песни. Они рассказывали друг другу о прочитанных книгах, показывали письма, полученные от родных и друзей. В чемодане у Румянки хранилась пачка писем от ее подружки Наташи, с которой она недавно начала переписываться. Сначала ответы сочиняла ей по-русски мама, а потом Румянка стала писать Наташе сама. Ошибки ее не смущали: Наташа всегда ее понимала. Румянка часто перечитывала письма подруги из Советского Союза. Даже на каникулы не захотела она с ними расстаться. И хорошо сделала. Загорая с Небиле на пляже, она читала ей вслух Наташины письма. Сначало Румянке казалось, что Небиле не понимает по-русски, но когда Небиле сочинила о синеглазой русской девочке песенку и перевела эту песенку на болгарский язык,

Румянка уверилась, что новая подруга поняла из Наташиных писем очень много.

Расставаясь, девочки дали друг другу обещание писать. Небиле даже попросила Румянку посылать ей копию каждого нового Наташиного письма. Очевидно, Наташа Лебедева из далекого Свердловска стала для Небиле Алиевой из Добруджи близким человеком.

И вот Небиле уехала. А Румянка осталась в лагере ждать свою маму из Силистры, чтобы затем вместе с ней поехать в гости к дедушке.

Каким пустым выглядел лагерь! Там, где кипела такая веселая пионерская жизнь, сейчас оставалось только несколько человек из персонала и начальник лагеря, который, как капитан, должен был уйти последним.

Как только мама приехала, Румянка сразу спросила:

— Дедушкино село далеко от Зырнева?

— Зырнево? Не слышала такого названия. Наверно, перевод с турецкого. В Добрудже много сел, названия которых—точный перевод прежних, турецких. А почему ты спрашиваешь?

— У меня там подруга. Может, увидимся.

— У тебя везде подружки! Наташка писала тебе в лагерь?

— Да, и я сразу же ответила. А как только вернусь в Силистру, снова напишу, чтобы не прерывать надолго переписку.

— Можешь написать и от дедушки. Наверное, кто-нибудь из соседей поедет в город и отправит письмо.

Калина МАЛИНА

У Черного моря

Николай ЗИДАРОВ

Чайки низко парят, волны синие ласково плещут,
На флагштоках семь флагов сплелись и под небом трепещут.

Семь полотнищ. Семь дружеских флагов на праздничном сборе.

Пионеры семи государств повстречались у Черного моря.

Дружба! Верность и дружба! Нам, юным, кто дружен и верен,
Улыбаются волны, и чайки, и радостный берег.

Пароходы друзьям салютуют, идущие с грузом из Крыма,
И рыбацкие лодки, где весело плещется рыба.

Семь полотнищ. Семь флагов под небом трепещут на сборе.
Пионерское братство окрепло у Черного моря.

Перевел Я. Аким.

черная доска

БЛИЗНЕЦЫ

Братья Качамаковы были так похожи, что нам, их школьным товарищам из 7-го «Б», никогда не удавалось различить, кто из них Боянчо, а кто Стоянчо. Глаза у близнецов одинаковые — светлые и озорные, волосы прямые, русые, одинаково зачесанные, носики тоже, считай, один нос в двух экземплярах... И одинаково одеты они были и одинаковыми ручками писали. Говорят, что с детских лет им привыкли покупать все одинаковое, иначе один из них мог охрипнуть от рева.

Даже когда мы во дворе играли в футбол, и тогда не могли отличить их друг от друга: и Стоянчо и Боянчо одинаково вкладывали в игру душу, бегали за мячом повсюду, и когда надо было, чтобы кто-нибудь из них подал мяч другому игроку, мы кричали:

— Давай сюда, Стоянчо-Боянчо!

— Почему вы хотя бы не одеваетесь по-разному? — спрашивали мы иногда близнецов.— Например, один в синий пуловер, а другой в красный...

Они пожимали плечами, улыбались и ничего не отвечали. Или же шутили:

— Так лучше... Так учителя не могут нас различить...

Когда их вызывали на уроке, Боянчо и Стоянчо Качамаковы всегда получали отличные отметки.

Но вот однажды учитель географии вместе со Стоянчо вызвал Ангела Бурму. И на этот раз, как всегда, Стоянчо ответил на все вопросы без запинки, а Бурма стал мямлить, неясно что-то бормотать и поглядывать по сторонам: авось кто-нибудь подскажет.

— Ты опять не выучил урока, Ангел,— сказал учитель.— Опять весь день играл в мяч... Посмотри на Стоянчо Качамакова! И он и его брат Боянчо всегда отвечают на «отлично»... Почему бы тебе не взять с них пример?

Ангел Бурма ничего не ответил. Но после звонка он догнал учителя в коридоре.

— Товарищ Куртев, я хочу вам кое-что сказать!

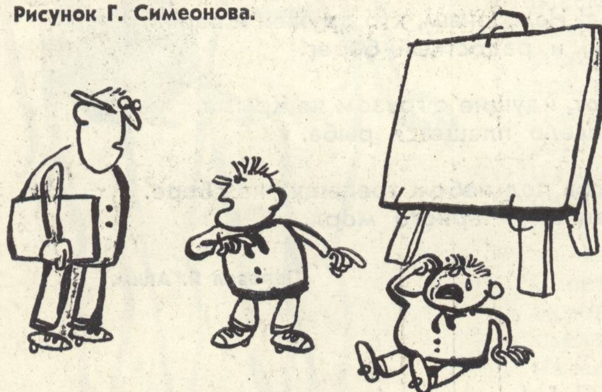
Учитель засмеялся.

— Так ведь и я хотел, чтобы ты мне что-нибудь сказал, потому и держал тебя у доски почти полчаса... Но ты все молчишь да молчишь. А сейчас тебе вдруг захотелось говорить... Ну ладно, слушаю тебя!

— Я не хотел...— пробормотал Бурма.— Но раз вы мне поставили в пример близнецов, то я... я...

— Так что же с близнецами?

Рисунок Г. Симеонова.

— Ты зачем избил Митко?
— Он меня обозвал хулиганом, и я должен был опровергнуть это.

Рисунок Б. Димовского.

Без слов...

— А то... Они все знают, потому что хитрят...

— Как это хитрят? — заинтересовался учитель и остановился посреди коридора.

— Да так... Сегодня, например, у нас два трудных урока: география и физика... Стоянчо учит только географию, а Боянчо — физику. А потом на уроке, кого бы вы ни вызвали, к доске выходит Стоянчо... Ведь вы знаете, их даже мать не может отличить друг от друга!

— Ну, а если я потом вызываю другого?

— Опять Стоянчо выходит, и опять он отвечает... А на уроке физики отвечает Боянчо... Кого бы из них ни вызвали, он выходит к доске.

— Смотри ты...— сказал учитель,— проверим это дело...— И заговорщически добавил: — Только ты молчи... И сам учи уроки, раз у тебя нет брата-близнеца.

Через три дня в 7-м «Б» опять была география.

Учитель вошел в класс, и его взгляд сразу же остановился на третьей парте у окна, где сидели Стоянчо и Боянчо.

— Стоянчо Качамаков, к доске! — сказал он.

Один из близнецов проворно встал из-за парты и направился к черной доске.

— Встань, Стоянчо, там у окна... Вот так... А сейчас пусть выйдет и Боянчо!

Вышел второй брат.

— Ты, Боянчо, иди в другую сторону, поближе к двери!

Близнецы переглянулись, но выполнили требование учителя.

«Вот сейчас я на вас посмотрю, хитрецы проклятые! — думал в это время Ангел Бурма.— Хватит вас ставить в пример!»

А учитель встал между двумя братьями так, что один из них оказался у него слева, а другой справа, и начал задавать им вопрос за вопросом — о сельском хозяйстве в нашей стране, о растениеводстве, о минеральных богатствах.

Стоянчо и Боянчо отвечали на все вопросы. И их ответы, быстрые и точные, были похожи друг на друга, как близнецы.

Устав их спрашивать, учитель погладил Стоянчо и Боянчо по их одинаковым русым волосам и сказал:

— Ну, ребята, садитесь на место... Ставлю вам в целом двенадцать, потому что одной шестерки мне кажется мало...

«Негодяи! — думал в это время Ангел.— Здорово я из-за них влип...»

И тут ему послышалось, что учитель называет его имя.

— Вы меня?

— Тебя, тебя...— повторил учитель.— Иди к доске, ведь тебе надо исправить двойку!

— Какую двойку? — притворно удивился Ангел Бурма. Он помолчал немного, потом пробормотал: — По правде говоря, я не выучил и сегодня...

— Ну, тогда садись... Ставлю тебе еще одну двойку.— И, сделав запись в журнале, учитель с улыбкой добавил: — Теперь у тебя две двойки — близнецы.

ТОНИЧ

РИСУНОК

Племянник показывает тете свои рисунки и среди них совершенно чистый лист бумаги.

— Что это такое? — удивилась тетя.

— Как что? Рисунок! Ты, тетя, смотри на надпись: «Белые медведи, спрятавшиеся в снегу».

КРУШЕНИЕ

Наш дедушка плохо видит. Однажды внук заметил, что дедушка держит газету вверх ногами. Внук спросил:

— Дедушка, что ты там рассматриваешь?

— Да вот видишь, где-то на железной дороге случилось крушение! Смотри, паровоз лежит вверх колесами.

НА ЗАНЯТИЯХ В САНИТАРНОМ КРУЖКЕ

— Митко, что такое карантин?

— Это дополнительные каникулы.

— Он тоже хочет войти в историю!.. Рисунок Д. Донева.

ЗАСЛУЖЕННАЯ НАГРАДА

Живко СОТИРОВ

Рисунки Ат. Нейкова.

Самолет показался со стороны кооперативной усадьбы. Недалеко от того места, где стоял Гошо, с самолета стало спускаться белое облако. Оно становилось все шире и длиннее. Собака, сидевшая возле Цецо,

который стоял на другом конце поля, вскочила и бросилась за тенью самолета, скользившей по бороздам, как черная лодка.

Цецо, приставив руку к глазам, чтобы не слепило солнце, смотрел на самолет. В прозрачной кабине сидела летчица тетя Цветана. Наверно, она нажала на какой-то рычаг, потому что, когда самолет с оглушительным рокотом промчался над мальчиком, белое облако, выплывавшее из самолета, разорвалось. Самолет настиг и перегнал собаку. Она, высунув от усталости язык, пробежала еще немного и вернулась.

— Цецо! — замахал шапкой Гошо.— Давай!

Вокруг Цецо в бороздах лежало бесчисленное множество мелких зернышек искусственных удобрений. Цецо взвалил на плечо доску с белыми и черными квадратами — указатель — и побрел по рыхлым бороздам. Там, где кончалась полоса, посыпанная зернышками, он снова вбил указатель в мягкую землю и проверил, не наклонилась ли доска.

Самолет развернулся и полетел обратно. Когда он пролетал над Цецо и серая тень его бежала по пашне, собака приподнялась, но не стала догонять ее. Видно, она уже устала.

И мальчики тоже устали, но они, то и дело вытирая пот со лба, снова и снова шагали с указателем на плече по рыхлым бороздам. Вот уже восемь дней они помогают летчикам сельскохозяйственной авиации. И все восемь дней с ними не расстается маленькая желтая собачка Буби.

Борозды кооперативного поля были похожи на взволнованное легким ветерком море с застывшими на мгновение волнами. Белые зернышки искусственных удобрений напоминали пену на гребнях волн.

«Неужели они не покатают нас, как обещали! — подумал Цецо.— Нет. Тетя Цветана и дядя Петё не обманут. Катали же они нас прошлой осенью, когда мы помогали удобрять поля за рекой. Как стеснялся тогда Гошо, когда мы пришли к дяде Андрею — главному агроному. А я чуть не вскрикнул от неожиданности, когда увидел, что одним из летчиков, одетых в блестящие кожаные куртки, оказалась тетя Цветана... Если бы не она, ребят, наверное, не взяли бы в помощники. Сначала ведь было решено взять дедушку Паско и дедушку Эвтима...»

— Цецо,— прервал его мысли Гошо.— Смотри!

Гошо показывал на дорогу, по которой

ехала, подпрыгивая, пыльная машина. За ней, как у самолета, лениво оседал на землю длинный хвост серой пыли.

Собака с лаем кинулась к машине.

— Эй, ребята! — крикнул вылезший из машины дядя Андрей, агроном.— На сегодня хватит! Несите сюда указатели.

Цецо вытер тыльной стороной ладони пот со лба и взял на плечо указатель.

Земля, нагретая весенним солнцем, пахла сладко, опьяняюще. Жаворонок в лучах заходящего солнца был похож на дрожащий золотистый колокольчик, из которого льются звонкие трели.

— Браво, ребята! — сказал дядя Петё-летчик.— Готовы?

— К чему, дядя Петё?

— К полету, конечно! Сделаем два круга. Давай к усадьбе! — сказал летчик шоферу.

— Да, без авиации мы удобряли бы поля не меньше месяца. Вот что значит авиация, Гошо,— сказал дядя Андрей.— Шутка ли, за восемь дней удобрили больше четырнадцати тысяч декаров. А кое-кто из наших не верил...

«Интересно, за сколько минут мы доедем до села? Не близкий конец все-таки!» — подумал Цецо и стал следить за тем, как быстро меняются цифры на спидометре. Три-четыре минуты, и выскакивает новая цифра, показывающая километры.

Буби, опустив голову и прижав уши, мчался за машиной, не отставая. Но все же он, видно, устал, потому что высунул свой длинный красный язык.

«Согласятся ли дядя Петё и тетя Цветана взять в самолет Буби, если я их попрошу? — подумал Цецо.— Как он будет лаять, когда увидит землю с такой высоты!»

— Ты о чем думаешь, Цецо? — прервал его мысли летчик.

— Я? Ничего!..— покраснел Цецо.— Думаю, не согласитесь ли вы взять в самолет Буби?

— Он ничего плохого не сделает. Где его посадишь, там и будет сидеть,— подхватил Гошо.— Он ведь тоже работал — целыми днями бегал за тенью самолета.

Летчик и дядя Андрей рассмеялись.

Цецо глянул в маленькое зеркальце над ветровым стеклом и увидел, как шофер кусал губы, чтобы сдержать смех.

— Ладно, ребята, возьмем и Буби. Правда, он там не сможет бегать за тенью. А не испугается он шума мотора?

— Вот еще! Мы уже катали Буби на тракторе. У Гошо отец ведь тракторист, на его тракторе и катали. Буби сидел смирно, только ушами шевелил и хвостом махал.

Незаметно доехали до кооперативной усадьбы.

Около самолета валялось много пустых бумажных мешков, в которых привозили искусственные удобрения.

— Добро пожаловать, ребята! — помахала им рукой тетя Цветана-летчица.— Готовы?

— Ага! — сказал Гошо.— Вот только Буби немного отстал. Он сейчас прибежит.

— Ангелова, веди самолет осторожно, сегодня у тебя необычный пассажир! — пошутил летчик, помогая Гошо забраться в самолет.

Цецо взял подоспевшего Буби на руки.

— Вот он, этот пассажир. Он целыми днями пас тень самолета!

— О! — удивилась тетя Цветана.— Такого пассажира мне еще никогда не приходилось возить!

А Буби вовсю махал хвостом, стремясь выразить свою радость.

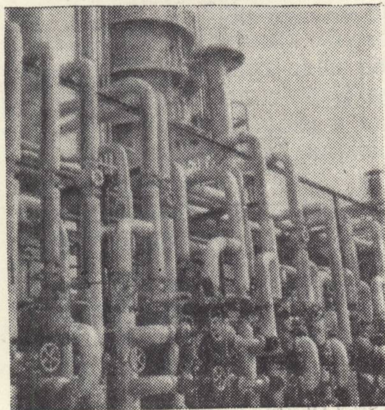
Даже солнце не торопилось спускаться за горизонт: ему, видно, очень хотелось посмотреть, как полетят на самолете ребята, которые так славно поработали и заслужили эту награду.

Перевела Н. Пономарева.

Страница любознательных

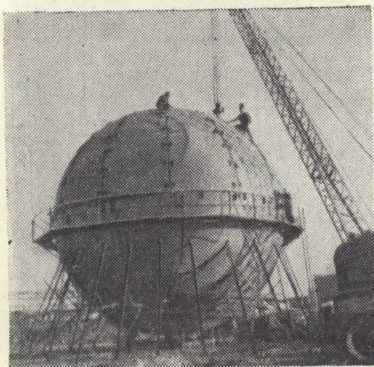
КРЕМИКОВЦЫ

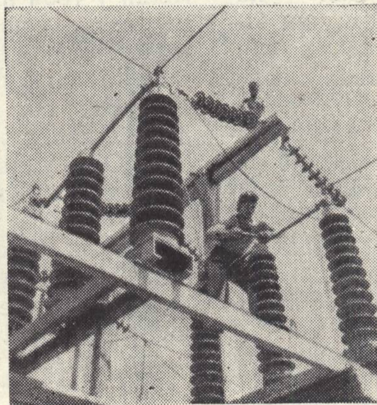
В семнадцати километрах на северо-восток от Софии, там, где начинаются складки гор Старой Планины, вырос металлургический гигант, комбинат Кремиковцы. Это — самое большое предприятие такого рода, ядро болгарской индустрии. Кремиковцы будут добывать руду, выплавлять чугун, варить сталь, давать прокат, кокс, барит, свинец и электроэнергию. Пройдет немного времени, и экономика всей страны почувствует биение мощного огненного сердца.

МАСЛО ЗЕМЛИ

Мог ли кто-нибудь подумать раньше, что в Болгарии есть своя нефть! А теперь одно за другим открывают все новые богатые месторождения. Первое было найдено в Приморской Добрудже, у села Тюленово. Здесь нефть залегает на глубине всего трехсот—четырехсот метров. Густое и темное, как повидло, «земное масло» Тюленовского месторождения после переработки дает стране сотни тысяч тонн дизельного топлива, локомотивного и машинных масел.

Нефтяные залежи обнаружены и у села Гиген, Плевненского края, а совсем недавно, в прошлом году,— у села Долни Дыбник. Найдены в Болгарии и богатые запасы природного газа.

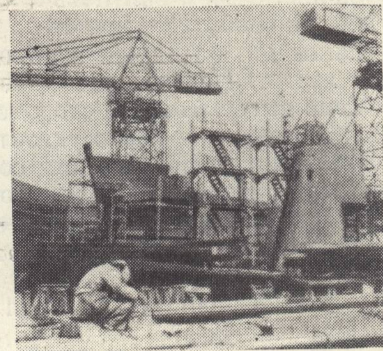

НАШЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Сейчас Болгария получает электричества в тридцать четыре раза больше, чем в 1939 году. Страна покрылась густой сетью электростанций и линий передач. В самых отдаленных уголках, в каждой деревне горят электрические лампочки.

Мощные электростанции, такие, как ТЭЦ «Республика», ТЭЦ «Марица III», ТЭЦ «София», ГЭС «Пещера», обеспечивают электроэнергией промышленность страны. В этом году вырабатывается 6 миллиардов киловатт-часов. А в 1965-м производство электроэнергии достигнет рекордной для Болгарии цифры—11 миллиардов киловатт-часов!

КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ

Когда вы подъезжаете к Варненскому озеру, то уже издали видите мачты кораблей и поднявшиеся высоко в небо стрелы кранов. Это кораблестроительный завод «Георгий Димитров».

Завод раскинулся на огромной площади по обе стороны канала, соединяющего Варненское озеро с Черным морем. Здесь рождаются болгарские корабли. За годы третьей пятилетки спущено на воду сто пятьдесят судов общей грузоподъемностью в триста двадцать тысяч тонн.

Корабли, построенные на заводе «Георгий Димитров», под трехцветным флагом народной Болгарии несут по всему миру славу варненских судостроителей.

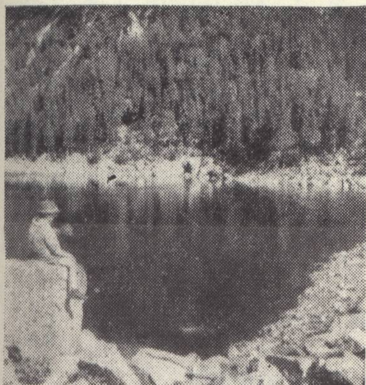

НАШЕ ПРОИЗВОДСТВО КОВРОВ

Искусство делать ковры в Болгарии процветает уже четыре столетия. Из поколения в поколение

на протяжении этих столетий передаются опыт и изумительное мастерство знаменитых болгарских ковровщиков. Их изделия известны и ценятся во многих странах и не раз награждались медалями и дипломами на международных выставках и ярмарках. В Панагюрище, Златице, Кюстендиле, Софии, Ботевграде, Копривщицах ткутся ковры восьмидесяти различных моделей персидского типа.

Если соединить все, что болгарские ковровщики выткут за год, получится гигантский ковер площадью в 80 тысяч квадратных метров!

«ОЧИ ГОР»

Так называют в Болгарии высокогорные озера. Синие, как кусочки неба, они прячутся среди скал Рилы и Пирина. Вода этих озер так чиста и прозрачна, что позволяет отчетливо видеть дно на десяти- и даже на двадцатиметровой глубине.

«Очи гор» Рилы и Пирина лежат на большой высоте: от 1 900 до 2 700 метров. Здесь берут начало горные потоки и самые крупные реки Болгарии: Искыр, Марица, Места и другие.

Горные озера — великолепные резервуары, созданные самой природой. На некоторых теперь построены плотины, чтобы увеличить водные запасы и регулировать сток.

Одно из рильских озер у вершины горы Калин превращено в глубокое водохранилище. Оно вмещает 1,2 миллиона кубических метров воды.

В озерах обитает знаменитая на весь мир балканская форель. Но главное, за что народ Болгарии любит «очи гор»,— это их несказанная красота, дающая радость и отдых.

ОЗЕРО СРЕБРЕНА

Оно находится недалеко от Дуная, это озеро. Покрытое нежными цветами водяных лилий, со всех сторон окруженное зарослями тростника и камыша — настоящими джунглями, оно очень удобно для пернатых. «Эльдорадо болотных птиц» — так назвал Сребрену венгерский путешественник Феликс Каниц, в прошлом веке побывавший в этих местах.

Недаром народная власть объявила озеро государственным заповедником! Здесь можно увидеть редких птиц — пеликанов, которые в Европе живут лишь в четырех-пяти местах, белых цапель, черных водяных курочек, речных чаек, больших черных бакланов, водяных ласточек. Озеро богато и рыбой. Здесь и щука, и линь, и карп, и красноперка, и карась, и угорь — всех не перечислишь!

Сребрена — один из красивейших и интереснейших уголков Болгарии.

КАМЕННЫЙ ЛЕС

Всего в восемнадцати километрах к западу от Варны есть удивительное место. Это «Вбитые камни», Дикилиташ. На площади в несколько километров высятся шестиметровые каменные столбы: не то развалины древнего форума, не то окаменелые стволы гигантских деревьев... В минувшие времена это удивительное творение природы разрушали кладоискатели, безуспешно стараясь найти сокровища, по преданию, зарытые под столбами. Сейчас Дикилиташ объявлен государственным заповедником и взят под охрану.

КАМЕННАЯ ГОЛОВА

В Родопских горах, неподалеку от туристской хижины Руен, стоит одинокая скала, известная под названием «Голова». Нижняя часть скалы метра в полтора высотой образует постамент. Над ней метровая «шея», а выше «голова» в полтора метра. Если смотреть с северо-запада, отчетливо видны волосы, низкий лоб, нахмуренные густые брови, острый нос, подбородок. Этого удивительного деда создала природа, а точнее, неутомимые ваятели — ветер, вода и солнце высекли его из гнейса.

ЧЕРТОВ МОСТ

Буйные воды Арды много тысячелетий прокладывали себе дорогу в Родопских горах. Миллиметр за миллиметром река выдалбливала скалы. У села Студен Колодец она прорезала глубокое и узкое ущелье. Оно не достигает в ширину и двух метров.

Зажатая скалами, Арда яростно пенится, шумит и с бешеной скоростью мчится вперед. Это место называется Чертов мост. Здесь реку можно перепрыгнуть с берега на берег, но мало найдется смельчаков, которые отважились бы на это.

ПОД РАБИШСКИМ ХОЛМОМ

Рабишская пещера—одна из самых больших в Болгарии. Длина ее, считая со всеми ответвления-

ми,—три километра. Многочисленные залы и галереи со сталактитами и сталагмитами, маленькие озера, удивительные природные скульптуры — все это привлекает множество туристов к Рабишскому холму, в его таинственные подземные залы. О причудливости скульптур можно судить даже по названиям, которые им дали туристы: Окаменевший дельфин, Зловещий храм, Кровавая река, Мефистофель, Старушка с ношей, Кукурузный початок, Таинственный замок, Шахматные фигурки, Поваленная сосна, Голубь мира...

Славится пещера и наскальными рисунками. Первобытные художники оставили на каменных стенах изображения серн, оленей, птиц, сцены охоты, фигурки танцующих людей.

Рисунки сделаны на рубеже двух исторических периодов — бронзового и каменного, как думают ученые. Они сделали тут и другие интересные находки: остатки печей и очагов, глиняные сосуды, бронзовые и каменные топоры, мельничные жернова, кости волка, пещерной гиены, лисицы, лошади, серны и других животных.

Сейчас Рабишская пещера освещена электричеством, и это очень удобно для туристов.

ХВАСТАЛСЯ ПАРНИШКА

Асен БОСЕВ

Хвастался парнишка
Данчо-хвастунишка:
— Я такой нарядный!
Я такой опрятный!
Чистил я костюмчик мой...
Позапрошлою зимой.
Мыл я шею на пруду...
Позабыл, в каком году.
Я и ногти берегу...
Никогда их не стригу.
Нет платка. Но я пока
Обхожусь и без платка...
Вот так!
Хвастался парнишка
Данчо-хвастунишка:
— Я такой нарядный!
Я такой опрятный!..
Его руки увидав,
Кошка спряталась за шкаф.
Увидав его пиджак,
Старый пес удрал в овраг.
А синицы поглядели —
Хохотали
Три недели!

Перевел Г. Сапгир

РЫЖИЙ ВАНКО

Леда МИЛЕВА

Рыжий Ванко —
Каждый знает —
Очень странный
Человек.
Он всегда
В футбол играет —
Хлещет дождь,
Идет ли снег.

А услышит
Ванко где-то,
Что сегодня
Будет матч,—
Он вприпрыжку
За билетом
Сам несется,
Словно мяч.

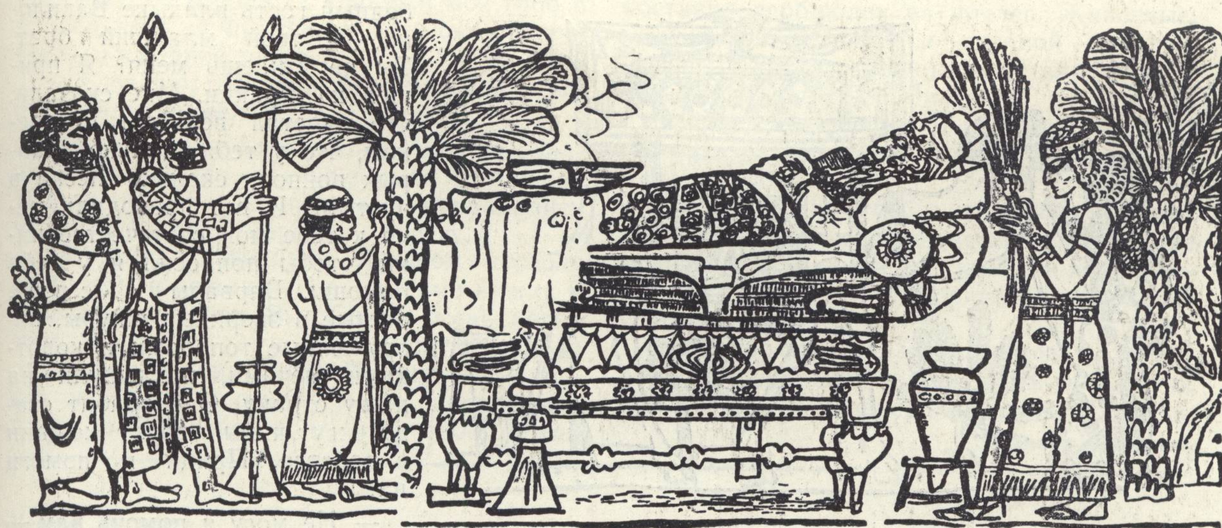
Мама скажет:
— Слушай, Ванко,
Ты в читальню бы
Пошел.
Встал сегодня
Спозаранку —
И опять
За свой футбол.

Но не слушает
Он маму
И качает
Головой.
В голове
Сидят упрямо:
«Гол»,
«Пенальти»,
«Угловой».

...А на днях
Мрачнее ночи
Ванко наш
Пришел домой.
— Разболелись зубы
Очень?
Или...
Ванко, что с тобой?

— Мы сегодня повторили...
Этот... Как его?..
Глагол...
— Ну и что?
— Меня спросили...
Сам себе
Забил я гол...

Перевел О. Тихомиров

Материнское проклятие

Ангел КАРАЛИЙЧЕВ

— Не забывай никогда родину,— прошептал умирающий.

— Что ты сказал, государь? — наклонился над постелью его верный слуга.

— Помни,— раскрыл пересохшие губы умирающий,— что у тебя в этом мире есть родина и мать. Тяжко тому, кто не откликнется на материнский голос.

Ввалившиеся глаза старого владыки налились влагой. Две крупные слезы блеснули и потекли по щеке. Умирал владыка громадного и мощного Вавилонского государства, уходил из жизни властитель чудного города Вавилона, и душа его была полна муки. Он умирал, а перед глазами его проносились родные картины: виднелось широкое зеленое поле, позванивали тихо колокольчики овец, пасущихся на лугах. Тихо плескалась вода широкой реки, в чьи воды смотрели старые вербы, беспомощно опустив вниз свои ветви. Проворные маленькие рыбки с красными хвостиками волновали спокойную воду реки.

Ах, это зеленое поле, над которым, вытянув шеи, летят аисты,— это родная Фракия! А река, окруженная сребролистыми вербами,— это Марица! А чабаны, которые играют так красиво, и свирели их словно разговаривают,— это родные братья его, вавилонского царя!

— Где мои братья? Где моя мать?

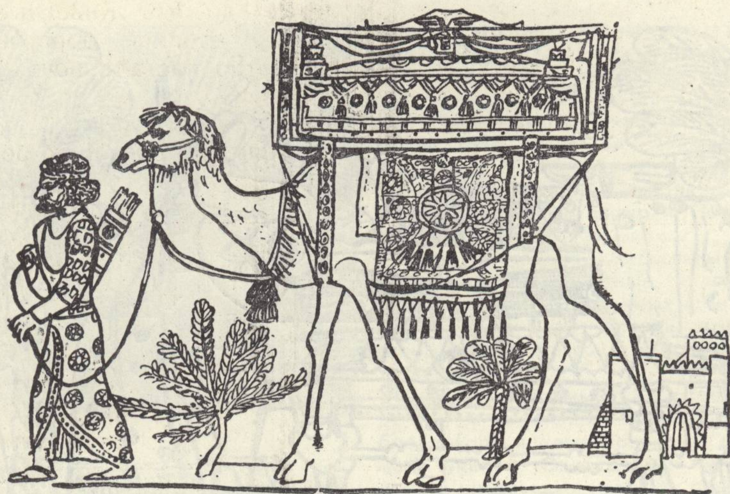
Больной забылся. Потянулись перед ним караваном молодые годы. Явились родные, близкие его сердцу лица. Они стояли перед ним и смотрели на него с укором, потому что он забыл их, когда восседал на царском троне, когда миллионы людей поклонялись ему.

Вспомнил умирающий, как однажды, когда через их родные места шел в Азию со своими воинами Александр Македонский, он покинул родное село. Припомнился ему короткий осенний день, когда сел он на коня и тронулся в путь вместе с воинами великого Александра. Фракийские поля были желты, шумели на деревьях сухие листья, а солнце, как глаз, наполненный слезами, тускло смотрело на землю и едва согревало ее. Старая женщина, сжав уста от боли, держалась за узду его коня и просила:

— Постой, дитя мое, я хоть еще немного посмотрю на тебя, порадуюсь. Сердце мое говорит, что я больше никогда тебя не увижу!

Эта старая женщина была его мать. Владыка Вавилона вздохнул. И снова новая картина ожила перед его глазами...

Слышен тяжелый топот копыт. Ржут уставшие кони, сверкают на солнце шлемы. Это, задыхаясь от зноя, идут по горячим пескам пустыни воины македонского царя. И вот показались вдалеке стены величест-

бедный гость владыке Вавилона,— я твой младший брат. Ты не узнаешь меня? Я пришел из Фракии. Мне сказали, что ты стал великим человеком, что у тебя столько храбрых воинов, сколько песка в пустыне. И вот проводили меня к тебе мои соотечественники, чтобы попросил я у тебя помощи. Варвары с севера, одетые в звериные шкуры, вооруженные топорами и короткими мечами, нахлынули на нашу страну. Они грабят стада, жгут нивы, уводят женщин в рабство. Приди и помоги нам!

венного Вавилона. Чудесный свет заливал весь город. Мирно текла река среди цветущих садов и белых домов, которые были похожи на присевших лебедей.

И раздался громовой голос Александра Македонского. Великий полководец обращался к своим воинам.

— Этот город,— сказал он,— похож на волшебную сокровищницу. Здесь искусные кузнецы куют тонкие сабли, которые вьются, как змеи, а эфесы этих сабель украшены драгоценными камнями. Здесь много богатств! И этот город я подарю тому воину, который первым пройдет сквозь стрелы врагов и взберется на крепостную стену!

Легионы зашумели, как море. Начался страшный бой. Загрохотали осадные машины. Боевые колесницы изрыгали огонь, а камнеметы ударили крепкими камнями по крепостным стенам. Облака дыма окутали город.

Первым взобрался на высокую стену крепости молодой фракиец из маленького села на берегу Марицы. Через три дня он получил от Александра Македонского меч владыки Вавилона.

Сел фракиец на престол Вавилонского царства и царил девять лет. Он воздвиг разрушенные стены, собрал сильные войска, расширил границы государства. Он утопал в золоте и роскоши.

Однажды во дворец к нему пришел человек из далекой страны. Был он в высокой овчинной шапке, на ногах у него были постолы, а одежду подпоясывал красный пояс. Издалека пришел он, лицо его почернело от горячего дыхания пустыни.

— Мой дорогой старший брат,— сказал

— Не могу я помочь вам,— отверг его просьбы владыка.— Мои воины приучены биться тогда, когда они сидят на спинах боевых слонов. Пустыни и моря отделяют Вавилон от Фракии. Как я переправлю слонов через моря?

С опущенной головой ушел из дворца фракийский чабан.

Прошло еще девять лет. Снова в Вавилон пришел тот же пастух и упал на колени.

— Брат мой,— молил он,— наша мать умирает. Приди и попрощайся с нею. Она хочет перед смертью обнять тебя, своего старшего сына, властителя Вавилона!

— Не могу я прийти,— сказал властелин,— потому что Вавилон полон вельмож, которые хотят захватить царскую корону. Как только я встану с престола, другие сядут на него!

Опустил голову младший брат, ушел и поклялся, что больше никогда не придет он в этот город. А когда он вернулся во Фракию, то рассказал обо всем матери. Услышала мать горькую весть, поднялась на смертном ложе, посмотрела вдаль и прокляла своего старшего сына:

— Если когда-нибудь, сынок, потянет тебя в родной край и ты вернешься во Фракию, то да превратишься ты в камень, так как сердце у тебя каменное!

Всю жизнь процарствовал фракиец в Вавилонии. Вел войны, встречал и провожал царей из далеких и ближних краев, собирал и копил золото, но вот пришла и его очередь умирать...

— Слушай,— он посмотрел на своего верного слугу,— слушай, что я тебе приказываю... Этой ночью, когда я умру, тайно нагрузи шесть верблюдов драгоценностями,

На седьмого верблюда привяжи мой гроб и отправляйся во Фракию. Я хочу быть погребенным в родной земле...

— Слушаю, господин. Твоя последняя воля будет исполнена!

Той же ночью, когда месяц ушел за облака, семь тяжело нагруженных верблюдов вышли из ворот Вавилона и направились через пустыню к морскому берегу.

Два месяца плыли на большом корабле верблюды и вожак каравана мимо чужих и неизвестных стран. Была тихая осень, когда семь верблюдов ступили на потемневшую траву фракийских полей. Марица, шумя, несла свои воды к синему морю. Целый день шел караван через поля, а вечером вожак поставил верблюдов на ночлег. Животные, измученные жаждой и длинной дорогой, жадно пили воду. Быстро настала ночь, и вдалеке затрепетали огни...

Караванщик обернулся к гробу.

— Господин, мы пришли! Это твоя родина.

Но как только гроб с мертвым вавилонским владыкой коснулся земли, он сразу же превратился в камень. Окаменели и верблюды и караванщик. Материнское проклятие свершилось...

С тех пор прошло много веков, и среди ровного поля выросли семь холмов. На этих холмах лежит теперешний город Пловдив.

Перевел А. Мошко.

Цветан АНГЕЛОВ

ЛЕКА НОЩ

Музыка Ильи ТЕМКОВА.

Напевно

1. Яс-на ве-чер спус-ка звез-ден кош.

Акордеон

Dm Gm Dm

Ле-ка нощ, дру-га-ри, ле-ка нощ!

G Dm G Dm

Вс-е-ки от иг-ри пак се у-мо-ри.

G Dm

За повторение

Ле-ка нощ, ле-ка нощ!

G Gm Dm

За край

Ле-ка нощ, дру-га-ри, ле-ка нощ,

ле-ка нощ, ле-ка нощ!

Gm D

1. Ясна вечер спуска звезден кош.
Лека нощ, другари, лека нощ!
Всеки от игри
пак се умори.
Лека нощ, лека нощ!

2. Спят овчари, сладко спит косач.
Спят селата в паднания здрач.
В лагера любим
с песен да заспим.
Лека нощ, лека нощ!

3. Утре ще се трудим с нова мощ.
Лека нощ, другари, лека нощ!
Бавно зад гори
месецът се скри.
Лека нощ, лека нощ!

4. Сънно пука въгленче в жарта,
сънно шепнат горските листа.
С огнена следа
спусна се звезда.
Лека нощ, другари, лека нощ,
лека нощ, лека нощ!

Лека нощ!.. Не правда ли, это звучит знакомо и в то же время необычно?! Лека нощ, легкая ночь, да ведь это по-русски «спокойной ночи»! Если бы вы услышали эту песню вечером, у костра, вы, наверное, поняли бы, о чем тут поется, и стали бы подпевать, а потом захотели перенести песню в свой лагерь, куда-нибудь под Москву или под Курск. И, конечно, петь ее там по-болгарски. Вот и нам захотелось дать песню не в переводе. А чтобы все было совсем понятно, мы вам немножко поможем.

О чем рассказывает песня?

О том, что ясный вечер опускает короб звезд, ребята устали от игр. Спокойной им ночи! Спят пастухи, сладко спит косарь, спят в наступившей тишине села, уснем же и мы с песней в своем любимом лагере. А утром с новыми силами за работу!.. Медленно скрылся за горой месяц. Сонно потрескивают угольки в костре, сонно шепчутся листья, оставляя огненный след, падает звезда... Спокойной ночи, друзья, спокойной ночи...

ГОЛУБИ ДМИТРО БЕЛОУСА

Иван ДАВИДКОВ.

Он с голубями заключил союз,
Мой киевский товарищ — Белоус.

Он в их привычки, в их дела проник
И написал немало строк про них.

Он птицам выстроил просторный дом.
Они кружат, воркуют в доме том.

Я в Киеве бывал, я видел их —
Как пена белых, сизых, голубых...

Но вот простился с птицами поэт —
Сюда, в Софию, свой привез привет.

Бегу к нему в гостиницу быстрей,
Вхожу и вижу: пара голубей

Белее пены на Днепре-реке
Сидят, курлычут на его руке!

Но говорят в гостинице ему:
«Простите нас, тут птицы ни к чему...»

И побежал к трамваю Белоус,
Ко мне привозит свой пернатый груз.

А у меня в квартире теснота,
А у меня в квартире два кота.

Но говорю я другу: «Не робей,
Пристанище найдем для голубей!»

И очень скоро птицам повезло:
Они в корзине едут на село.

Им сколотили домик из досок,
Он был просторен, светел и высок.

Хоть сытно им, да грустно было там —
Скучали птицы по родным местам:

Они вокруг не видели степей,
Прямых дорог, летящих голубей,

Одни лишь горы и леса вокруг...
Но человек и здесь был птицам друг.

Так поскучали птицы день, второй —
И вот уже взлетели над горой,

А перед вечером спустились вниз
И осторожно сели на карниз,

Где, подставляя солнышку бока,
Лежат, желтея, листья табака.

Мне говорили: в честь такого дня
Запрятала рогатки ребятня!

...Воркуют голуби, зерно клюют,
Гостям советским радуется люд...

И если петухи, гордясь собой,
Под мирным небом затевали бой,

Слетали голуби — и в тот же миг
Бой затихал внезапно, как возник.

Когда ж они летели на закат,
Они похожи были на плакат.

Он говорил планете, что она
Не для войны—для мира создана!..

Так и живут они, как снег белы,
Для всех родные, всем они милы;

Проводят в школу поутру ребят
И над возами в поле полетят;

Летят над склоном, над тропой лесной...
Наш край для них теперь совсем родной.

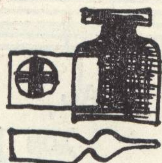
Посланцы мирной и большой земли,
Они на крыльях дружбу принесли.

Перевел Ю. Хазанов.

научные новости из Болгарии

Завод Элпром широко известен своими оригинальными электроустановками. Сейчас инженеры завода вместе с учеными разрабатывают новый тип холодильника на полупроводниковых элементах. Такого холодильника нет еще ни в одной стране.

Каждый день профессор Д. Пасков получает десятки писем. Пишут те, кого вылечил от паралича чудесный препарат доктора Паскова — нивалин. Это лекарство известно сейчас далеко за пределами Болгарии. Сотням детей оно сохранило здоровье.

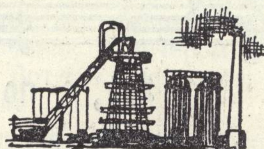

Всем, наверно, приходилось слышать досадный шум и треск, который часто раздается в телефонной трубке. Болгарский инженер Белопитов сконструировал прибор, который помогает избавиться от этого треска. С помощью его прибора на контакты автоматических телефонных станций наносятся благородные металлы. Это не только сократило шумы, но и продлило срок работы установок АТС.

В консервной промышленности невозможно обойтись без особого химического вещества — пектина. Сейчас в Болгарии построен новый завод, который обеспечивает пектином многие страны.

На основе пектина созданы новые лекарства. Они хорошо действуют как кровоостанавливающие средства.

За свое изобретение, которое позволит сэкономить много средств в металлургии, инженер Ал. Вылчев получил Димитровскую премию. Что же это за изобретение?

На графитовые электроды наносится защитный алюминиево-карборундный слой, способный выдерживать высокие температуры. Это надолго увеличивает срок жизни электродов в дуговых металлургических печах.

Болгария издавна славится своим розовым маслом. На протяжении трех веков из поколения в поколение передаются секреты мастерства. Почти все страны мира получают из Болгарии это ценнейшее сырье для парфюмерии.

Традиционными майскими праздниками роз отмечают в стране начало сбора лепестков. Так было и в этом году. Одновременно в Пловдиве состоялся 3-й Международный конгресс по эфирным маслам. Ученые до сих пор еще работают над выяснением химического состава этих сложных природных смесей.

Хэй, Балкан!

Народная партизанская песня

Русский текст А. ТВЕРСКОГО.

Умеренно

Один

Хор

Хэй, по. ле при. воль. но, ши. ро

Двое

.ко. раз. доль. но, хэй! Вы, Бал

Хор

.ка. ны. го. ры, хэй, бал. кан. ский край! Мно. го

мук из. ве. дал, но до. был по. бе. ду.

Хэй, Бал _ кан. ский край род _ ной!

Хэй, поле привольно,
широко, раздольно, хэй!
Вы, Балканы-горы,
хэй, Балканский край!
Много мук изведал,
но добыл победу.
Хэй, Балканский край родной!

На поля на наши
партизан бесстрашный
к нам с Балкан спускался
на лихом коне,
командир отряда
с соколиным взглядом.
Хэй, Балканский край родной!

Хэй, орлы, орлята,
верные ребята, хэй!
Разверните знамя
над землей своей.
Песня про свободу
по душе народу.
Хэй, Балканский край родной!

Золотые пески

Золотые пески! Кто был тот счастливец, который первым пришел сюда? Хитрый торговец-грек, знатный римлянин или какой-нибудь воин Аспаруха? Море шумит здесь все так же, как много веков назад, но его тайны исчезают вместе с белой пеной у берега. Осталась только старая легенда, в которой говорится, что когда-то тут проплывал на своем корабле очень богатый человек. Трюмы корабля были полны золота. Неожиданно налетела буря. Она бросала корабль из стороны в сторону, как жалкое корыто, пока волны не разбили его. Моряки едва успели спасти сокровища. И богач приказал зарыть их в песок на морском берегу. И стал с тех пор мелкий песок светиться золотом — утром, когда его ласкает солнце, и вечером, под мягким светом луны. Вот так и появилось название — Золотые пески.

Шли за годами годы, но редко кто приезжал сюда выкупаться в прозрачных волнах моря, погреться на теплом солнце. Потому что повсюду: в чащах лесов, на камнях и в песке — водились ядовитые змеи — гадюки. Они лежали, сплетаясь в клубки, на самом морском берегу. Жители Варны ходили на пляж, расположенный в самом городе, а здесь, на Золотых песках, только рыбаки забрасывали свои сети и ныряли под гребни волн. По вечерам они отдыхали в маленьком приземистом кабачке, ели жареную рыбу и пили вино вместе с запоздавшими путниками.

Такими были Золотые пески еще семь-восемь лет назад. Но пришло время, и люди решили превратить заброшенный, пустынный берег в самый красивый на земле курорт. Потому что нигде в мире нет такого мелкого золотистого песка! А какой тут теплый климат, какие вокруг спокойные, залитые солнцем просторы! Недалеко от берега — леса с вековыми деревьями и цветущими полянами. Искупайся в море и ложись на горячий песок или на траву, и ты почувствуешь, как в тебе прибавляются силы.

Но прежде всего надо было уничтожить змей. Знаменитый специалист по змеям бай Георгий приехал из самой Софии. Походил несколько дней, набрал мешок змей и уехал. «Ничего, — говорит, — не могу сделать. В горах — другое дело, там я отыскиваю змеиные гнезда. А здесь где их найдешь, в песке!» Тогда на помощь пришли... ежи. Со всей Болгарии собрали шестьсот ежей. Привезли их и выпустили на свободу. А дальше они уже сами знали, что делать. Разбежались по песку, по траве, издали почуяв змей. И скоро от гадюк не осталось и следа.

В феврале 1957 года рабочие вырыли под первое здание котлован, а к лету уже выросло несколько отелей. Первым поднялся к небу«Обзор», за ним засияли белыми стенами красавцы «Восход», «Жемчуг», «Лазурь», «Лилия». В них поселились первые гости из Советского Союза, Германской Демократической Республики, Польши, Чехословакии. Ожили Золотые пески, слава об их красоте облетела весь мир. На следующий год гостей уже было двадцать шесть тысяч. А этим летом — более девяноста тысяч! Целый город переселяется на три месяца к морю. По асфальтированным шоссе летят комфортабельные автобусы «Балкантуриста», легковые машины с иностранными номерами. Сюда приезжают друзья со всех континентов мира. Приезжают и важные господа, которые пересекают океан, чтобы посмотреть на «коммунистическое чудо». И как бы они ни хмурились сквозь свои темные очки, они не могут не признать: «Это настоящий рай!»

Золотая линия песка тянется на три тысячи двести метров. Вдоль нее расположились десятки отелей, домов отдыха, спортивных площадок, ресторанов, павильонов, магазинов. Вьются аллеи, окаймленные цветами. На месте старого, маленького кабачка построен просторный клуб, перед ним по обе стороны лестницы растут две маленькие сосны. Их посадили товарищи Никита Хрущев и Тодор Живков.

Многоэтажные отели привлекают своими необычными формами, террасами и огромными, солнечными окнами. А внутри — будто сказка: блестящие пестрые мозаики, витые лестницы, широкие залы, тихие, уютные уголки... И везде чистота: чувствуется заботливая рука гостеприимных хозяев!

Иностранец может купить на Золотых песках все, что пожелает, — от маленькой черепахи до мехового пальто. Но не для этого он пересекает границы и горы. Он приезжает ради моря, солнца и песка. Поэтому с раннего утра, когда розовеет восток, на пляже уже звучит многоязычная речь. Пожилые спокойно ждут восхода солнца, а молодые веселятся на берегу, прыгают навстречу волнам, надувают резиновые матрацы.

Но вот появляется солнце. Сначала красный уголок, как кусочек арбуза. Затем оно быстро растет, пока не выкатится из воды целиком. Тогда все море начинает сверкать, как множество бриллиантов. А вода так чиста и прозрачна, что даже далеко от берега видно желтое морское дно.

Вскоре солнечный шар накаляет золотой песок. Он становится таким горячим, что жжет ноги, как тлеющий уголь. Воздух начинает дрожать от зноя. На пляже появляются сотни пестрых зонтиков. Это — самое лучшее время! Позагорай немного, потом нырни в прохладную воду и плавай, плавай вволю!

Весь день на берегу оживленно. К причалу каждый час подходит белый пароходик с пассажирами из Варны. Немного дальше лениво покачивают шеями два верблюда, увешанные коврами. Ты можешь взобраться на верблюда и сфотографироваться на фоне песчаной «пустыни» и бесконечного синего моря. А может, ты хочешь покататься на ослике, запряженном в пеструю тележку? Есть здесь и моторные лодки, и шлюпки, и водные велосипеды!

День проходит незаметно. Со стороны моря начинает дуть ветер, напоенный запахом соли и водорослей. Тени тополей удлиняются, утомленно опускаются пестрые зонтики на пляже. В сумерках вспыхивают неоновые лампы. Как длинные белые бусы, тянутся они на восемнадцать километров — от Золотых песков до Варны. На отелях и ресторанах загораются разноцветные гирлянды реклам. Белые, красные, синие, розовые, зеленые огни... А выше всех — огни одиннадцатиэтажных отелей «Астория» и «Морской глаз». Здесь начинают играть оркестры, слышится смех, а пляж в это время отдыхает. Только волны тихонько разговаривают с золотым песком. Над ними, как детский воздушный шар, висит белая луна.

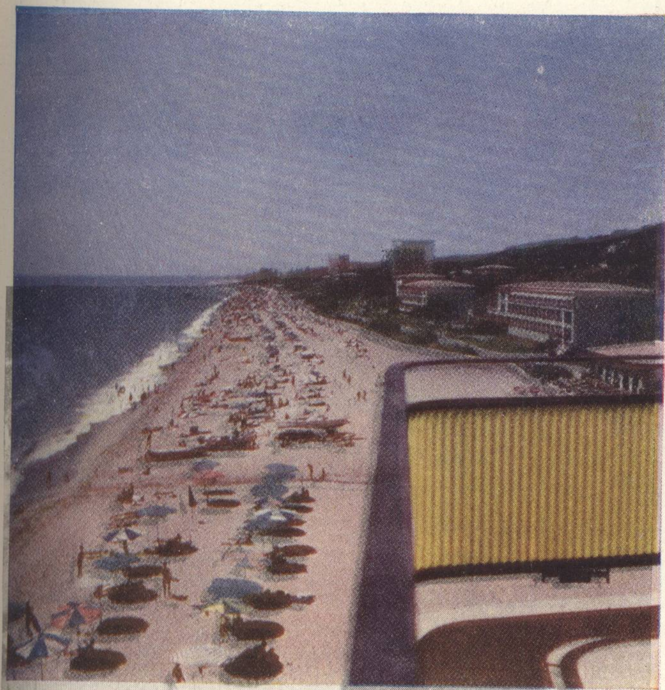
Такими ты увидишь Золотые пески сегодня. А завтра, а через десятилетие? Тут может помочь только фантазия. Потому что уже в будущем году вырастут еще шесть огромных отелей, в том числе один восемнадцатиэтажный...

Каждый. кто побывал на этом чудесном берегу, увозит с собой горсточку мелкого песка. А в сердце навсегда остаются воспоминания о доброте и гостеприимстве болгар и самое дорогое сокровище на земле: солнечная улыбка Дружбы.

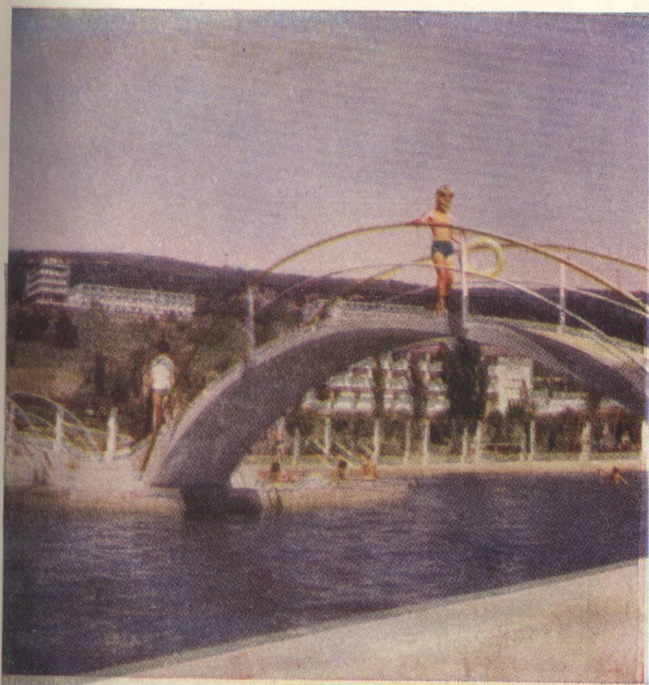
Веселин СТАНЕВ

Сейчас мы приглашаем вас совершить путешествие по нашей Родине. Вот тут перед вами виды знаменитого курорта «Золотые пески», о котором вы только что прочитали.

А здесь вы видите курорт «Солнечный берег». Внизу — уголок старого Пловдива и гостиница «Рила» в Софии.

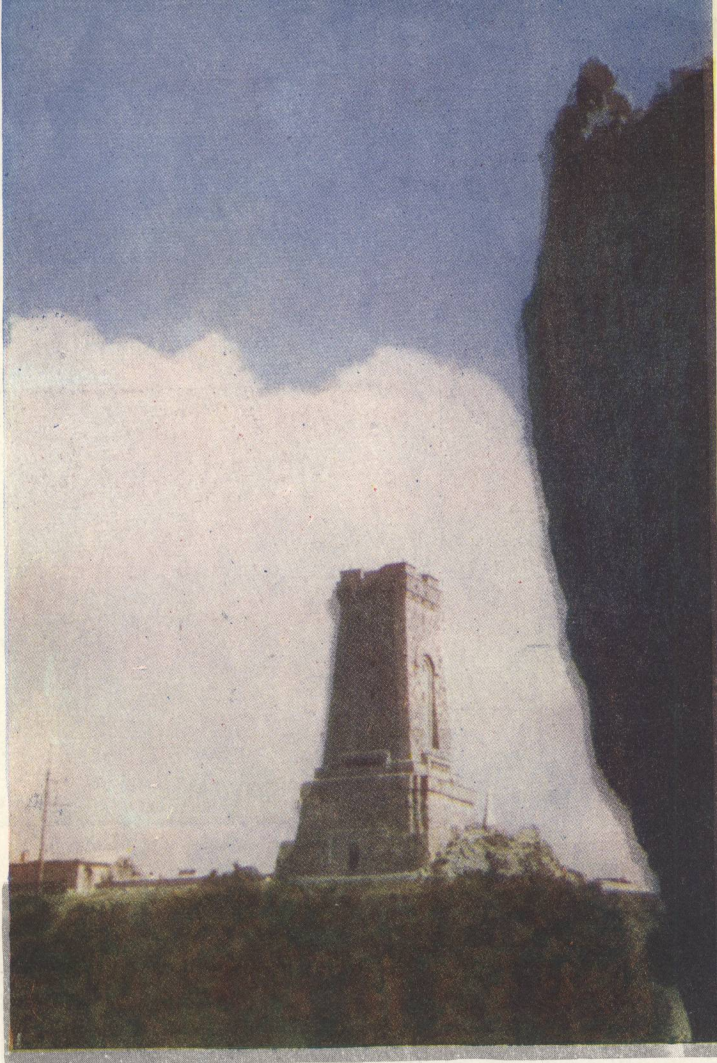

Вид города Тырново.

Озеро в горах.

В старом Котеле.

Памятник героям Шипки
на вершине Столетова.

Новый жилой район в Софии.

Трава и солнце

Анатолий МОШКОВСКИЙ.
Рисунки Ф. Лемкуля.

(Продолжение)

КОРЫТНЫЙ БОЙ

Фима быстро шла по едва заметной тропке. Временами тропка терялась в болотце, и вода чавкала под ногами. Тапки промокли насквозь. Осока, шершавая и острая, хлестала по ногам.

Фиму душила обида. Нет, обидно было не из-за тех слов, которые бросил ей Аверька. Ее сердило не его самоуправство и покрикивание на Ванюшку и Власа. Нет. Все это было пустяком... Хотя, может быть, и это не случайно: он стал совсем другим, когда в их город приехали эти туристы с приемничком и красной палаткой...

Нет, нет, он таким не стал. Он таким был давно. Может, не всегда, но давно. И она не заметила, когда...

Лев до сих пор не подозревает, что это именно Аверька задержал его и говорил о нем такие вещи. Аверька боялся, что Лев узнает это, и попросил ребят не выдавать его.

В одном месте Фима согнала с берега трех белых цапель, в другом — рябого журавля, охотившегося в болоте за лягушками. До Шаранова она шла долго, часа два, а может, и больше, прежде чем увидела крайние полузаросшие ерики, кое-как постланные клади, местами даже в одну доску, по которой надо идти, соблюдая равновесие...

Черная гадюка быстро переползала перед ней тропинку. Фима вскрикнула, отпрянула, добежала до кладей, вспрыгнула на сухую доску и быстро пошла. Потом чуть умерила шаг, затем пошла совсем тихо. Куда торопиться?

Конечно, мать сразу же погонит на стройку дома. Заставит носить ил, а может, и мазать. Может погнать на Центральную с семечками. До чего это препротивное дело! Лучше уж ил месить и мазать стены, чем сидеть так возле корзинки с двумя стаканчиками и смотреть на проходящих — и ведь почти все знакомые! Когда мимо проходили ее учителя, она отворачивалась или смотрела вниз, а когда однажды мимо прошагал директор школы Дмитрий Алексеевич, так она прямо со стыда лицо в платок укутала.

И это она, Фима, сидит на пыльной улице, как какая-то темная, жадноватая бабка, которая и стакан-то верхом насыпать жалеет, сидит и торгует семечками! А что сделаешь? Попробуй не торгуй. Мать прямо сказала еще два года назад: не нравится — на все четыре стороны, крест можешь и не носить, бесстыжая, но чтоб по дому все делала, что велю.

Ничего не поделаешь, пока приходилось во многом слушать ее.

До чего же неладная все-таки у нее жизнь! А тут еще этот Аверя... Ну, был бы он другим, и не подумала бы, и обидно не было бы. А то ведь Аверя — смельчак и силач, такой веселый и азартный, с ним и минуты не заскучаешь, и вдруг такое... Нет, это даже в голове не укладывается...

Как-то все нелепо и глупо получается. Брату Артамону хорошо — ушел. Стал капитаном сейнера. Как женился на Ксане, так привел по ерику к дому лодку, погрузил в нее свой скарб — два чемодана, связку книг, радиоприемник «Аккорд», несколько складных бамбуковых удочек и спиннинг, узел с простынями и подушками,— погрузил, помахал ей и родителям рукой и отчалил. Ксана, ладненькая, с веселыми глазами, босая, шла рядом с молодым мужем и поднимала на пути лодки невысокие мостки; под высокими Артамон проезжал, согнувшись...

Вот и все. Почти без ссор, без ругани. Не пожелал — и уехал.

Отец хотел было поругаться с ним, пошумел накануне, но Артамон — хоть и капитан, да не любитель шума и всякого такого.

— Спокойней, батя,— проговорил он,— и на хохлацкой стороне мне будет неплохо: они нам отдают полхаты. А со временем и сами отстроимся. Помогать тебе буду по-прежнему, не думай и в уме не носи, что зло на тебя таю. Приходите с матерью — добрыми гостями будете.

— Некогда нам на вашу сторону шататься. Плохо ты с нами поступил. Что старики говорить будут!

— Как бы я жил, отец, в одной комнатушке? Не холостой ведь уже.

— Хотел бы — жил бы, в новом доме побольше выделили бы. Две не могу, у меня и Грунька с Фимкой, и бабка, и Галактион. Все так получается, когда бога забывать начинают, все оттого идет, не забывал бы — по-другому бы все шло. Грех большой на себя принимаешь. Не будет тебе спасения.

— Чего опять про это, отец! Уже немало говорено, думаю прожить без бога как-нибудь, и уж здесь мы с тобой не сойдемся ни в какую.

— Езжай.— Отец махнул рукой и пошел в дом, не оборачиваясь.

Мать, та мало говорила, та больше плакала, и отец сказал ей в первый вечер:

— Ревешь теперь? Реви... Не уследила. Я-то все на рыбе, а ты из хаты не вылезаешь, при детях все, откуда же они у тебя такие? В церкву, видать, плохо водишь, слов к ним не знаешь, ласки в душе не найдешь. Суровая ты с ними больно...

— А Груня,— отвечала мать,— моя она дочка. Груня послушливая, сердешная... А Локтя?

В этом мать была, пожалуй, права. Впрочем, в отношении Локти не совсем. По утрам Фиму будил материнский окрик:

— Локтя, к иконам!

Мальчонка долго ворочался в постели, протирая глаза, зевал. Тогда с него летело сорванное одеяло, он быстро умывался, становился под иконы и тоненьким голоском бормотал «Отче наш» и другое... Все это когда-то велели проделывать и Фиме, но только до четвертого класса. В четвертом она сказала — нет. Один галстук ее мать сожгла, другой спрятала невесть куда. Поколачивала, не давала есть, рвала библиотечные книги. Фима скрывала все это в школе: стыдно было такое говорить о родной матери.

Третий галстук — на покупку его дал деньги Артамон — мать не тронула.

Многое изменилось в ее жизни. Ей даже смешно было, что когда-то, когда она была маленькая, да и не очень маленькая, ей нравилось ходить с матерью в церковь, торжественную и высокую, всю в позолоте таинственных икон, в разноцветных стекляшках окон, нравилось слушать церковный хор, прерываемый иногда голосом священника. Даже сам запах церковных свечей, мигание язычков огня, подпеванье женщин в белых платочках — почему-то почти все в их церкви ходят в белых платочках, и у нее такой был, только маленький,— во всем этом было что-то загадочное, странное.

«Все от бога,— говорила мать,— хочешь быть счастливой — молись, хочешь хорошо учиться — молись, хочешь, чтоб отец поймал много рыбы и хорошо заработал,— молись...»

И Фима молилась. В церковь она ходила, как в кино. Потом в школе выяснилось, что бога никогда не было, и нет, и не будет, что все это придумано, чтоб дурачить доверчивый люд, уводить от забот о сегодняшнем дне, от высоких мечтаний и дел, от борьбы за хорошую жизнь здесь, на земле, в городке Шаранове, возле самых плавней великого Дуная...

Комнатка Артамона освободилась, но не стало в отцовском доме просторней и светлей. Несколько икон, которые брат вынес из своей комнаты в другую, вернулись на свои привычные места. Вначале Фима думала, что только мать такая упорная, что с отцом легче договориться. Ничуть не бывало. Разве что только отец был сдержанней и принимал спор. Узнав в школе, что Гагарин на своем «Востоке» впервые взлетел в космос, Фима ворвалась домой.

— Отец, слыхал? Где ж он, твой бог? Если б Гагарин увидел его, сказал бы.

Отец, расчесывавший у зеркала бородку, холодно посмотрел на нее.

— А он и не хотел ему показываться. Велика честь!

— За тучку спрятался? — весело спросила Фима.— Или куда еще?..

— Спаситель нам не докладывает. Его дело.

— А чего же он пустил туда космонавта? Он ведь, как говоришь ты, всемогущ. Мог бы и не пускать.

— Знать, такая его воля. Захотел и пустил.

— Как же мог он это захотеть, если Гагарин своим полетом доказал, что в природе все не так, как пишет библия?

— Не нам знать. Иди-ка лучше помоги матери грядки вскопать. Больше пользы будет, чем насмехаться над родителями.

— Ох, и жалко мне тебя, отец!

— Ну, иди-иди, некогда мне с тобой... Много тут вас развелось. На разные лекции тащат... Деды, что глупые были?

— Не глупые, а темные! — запальчиво вставила Фима.

— Я тоже, может, у тебя темный?

— Конечно же, самый что ни на есть темный!..

Отец резко повернул лицо к ней.

— Проваливай отсюдова... ну! Чтоб дети в старое время такое отмочили родителю своему... Вон!

Хоть не дрался! Вот так и жили они. Даже Локтя, и тот плохо слушался Фиму. Он бубнил молитвы и, нарядненький, причесанный, прилизанный, ходил с матерью в церковь.

— Дурачок,— говорила ему Фима,— где он, твой бог? Помог ли он тебе хоть раз?

Локтя хлопал глазами и пожимал плечиками.

— Мама говорит, что да. Если б не господь, у меня бы скарлатина не прошла, мама все молилась за меня.

— Врачи тебя спасали, а не ее молитвы.

— Не знаю, может быть... Лысый сказывал, что видел на кладях черта, сидел и жрал Пахомову корову, а хвост с кисточкой в ерик свисал...

— А ты и уши распустил?

— Да,— серьезно отвечал Локтя,— наверное, бога нет... Не буду больше верить. Не буду.

А через день бабка кричала:

— Локтя, чисть ботинки! В церкву!

И Локтя торопливо бросал недовырезанный кинжал, чистил ботинки и чинно шагал с высокой, негнущейся, как весло, старухой в церковь.

До чего одиноко живется Фиме!

Хоть бы он, Аверька, был что надо, а то...

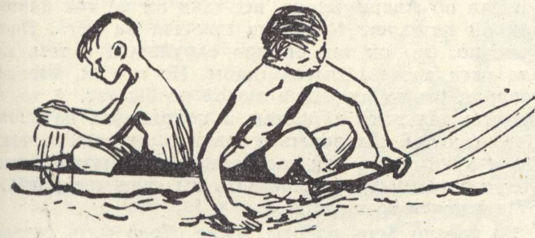
Визг, вопли, плеск воды отвлекли Фиму от мыслей. На широком водном пространстве, там, где сходилось несколько ериков, образовав что-то похожее на пруд, развернулся настоящий морской бой, а точнее — корытный бой. Десятка два малышей на металлических корытах носились по пруду и с воплями брызгались водой.

Глянула Фима на этот бой, и острая зависть коль-

нула ее. Давно ли, кажется, сама участвовала в таких вот боях! Утащит потихоньку у матери корыто, спустит с кладей в ерик, сядет в него и, работая, как веслами, двумя фанерками, понесется по знакомым ерикам... Здорово!

Что делать! Лодку у взрослых не выклянчишь, с собой на рыбалку берут редко, не до игр взрослым, надо рыбу ловить, чтоб домой вернуться не с пустыми руками. А желание поплавать в какой-нибудь посудине у рыбацких детей велико... Ну что, что может заменить им вот такое корыто?

Был среди ребят и Локтя. Он важно сидел в знакомом — и Фима очень здорово плавала в нем! — огромном оцинкованном корыте и, отчаянно работая обеими руками, брызгался, лил воду, как водомет, в корыто рыжеватого Толяна. Конечно, Локтя сидел не в каком-то там корыте, а в новейшем, оснащенном ракетами с ядерными боеголовками судне.

Судно Толяна быстро наполнялось водой, но его брат Костик, сидевший в том же корыте, усиленно выливал воду ладонями, сложенными в черпачок.

Локтя сражался отчаянно: крестик на его шее взлетал на тесемке, болтался из стороны в сторону. Чтобы крестик не мешал, не кололся, Локтя откинул его назад, и теперь крестик прыгал на лопатках. Чтоб он не потерялся и его нельзя было снять, мать хитро завязала тесьму.

Увидев, что корабль брата потихоньку наполняется водой, Фима крикнула:

— А воду кто будет черпать за тебя? Дуралей!

И тотчас ушла. Ей было не до боя. Хорошо бы сходить сейчас на рыбозавод к Маряне и рассказать обо всем! Она поймет: сама здесь росла и не намного старше ее. Недаром старшая пионервожатая как-то сказала ей: «Ты, Марянка, сама еще не выросла из галстука, и тебе он очень идет». Лучше не скажешь. Второй год она у них в отряде, а все и забыли прежнюю, Нюську, десятиклассницу, плосколицую и скучную: даже бегать по-настоящему не умела или, может, считала это ниже своего достоинства? Даже кричать и смеяться не научилась за свои семнадцать лет! И голос у нее какой-то однотонный: бу-бу-бу. Как заладит на одной ноте, так даже про Шостаковича и Курчатова слушать не хочется! И все были как-то сами по себе.

А с ней, с Маряной, все по-другому: бегать — даже Аверька ее не перегонит, хохотать — в этом она тоже мастер, станет рассказывать об Америке — словно сама выходила на демонстрацию с неграми... Впрочем, не очень-то любила Маряна сидеть в классе и рассказывать о чем-либо — таскала ребят на сейнер, в холодильник рыбозавода, даже на рыбпункт в Широкое возила — добилась специальной фелюги для своих ребят.

Она и летом успевала кое-что сделать. А ведь времени-то у нее в обрез: на патрулирование и то не смогла выбраться...

Пойти бы сейчас к ней! Да она на рыбозаводе. Там у нее работы будь здоров: то и дело приезжают суденышко «Байкал» да фелюги с рыбой.

Не до Фимы будет сейчас Маряне. Да и неловко как-то жаловаться на Аверю: еще подумает чего... Нет, с ней можно поговорить просто так и не о нем, а просто обо всем, вспомнить про Одессу, куда они должны поехать всем отрядом в начале сентября... Ох, как хочется Фиме побывать на Потемкинской лестнице и особенно в порту! Говорят, там порт громадный и пришвартовываются у стенки суда из всех стран мира. Скоро туда должна прийти «Слава» — матка китобойной флотилии, промышляющей у ледяной Антарктиды. Побывать бы на ней!

Фима и не заметила, как добрела до своего дома.

— Корыто не брала? — закричала на Фиму мать, выскакивая из калитки.

— А зачем мне твое корыто?

— Может, тогда Локтя стащил?

— У него и спрашивай.

— Не видала его?

— Больше у меня нет дела, как за ним следить! — фыркнула Фима, еще не отошедшая от всего того, что сегодня случилось.

Мать в сердцах хлопнула калиткой и пошла к дому,—как только работать не позвала! А Фиме не захотелось идти к себе, и она решила погулять по соседним улицам-ерикам.

Долго гулять не пришлось. По доскам застучали чьи-то твердые босые пятки, и ее дернул за платье коренастый Саха. Лицо у него было мокрое и очень бледное.

— Фи... Фи... Там... там... Лок... Лок...

Недоброе предчувствие толкнуло ее.

— Что случилось? — Она схватила за плечи и затормошила Саху.— С Локтей?

— Д-да-а,— выдавил Саха.

— Что же, что? — Ее уже всю трясло.

— У-у-у-у...

— Что «у-у-у»? — передразнила она его.— Ты утка или человек?!

— У-у-топ...— наконец вымолвил Саха.

— Где? — почти закричала она.— Веди!

И Саха помчался по кладям, а она за ним.

Бежали, казалось, целую вечность. Саха остановился у очень широкого и глубокого — Фима это хорошо знала — ерика, в котором уже не сновали и не стреляли водой боевые корабли, а уныло покачивались обыкновенные корыта. Большинство команд по-

кинуло свои суда и, дрожа от холода и испуга, боязливо жалось на мостках.

Двое ребят постарше плавали и ныряли в ерике. Фима в полсекунды скинула платье, бросилась с мостков в воду, нырнула и стала носиться у самого дна, прочесывая весь ерик. Он был широк, этот ерик, но для нее, привыкшей к Дунайцу и даже Дунаю, он казался не больше лужи.

Локтю она нащупала секунды через две, схватила за куртку и тотчас вынырнула.

— Подержите! — крикнула она, держась за край клади и подтягивая к ребятам неподвижного малыша.

Ребята, стоявшие наверху, с плачем и криками бросились наутек. Тогда мальчишки постарше, искавшие Локтю, подплыли, поддержали его. Фима вылезла на доски, подняла Локтю, вытянула на доски — он слабо зашевелился — и стала лихорадочно делать искусственное дыхание: подымать и опускать его руки.

Изо рта Локти полилась вода, а минут через пять, бледный и вялый, он уже сидел на досках, прислонившись к плетню. Когда он совсем отошел и кровь потихоньку стала приливать к его лицу и телу, вот тогда-то он вспомнил все, что было, дико испугался и заплакал.

— А корыто где? — сердито спросила Фима.

— Оно вон там затонуло,— сказал черноволосый паренек и показал рукой.

Фима нырнула, быстро нащупала руками корыто и за веревку с помощью ребят вытащила его на клади.

— Ох, и попадет тебе от мамки! — крикнула Фима.— Корыто ей нужно!

Локтя нервно теребил на шее круглую петлю от крестика. Потом посерьезнел, сморщился, по щекам побежали слезы, и его прорвало, да так, что, наверное, за плавнями, в степи было слышно.

— Замолкни ты у меня, а то как дам сейчас! — закричала Фима.— Как тонуть, так ничего, не ревешь, а как домой идти, так...

Она махнула на него рукой, взяла за край огромное корыто и потащила по кладям. Локтя, утирая слезы и все еще всхлипывая и размазывая грязь на щеках, плелся сзади.

Вдруг Фима остановилась, столкнула корыто на воду, опустилась в него — оно дало большую осадку, силой втянула Локтю, посадила у себя меж коленями, загребла, как веслами, ладонями и двинулась к своему ерику, к улице Нахимова.

Перед ее лицом было худенькое, в гусиной коже, тельце брата с крестиком меж лопаток, и ей вдруг стало до боли жаль его: ведь растет один, с малышами, все его братья и сестры слишком оторвались от него по возрасту, и, в сущности, им нет до него дела. Ох, Локтя, что из тебя получится!..

Фима мчалась по ерикам в корыте, кое-где вспугивая удивленных гусей, которые считали себя полноправными хозяевами ериков, сутками плавали и ныряли тут, показывая небу свои хвостики и пожирая насекомых и водяную траву.

Фима не причалила к собственной калитке. Она остановилась за углом, помогла Локте вылезти на клади и сказала:

— Сразу домой не иди, дай мамке остыть... Что брал корыто, не признавайся. Я его как-нибудь незаметно внесу.

Локтя смотрел на нее восхищенно, он был еще более жалким, и Фима подумала: какой же он еще неразумный, криволапый щенок!

— А ты как же?

— Как-нибудь...

КАПИТАН СХОДИТ ПОСЛЕДНИМ

Два дня помогала Фима матери обмазывать дом. Работников на этот раз было негусто. Груня на рыбоприемном пункте Широкое строила с колхозной бригадой клуб. Отец тоже был на лову. Бабка Никодимовна чуть оправилась от простуды и подносила ил.

Локтя выполнял кой-какую подсобную работу: подавал инструмент и воду, чистил к обеду картошку, бегал в магазин за хлебом, сыпал уткам кукурузное зерно.

Два дня Фима не выходила в город. Иногда вспоминала об Авере. Верно, все-таки он не так виноват, как ей казалось. Напрасно кричала на него. Плохо, конечно, что он так быстро сдружился с тем, кого два часа назад обзывал гадом. Но что ж, взрослые говорят, без недостатков людей не бывает. А то, что он угождал этим туристам и покрикивал на своих... Что ж, хотел похвастаться властью, он ведь из таких. Да и к тому же они гости, москвичи, может, скоро уедут, почему бы не показать им свою щедрость, не отдать почти всех раков...

На третий день работы после обеда мать сказала:

— Чего не пожалуешься? Притомилась ведь?

— Ничего,— сказала Фима.

— Вижу я твое «ничего», иди прогуляйся...

— Могу пойти, мне все равно.— Фима пожала плечами.— А Локтю отпустишь?

Мать сморщила лоб, поглядела на нее, потом перебросила усталый взгляд на сына:

— У тебя, что, дружков, окромя него, нету?

— Почему? Есть... Не хочешь — не отпускай, пойду одна.

— Ну, пусть идет, только смотри у меня... Чтоб... Сама понимаешь...

Наверно, мать боялась слишком сильного влияния ее на Локтю.

Они умылись, переоделись и вышли.

Три дня не хотела Фима видеть Аверю. А теперь ничего, теперь она не возражала бы, если б он попался. Ну, поздоровались бы с ним, может, парой слов перекинулись бы...

Пройдя последний ерик, вышли к закрытой Рождественской церкви, Локтя чуть отстал от сестры и быстренько перекрестился.

Фима сделала вид, что не заметила. Церковь белела прочным камнем, огромная, массивная. Купола ее улетали вверх, свежевыкрашенные серебристой краской. Церковь была ограждена новенькой металлической оградой, над калиткой высился ажурный крест...

И закрытая, церковь излучала тяжелую прохладу и мощь и совсем не собиралась сдаваться.

Увидев новый купол ее, Фима вспомнила прошлогоднюю историю и сказала брату:

— Отремонтировали... Помнишь, как горел купол? Молния точно угодила в крест.

— Помню.

— Совсем обнаглела молния, Илья-пророк послал ее прямо в святой крест... Бога не побоялся.

Локтя молчал.

— Дрянь, видно, дела на небе, если по своим же

крестам бьют, на котором был распят ихний Христос. Но ты, Локоток, не огорчайся: поставили к кресту громоотвод, и весь электрический заряд теперь будет уходить в землю. Молния больше не ударит, не захочет сжечь божий храм.

— А чего мне бояться?

— А вдруг сожжет? Куда тогда будешь ходить молиться с мамой?

Локтя ничего не отвечал.

— Тогда в другую церковь пойдешь, у нас их ведь две... Тебе повезло.

Локтя обиженно надул губы.

— Я хожу с мамой просто так, водит, ну и хожу.

— А как же! Особенно если страшно ремня.

В это время они увидели Маряну. Она летела по тротуару, платье било ее по коленям и вилось сзади, как волна за пограничным катером.

— А-а, Фим, привет!— Она с ходу остановилась.— Эх, и Аверька! Маху дал, а?

Фима посерьезнела: может, хочет разыграть?

— А зачем тот снимал, что не положено? Правильно задержал.

— Ты куда сейчас? — спросила Маряна.

— С братишкой хочу погулять. Три дня месила тесто для новой хибары.

— А...— Маряна о чем-то задумалась. Потом вдруг спросила ее: — Была в кино?

— Некогда. И деньгами батя не сорит.

— Слушай, вчера привезли новую картину. Сходи. Обязательно!

— Что за кино?

— Понравится. Очень даже. В твоем духе. Про моряков. Ох, и картина! Ну, я побегу, некогда мне. Ведь с работы отпустили, надо Машу нашу посетить, прихворнула что-то. Да еще в магазин забежать — купить что-нибудь ей. А тебе вот...— И Маряна протянула Фиме блестящую монетку — полтинник.

— Да что ты, Маряша! Не нужно мне. Что, я сама не...

— Бери, и точка... Всего!

И не успела Фима придумать, как лучше возразить, а красноватое платье Маряны уже летело далеко впереди.

— И на меня хватит? — спросил Локтя.

— Если сядешь на первый ряд, хватит. Будем сидеть порознь, хорошо?

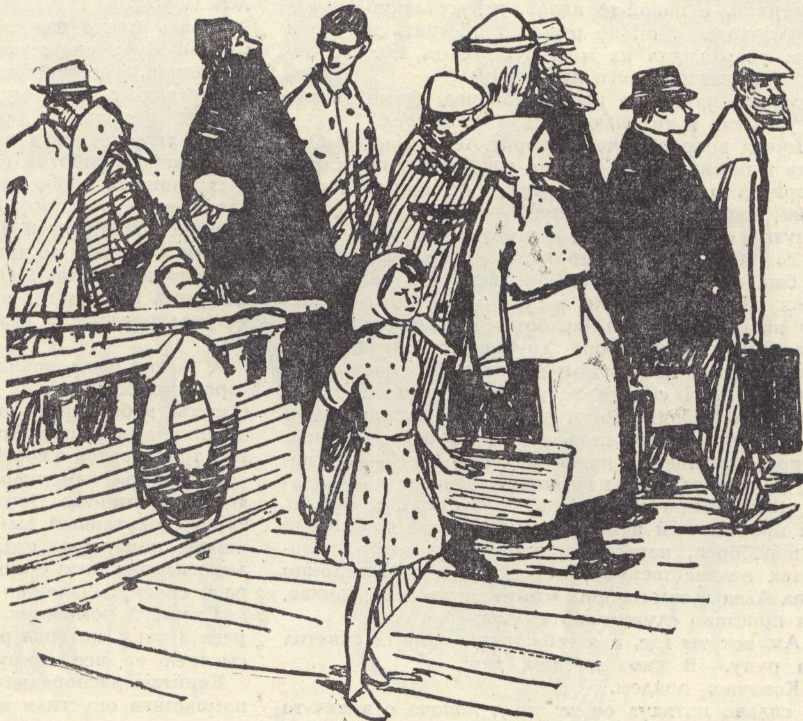
— Спрашиваешь еще!..

Они подошли к порту: к причальной стенке, укрепленной бревнами, к кучам досок, к громадной пристани и к плавучему крану с длиннющей шеей, к запаху гари и канатов...

Фима любила приходить сюда, любила по сходням взбегать на пристань, куда ежедневно пристают несколько речных трамваев из города Измаила, до отказа набитых рыбаками и женщинами с корзинами, испачканными клубникой...

Когда-нибудь, наверное, не будет обычных тихоходных судов, все будут летать, как «Ракета», потому что в эпоху космических полетов нельзя по-черепашьи ползать по морям-океанам. Фима обязательно станет к пульту управления одного из таких вот судов, и оно в три часа долетит до Каира, а в полдня — до Нью-Йорка.

На рейде покачивались на якорях три самоходные баржи: их по Дунаю перегоняли из Чехословакии в наши порты. С барж доносилась музыка. Они были новенькие, блестящие, белоснежные, и старое, привычное слово «баржа», то есть что-то закопченное, черное, неуклюжее, никак не подходило к ним. Это были корабли с двигателем, рубкой и каютами для

команды, но три четверти выдвинутого вперед корпуса предназначались для грузов.

Резкая сирена прорезала тишину.

— «Ракета»! — Локтя бросился к пристани.

Прочертив дугу, быстрое, острогрудое, как космический снаряд, судно снизило скорость, чуть опустилось и легко подкатило к пристани.

Фима побежала за Локтей: всегда интересно посмотреть, кто новый приехал к ним сегодня, кто сойдет с «Ракеты» на их землю. Фима взбежала по трапу на пристань и остановилась, точно какая-то преграда мешала ей бежать дальше.

У трапа, уже перекинутого на борт «Ракеты», стояли Аверя и Лев. Они пристально смотрели вперед, кого-то дожидаясь. Цепочкой, по одному пассажиры ступали на трап.

Вот вышли два пограничника — лица у Авери и Льва серьезны; вот появился толстобрюхий парикмахер Леон — они слегка кивнули ему; вот вышел директор школы Дмитрий Алексеевич с сыном Петькой — вежливо поздоровались с ним; вот вынырнул поп отец Василий, рослый, в шапочке, с волосами, заплетенными в косичку, в длинной дорогой рясе...

— Здравствуйте, отец Василий,— смущенно проле-

петал Аверя,— с вами желает познакомиться мой товарищ, он из Москвы и очень хотел бы...

Тут вперед вышел Лев, учтиво улыбнулся и как-то быстро и весело заговорил с попом.

Фима не слышала, о чем, она сразу отпрянула. Хотела найти Локтю, но так и не нашла: затерялся в толпе; сбежала по трапу и остановилась внизу, у горы порожних ящиков из-под консервов.

Лев с попом, оба высокие и заметные, прошли вперед. За ними, точно лишний и ненужный, проследовал Аверя. По случаю прогулки он принарядился: на серую рубаху надел отглаженный, только в двух местах штопанный чешский пиджачок, свои неизменные полуботинки до блеска начистил. И вся эта парадность так не вязалась с опущенной головой, с неуверенной, с какой-то вялой, искусственно замедленной походкой: он не решался обогнать их, но и не был уверен, что их можно оставить вдвоем, потихоньку отстать и уйти куда-нибудь.

Когда все приезжие прошли вперед, Фима вышла из-за укрытия и тихонько двинулась вперед.

Ее мучил вопрос: о чем говорит Лев с попом? Она тут же вспомнила, что Лев не раз в ее присутствии заговаривал о религии, о церквах, о попах. Зачем все-таки ему понадобился поп?

Попутно она вспомнила другого попа, отца Игнатия. Тот был полной противоположностью этому. Этот был франтоват и величествен, тот, решивший «столкнуть» отца Василия, в быту мало чем отличался от простого рыбака («работал под рыбака», как сказал однажды на сборе дружины Дмитрий Алексеевич), ходил по улицам в тапках на босу ногу; старенькая ряса скорей напоминала длинный халат рабочего на рыбоприемном пункте, да и лицо у него было не надменно-холеное, значительное, а простецкое: нос картошкой, щеки подушечками — они немного перекосились и нарушили симметрию,— и глаза глядели доверительно и даже грустно... И вот он, такой простоватый и неблестящий, такой будничный поп, переборол, пересилил, перехитрил этого, который так величественно шел сейчас и благосклонно слушал Льва и сам говорил что-то мягко и вкрадчиво, как и пристало служителю культа.

— Ах, вот ты где, а я тебя ищу! — Локтя схватил ее за руку.— В кино пойдем, да?

— Конечно, пойдем.

Он сильно потянул ее за руку, лопоча о каких-то своих тральщиках и ракетоносцах, и, конечно, наткнулся на Аверю. Тот заметил Фиму и протянул ей руку.

— Все злишься, наверное?

Фима давно уже перестала злиться, хотя в глубине души понимала, что Аверя вел себя не очень хорошо. Она давно простила ему многое, но, как только задал он этот вопрос, Фима нахмурилась, надулась, точно и вправду все еще сердилась.

— Не надо,— проговорил он,— мало ли что могу я сказать...

Фима промолчала и пошла вперед, стараясь не смотреть на него, хотя давно уже ждала этой встречи. Ждала и дождалась! Ей хотелось всегда дружить с ним, бегать купаться на Дунай и играть с ним в нырки, хотя это было и страшновато. И никогда не ссориться. И сейчас вот Локтя помог встретиться им. Точно и не было ссоры. Странно, но именно сейчас их дружба казалась ей как никогда крепкой и доброй...

На старом тополе Фима вдруг увидела рекламный плакат. На фоне синего бушующего моря написано зигзагами молний: «Капитан сходит последним». А рядом — силуэт военного корабля и темный профиль моряка.

Про эту картину, верно, говорила Маряна.

— Сходим,— сказала Фима, не глядя на Аверю.

— Рад бы, но...— тут Аверя похлопал себя по карманам и пропел: — Штаны без звона у меня.

— А у меня вот,— Фима показала полтинник на ладони.— Тоже не мои. Маряна дала.

— Так нам хватит, возьмем самые дешевые! — обрадовался Аверя.

— А этот человек? — она кивнула на неровно, волнами стриженную голову Локти.— Обещала...

— Подумаешь! Поручи это дело мне.— Аверя тут же взял с ее ладони монету, схватил под руку малыша, отвел в сторону и горячо заговорил о чем-то. Потом подошел к киоску, где продавали мороженое, пристроился к очереди — мороженое в Шаранове продавали редко.

Стоять Авере надоело. Он примазался к знакомому рыбаку у окошечка и скоро получил вафельный стаканчик. Торжественно вручил его Локте, снова что-то тихо сказал ему, и тот, улыбаясь во все лицо, отошел и принялся деятельно слизывать мороженое, криво наложенное в стаканчик.

Кинотеатр работал без контролера. Они опустили в стеклянный ящичек билеты, разыскали в полутьме свои места, и скоро началась картина. На экране появился эсминец. Матросы отрабатывали учебные задачи, стреляли по щитам в море, отбивали учебные воздушные налеты. Один усатый весельчак ловко накладывал пластырь в трюме судна на «пробоину» от «торпедировавшей» его «вражеской» подводной лодки.

А потом была война, и бомбы, летящие на наши города из бомболюков немецких «юнкерсов», и осада Одессы, и боевые выходы в море, и потопление этим эсминцем двух вражьих подводных лодок, и нескольких транспортов с войсками...

Но счастье изменило эсминцу: нашла его в открытом море торпеда. Эсминец стал заваливаться на бок, тонуть, окутанный дымом и пламенем. Самые испуганные и нервные сразу же попрыгали за борт, более выдержанные стали выполнять приказы командира и спускать шлюпки и спасательные плотики...

Старший помощник, легко раненный осколком дерева в руку, потерял речь и, словно парализованный, смотрел на все вокруг.

Капитан распорядился, чтоб с партией раненых помощника опустили на одну из последних шлюпок.

— А вы, товарищ командир? — крикнул в грохоте и пламени один из матросов.— Пять минут — и судно взорвется, воронкой засосет — не выплывете...

— Выполняйте приказ! — крикнул капитан.

Шлюпка отплыла. Он остался на судне. Он еще раз обошел все, что можно было обойти, проверил каждую каюту, камбуз, мостик, и уже с почти затонувшего судна сошел на последний спасательный плотик...

Сверху смотрели звезды, когда Фима с Аверей возвращались из кино. Фонарей на ериках не было, им светили редкие огоньки окон. Чтоб не свалиться с кладей, шли, касаясь рукой дощатых заборчиков.

После этой картины ни о чем не хотелось говорить. Все казалось мелким и несерьезным.

— Слушай,— сказал Аверя, когда они подошли к Фиминому дому,— дай, пожалуйста, для ребят одну икону. У вас ведь их так много. Никак не могу найти хорошую... Все печенки проели мне. Этот Лев просто помешался на них. Привел я его домой в тот день, когда вернулись с рыбалки, принес ему порубанные Артамоном, и что ты думаешь? Чуть не плакал над ними. «Такие вещи погубил!» Складывал на траве по дощечкам и палочкам, как малый кубики. Сложил две иконы, взял с собой: склеивать будет...

— Хорошо, я принесу... А зачем?

— Нужно. Да неси какая постарей... И не очень заметную, чтоб родители не хватились.

— Хорошо. Ту, что в моей комнате. Георгий Победоносец пронзает копьем змия. Небольшая она...

— Давай. Только потише...

Фима исчезла в потемках и явилась не скоро — минут через десять: все приходилось делать в потемках. За стенкой похрапывали мать с бабкой. Когда она снимала со стены тяжелую доску, внутри тревожно заныло. Но отступать было поздно. Она выскользнула из дому и передала ее через забор Авере.

— Чушь какая-то,— сказал он.— Не знаю, понравится ли ему. Ребенок тоже может так нарисовать. Но что старая — так это точно. Словом, ничего...

Фима стояла у заборчика и молчала.

— Ну, до завтрого... Ты как-нибудь сдвинь остальные иконы, чтоб не так было заметно, чтоб голого места не оставалось на стене... Ну пока.

— Спокойной ночи.— Фима пошла к дому, а в глазах ее все еще клокотали волны, заваливался на нос эсминец и спрыгивал на последний плотик капитан, человек, который по морскому закону должен сходить со своего корабля последним...

(Окончание в следующем номере.)

Г. ГРАУБИН
Рисунки Е. Медведева.

1

Сгорела свеча.
На работе сгорела.
Дотла,
Без остатка,—
Обычное дело.

Их было пятнадцать,
Из сала и воска
В прохладной тени
Мелочного киоска.

Под шорох мышиный
Вздыхали подружки:
— Попасть бы на службу
В квартиру к старушке!
В квартиру со светом,
Но с темным чуланом —
Хотя бы для виду
Работа была нам!

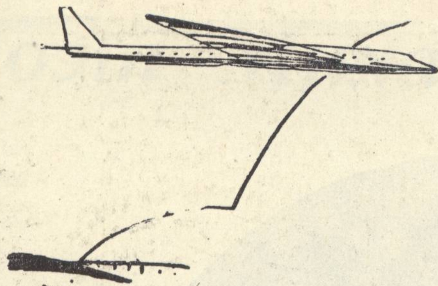
И только одна
Заявила, горда:
— Я лучше сквозь пол
Провалюсь от стыда!
Упала с прилавка
На мусор и грязь,
Да так и осталась там.
В щель завалясь.

Подружки устроились
В пыльных чуланах,
На рваных рогожах
И ватниках драных.

2

А время летело.
И как-то к киоску
Пришел незнакомец,
Куря папироску.
Расстроенный,
В пальцах он мял ее
Нервно:
— Свечей и у вас
Не осталось, наверно?
Вот жалость!
В тайгу
На рассвете
Лечу.
Хотя бы одну
Отыскали свечу!

Свеча встрепенулась.
По доскам стуча,
К ногам продавца
Подкатилась свеча.
И вот опустилась
На дно рюкзака,
Чтоб птицею завтра
Взлететь в облака.

3

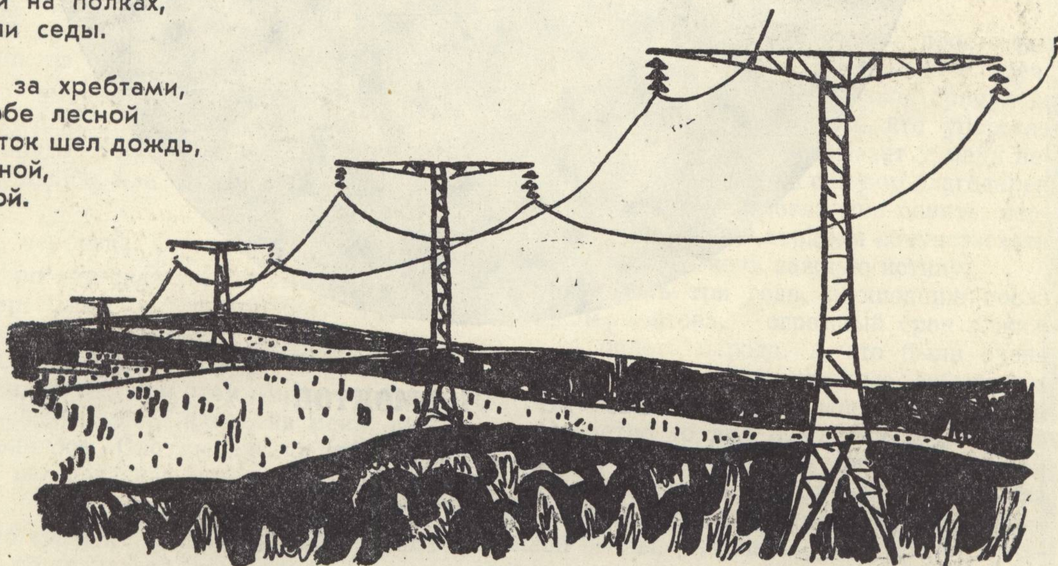
Подружки
В глаза не видали
Воды.
Скучали на полках,
От пыли седы.

А там, за хребтами,
В чащобе лесной
Пять суток шел дождь,
Проливной,
Навесной.

И некогда было
Там свечке скучать,
Должна была свечка
Людей выручать:
В кисель превратились
За несколько дней
Тугие пакеты
Сухих батарей.

Геологи —
Так их,
Таежников,
Звали —
На новенькой карте
Значки рисовали:
— Тут горы,
Тут скалы,
Здесь падь,
Здесь родник.
Тут будет поселок,
Тут новый рудник!

И вот нарисован
Последний значок.
И сник,
Трепыхнув,
Золотой язычок.
Погас, чтоб потом,
Через несколько лет
Пришел в эту глушь
Электрический свет...

М. Ю. Лермонтов

1814—1841

Поэт Михаил Лермонтов

Б. САРНОВ

Пока еще не назовем его ни Байроном, ни Гете, ни Пушкиным, и не скажем, чтоб из него со временем вышел Байрон, Гете или Пушкин: ибо мы убеждены, что из него выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет — Лермонтов...

(Белинский. Из статьи, написанной при жизни поэта.)

Иногда мне приходится читать лекции о современной поэзии. Обычно конец такой лекции превращается в разговор, нередко заканчивающийся бурным спором. Спор возникает всегда «на том же самом месте». Стоит только произнести имя одного из популярных молодых поэтов, как обязательно кто-нибудь громко заявит, что поэт этот — гений. И сразу же найдется другой спорщик, с такой же страстью и убежденностью уверяющий, что поэт, о котором идет речь, — бездарность и пошляк.

Разные имена мелькают в этих спорах. Как правило, это имена наших современников. Редко кто-нибудь вспомнит Маяковского или Есенина. Для сегодняшних читателей это уже классики. А о классиках не спорят. Их «проходят» в школе, изучают, чтят.

Вероятно, именно по этой причине не было ни одного случая, когда во время такой беседы кто-нибудь из присутствующих произнес бы имя Пушкина, или Некрасова, или Лермонтова.

Впрочем, неправда. Один такой случай был.

Меня попросили сказать, кого я считаю самыми интересными из сегодняшних наших поэтов. Перечислив пять-шесть имен, я назвал в числе других Леонида Мартынова. И вдруг увидел, что при этом имени лицо девушки, сидевшей прямо напротив меня, внезапно изменилось. Оно выражало такое неприкрытое негодование, что я невольно запнулся.

— Вы со мной не согласны? Вам стихи Мартынова не нравятся?

— Я их не читала. И не буду! — сказала она с непонятным злым упрямством.

— Почему? Это один из лучших современных поэтов...

— Не верю. Не может хороший поэт носить фамилию человека, который убил Лермонтова...

Признаться, я растерялся. Эта мысль никогда в жизни не приходила мне в голову.

— Но ведь Мартынов не виноват. Это его фамилия. Он не имеет никакого отношения к тому Мартынову...

Я приводил серьезные доводы, а когда это не помогло, пытался превратить все в шутку. Но девчонка упорно стояла на своем:

— Все равно! Он должен был взять псевдоним. Поэт не имеет права носить фамилию убийцы Лермонтова.

Это было просто глупо. Леонид Мартынов действительно хороший поэт. И потом, неужели все Мартыновы, сколько их есть на свете, должны переменить фамилию только потому, что когда-то, сто двадцать три года назад, их однофамилец убил Лермонтова?

Но все-таки что-то мешало мне просто так взять и отмахнуться от этой странной идеи, объявив ее смешной и несерьезной причудой. Я даже поймал себя на том, что упорство этой странной девчонки вызывает у меня невольное уважение. И я до сих пор благодарен ей, потому что она помогла мне понять, вернее, не понять, а всем сердцем почувствовать очень простую и очень важную истину.

Сто двадцать три года, прошедшие после смерти Лермонтова, — огромный срок в жизни даже целого народа. А это были очень бурные, до предела насыщенные событиями годы. Достаточно только вспомнить две даты — столетие со дня рождения Лермонтова (1914 год) и столетие со дня его смерти (1941-й). Каждая из этих двух дат была ознаменована началом страшной, опустошительной войны, унесшей миллионы человеческих жизней.

ДЕМОН (сидящий).

М. Врубель.

ДЕМОН И ТАМАРА.

Рисунок М. Врубеля к поэме «Демон».

Я хочу сказать не только о том, что люди привыкли к потерям. Тут важно другое. Последние пятьдесят лет изменили облик мира больше, чем предшествующие им тысячелетия. Появились автомобили, небоскребы, самолеты, радио. Началась новая эпоха в истории человечества — эпоха «войн и революций». Возникли новые слова, каких не было прежде ни в одном человеческом языке: «газовая камера», «лагерь смерти», «атомная бомба».

Казалось бы, все это, вместе взятое, должно было в далекую-далекую даль отодвинуть от нас события более чем столетней давности. Но вот не отодвинуло. И трагическая гибель юноши-поэта, случившаяся ненастной ночью 1841 года, для нас до сих пор все еще не зажившая, открытая, кровоточащая рана. И любое неосторожное прикосновение к этой ране все так же болезненно, как тогда, сто двадцать три года назад...

У Пушкина в драме «Борис Годунов», в знаменитой «сцене у фонтана», беглый монах Гришка Отрепьев, выдающий себя за сына Ивана Грозного, объясняется в любви польской красавице Марине Мнишек. Он обещает сделать ее царицей, сулит ей блестящую, яркую жизнь, и гордая полячка соглашается. Казалось бы, самозванец может быть счастлив. Но он несчастлив. Его счастье отравлено горечью. Ведь Марина думает, что он настоящий царевич — Димитрий. А он не хочет, чтобы она любила в нем кого-то другого. Он хочет, чтобы любили его *самого*. И, рискуя потерять с таким трудом обретенное счастье, он признается Марине, что он вор Гришка, беглый монах...

Пушкина волновала эта мысль. Он возвращался к ней не раз.

В драме «Каменный гость» дон Гуан добивается любви прекрасной донны Анны, выдавая себя за дона Диего. Но в последний момент он тоже не выдерживает и, рискуя все потерять, признается: «Я не Диего, я — Гуан!» Он тоже хочет, чтобы любили *его самого*.

В ту пору, когда стихи Лермонтова впервые стали достоянием читающей публики, его сразу готовы были полюбить. Полюбить и объявить достойным заместителем Пушкина, «вторым Пушкиным». Белинский во всеуслышание объявил, что стихи Лермонтова не хуже пушкинских. Они, писал он, удивляют «полновластным обладанием совершенно покоренного языка, истинно-пушкинской точностию выражения».

Это была сущая правда.

Но Лермонтов не хотел быть «вторым Пушкиным». Он хотел, чтобы в нем полюбили не кого-нибудь другого, даже если бы этот «кто-то» был Пушкиным. Он хотел, чтобы полюбили его самого.

Он сразу был непохож на Пушкина.

Стихи Пушкина полны солнечного света, кристальной ясности и чистоты. Пушкин даже грустил и печалился по-своему. «Мне грустно и легко, печаль моя светла...» — говорил он.

Печаль Лермонтова была темна и горька. Его стих тяжел и сумрачен. Это действительно «тяжелый стих, облитый горечью и злостью». На его лице преобладает одно выражение. Лучше всего это выражение лица можно передать словом, которое сейчас почти не употребляется: «угрюмство». Он угрюм и одинок. Он не верит людям и не ждет от них благодарности и сочувствия.

У Пушкина есть стихотворение «Пророк». В нем, как известно из учебников, он выразил свой взгляд на долг и назначение поэта:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей...

Взгляды Лермонтова на роль и назначение поэта не отличались от пушкинских. И все-таки Лермонтов написал совсем другого, своего «Пророка». Написал, разумеется, не для того, чтобы просто «присоединиться» к Пушкину, как на собрании присоединяются «к предыдущему оратору».

Лермонтовский пророк — отверженный, изгнанник. Он не признается людьми. Они считают его самозванцем, лжепророком:

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Рисунок И. Репина к стихотворению «Пророк».

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Но откуда эта ненависть людей к пророку? За что ближние в него «кидали бешено каменья»? Ответ ясен и недвусмыслен: за то, что он говорил им правду про них. И правда эта, по-видимому, была не очень привлекательна:

С тех пор, как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Люди не прощают тем, кто видит их насквозь. Они не прощают правды. Поэтому тот, кто хочет говорить правду людям, сам обрекает себя на одиночество.

Так угрюмство Лермонтова получает объяснение. Он угрюм не потому, что у него дурной характер. И одинок не потому, что не любит людей. Причина его угрюмства и его одиночества — разочарованность.

Он разочарован во всем. В друзьях, в любви. Стих его облит «горечью и злостью», даже когда он обращается к самому богу:

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей,
За жар души, растраченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

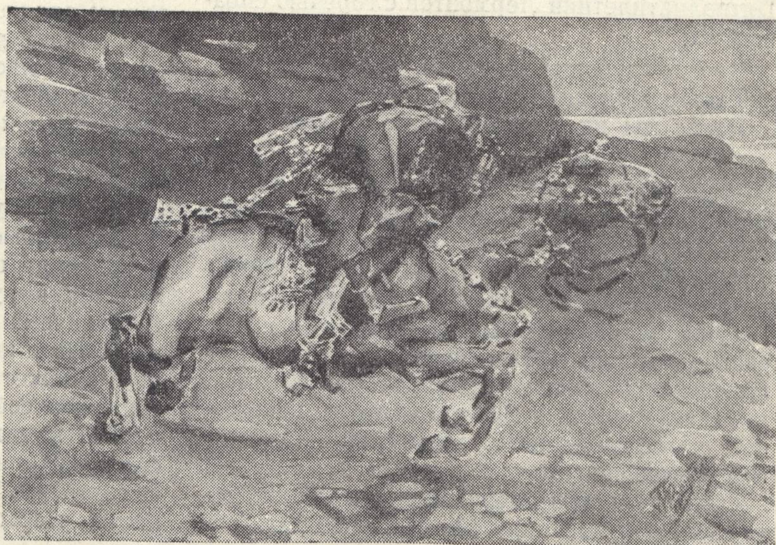
Он просит бога об этой последней милости, потому что разочарован в самой жизни.

Разочарованность, гордое одиночество, тоска — все эти мотивы, пронизавшие стихи Лермонтова, были прочно связаны в сознании его современников с именем великого английского поэта Джорджа Байрона. Слава Байрона в то время даже в России уже пережила свой зенит и стала модой. С тем большей легкостью русская читающая публика готова была сразу признать, принять и полюбить Лермонтова, объявить его достойным заместителем Байрона, «русским Байроном». Но Лермонтов не хотел быть «вторым Байроном», так же как он не хотел быть «вторым Пушкиным». Подобно пушкинскому самозванцу и дону Гуану, ему нужно было, чтобы любили, понимали и признавали его *самого*. Он писал:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой...

БЕЛА.
Рисунок В. Серова.

«НЕСЕТСЯ КОНЬ БЫСТРЕЕ ЛАНИ...»
Рисунок М. Врубеля к поэме «Демон».

И он был прав. При всем сходстве главных мотивов лермонтовской поэзии с главными мотивами поэзии Байрона — Лермонтов не Байрон. И разочарованность его другая, не «байроновская». Для этой разочарованности были свои, сугубо русские причины.

Лермонтову было шестнадцать лет, когда он написал:

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать...

И ему было двадцать четыре года, когда у него вырвалось:

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно...

В промежутке между этими двумя цитатами — вся жизнь Лермонтова. И в том же промежутке — вся жизнь людей его поколения. Даже тех, кому не было суждено, как ему, погибнуть двадцати семи лет от роду.

Это было поколение людей, обреченных на бездействие. Очень рано поняли они, что им вряд ли удастся применить в жизни те могучие силы, которые переполняют их душу. Пятнадцатилетний Лермонтов с горечью спрашивает:

К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?

Откуда взялась эта уверенность в невозможности применить свои силы и таланты? Что было источником разочарованности, так рано отравившей юность целого поколения?

13 июля 1826 года на кронверке Петропавловской крепости были повешены Пестель, Рылеев, Каховский, Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол — пять руководителей разгромленного восстания декабристов. В том же июле потянулись в Сибирь колонны закованных ссыльных — цвет дворянской образованной молодежи.

Отцы и матери дворянских мальчиков, которым было в ту пору 11—12—13 лет, благодарили бога за то, что их дети еще малы и не доросли до политики. Отцы и матери не предполагали, что их мальчикам выпадет на долю не менее горькая судьба...

Не так уж трудно догадаться, какого действия жаждали сверстники Лермонтова, каким бездействием они тяготились.

Герцен, учившийся в Московском университете в одно время с Лермонтовым, вспоминал: «Мы и наши товарищи говорили в аудитории открыто все, что приходило в голову; тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки, запрещенные книги читались с комментариями».

Но читать запрещенные стихи или даже писать их — это еще не было, во всяком случае, не казалось им тем настоящим делом, по которому они тосковали.

Это острое сознание недостижимости своих желаний, это яростное бессилие было свойственно не одному поколению русской интеллигенции. Недаром десятилетия спустя другой мальчик напишет:

Можем строчки нанизывать
Посложнее, попроще.
Но никто нас не вызовет
На Сенатскую площадь...

Пусть по мелочи биты вы
Чаще самого частого,
Но не будут выпытывать
Имена соучастников.

Мы не будем увенчаны,
И в кибитках, снегами
Настоящие женщины
Не поедут за нами...

То, что Лермонтову удалось выразить в своих юношеских стихах, было характерно не только для какого-то одного, давно прошедшего момента русской истории. Иначе ему не суждено было бы стать одним из величайших русских поэтов.

На первый взгляд эта судьба таит в себе неразрешимую загадку.

Мы знаем, что началом всех начал в русской литературе прошлого века был Пушкин. Он заложил фундамент всей русской культуры. Нет ни одного сколько-нибудь крупного явления в русской литературе, которое так или иначе не было бы связано с именем Пушкина. Но в истории русской поэзии Пушкину принадлежит совсем особая роль. Он сумел выразить собой целую эпоху. Должно было пройти немало времени, должна была очень сильно измениться жизнь, должны были возникнуть в обществе новые духовные потребности, чтобы смог появиться новый великий

поэт, выразивший и запечатлевший в своем творчестве новую эпоху русской истории. Этим новым поэтом был Некрасов. И должна была миновать еще целая эпоха, прежде чем новый век не выдвинул в один ряд с Пушкиным и Некрасовым третьего великого русского поэта, сумевшего с огромной полнотой выразить в стихах свое время, — Александра Блока.

Эти три имени — Пушкин, Некрасов Блок — три величайшие вершины нашей отечественной поэзии. (Я не называю Маяковского, потому что он открывает уже совсем другую страницу в истории русской литературы и русского общества).

И рядом с этими тремя, наравне с ними, стоит четвертое имя — Лермонтов.

В этом и состоит загадка.

Ведь, казалось бы, та эпоха, в которую жил Лермонтов, была целиком исчерпана Пушкиным. Что мог прибавить нового к гигантской работе Пушкина этот юноша? Ведь они современники. Лермонтов младше Пушкина всего на пятнадцать лет, а пережил он его вообще только на четыре года. Как и Пушкин, Лермонтов погиб задолго до Севастопольской кампании, обозначившей крах николаевской империи, и почти за четверть века до отмены крепостного права.

И все-таки, как я уже говорил, поэзия Лермонтова ни в коем случае не была простым повторением и продолжением того, что делал Пушкин. Лермонтову, как и Пушкину, тоже довелось выразить своей поэзией целую историческую эпоху.

Все дело в том, что в истории народа (как и в жизни человека) один год подчас может значить гораздо больше, чем целое десятилетие. Действительно, разница в возрасте Пушкина и Лермонтова была невелика. Но они жили на изломе двух эпох. И когда перелом произошел, один из них оказался по одну сторону пропасти, другой — по другую. Переломом был разгром восстания 14 декабря.

Это объяснение сначала кажется не очень правдоподобным. Сразу приходит в голову, что Пушкин тоже был современником 14 декабря. Он был другом декабристов. Во время восстания он был еще очень молод. И после разгрома восстания он прожил еще одиннадцать лет, создав за эти годы величайшие из своих творений.

Все это так. Но все дело в том, что в 1826 году, когда совершилась казнь пяти, Пушкину было двадцать семь лет, а Лермонтову — двенадцать.

«Начинать жизнь вообще труднее, чем продолжать», — очень верно заметил по этому поводу один умный человек.

Поколению русских юношей, к которому принадлежал Михаил Лермонтов, предстояло н а ч и н а т ь жизнь непосредственно после разгрома восстания 14 декабря. Черная тень пяти виселиц легла на всю их судьбу.

Пушкин был первым русским поэтом, в стихах которого отчетливо видна трещина, прошедшая между словами «Родина» и «Государство». Но даже у Пушкина эта трещина подчас совсем незаметна, и признание в любви России звучит как объяснение в любви Российской державе, созданной могучим гением Петра:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит...

Лермонтов к «Российской державе» уже не испытывает не только любви, но и даже простого сочувствия. И Петербург, призванный быть фасадом русской государственности, вызывает у него совсем другие чувства:

Увы! Как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шиш торчит перед тобой...

Впрочем, эти мотивы можно встретить и у Пушкина:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Цвет небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит...

Но то, что у Пушкина было только первой трещиной, иногда заметной лишь очень внимательному взгляду, в стихах Лермонтова превратилось в бездонную пропасть.

Пушкин восхищенно восклицает:

Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красивость,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою...

У Лермонтова ко всей этой «однообразной красивости» нескрываемое отвращение. Он может «живописать» ее лишь в ироническом, сатирическом тоне:

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь...

Он если и воспевает доблесть русского солдата, славу его победных знамен, то обязательно подчеркнет при этом: «Все это было когда-то, а нынче совсем по-другому. И славного прошлого не вернешь...»:

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя... —

говорит старый солдат, рассказывая о Бородинском бое. И вздыхает:

Вам не видать таких сражений!..

Там, где Пушкин еще может провозгласить величаво и торжественно:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия, —

Лермонтов восклицает с невыразимым презрением, почти с ненавистью:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих пашей.
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Значит ли это, что Лермонтов любил Россию меньше, чем Пушкин? Конечно, не значит. Просто для него та Россия, которую он любит, не имеет уже решительно ничего общего с официальной Россией, с государством. Слова «Родина» и «Государство» не только не связываются для него воедино, они даже никак не соприкасаются между собой.

Он ненавидит державный Петербург, парады, разводы, маршировки. Он равнодушен к воинской славе Российской империи. Она чужая для него. Поэтому даже ему самому его любовь к отчизне кажется странной:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.

ПЕЧОРИН. Рисунки Д. Шмаринова

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Так что же он любит? Неужели его любовь к отчизне — это действительно какая-то ненормальная, уродливая, «странная» любовь?

Но я люблю — за что, не знаю сам? —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...
Проселочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Эти «дрожащие огни печальных деревень» словно бы предвосхищают пронзительную тоску Блока:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слезы первые любви...

к «Герою нашего времени».

Но в этой любви к пустынному и тоскливому российскому пейзажу еще нет ничего необычного, тем более странного. «Странно» (разумеется, не для нас, а для современников Лермонтова, тех, к кому он обращал свои строки) совсем другое. Ненавидя всей душой блестящий и строгий фасад Российской империи, Лермонтов противопоставлял ему иные картины русской жизни. Картины, в которых в ту пору мало кто согласился бы увидеть поэзию и красоту:

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков...

Это уже был прямой вызов. Современникам поэта, воспитанным на изящных образцах альбомной лирики, это могло показаться не только странным, но и чудовищным. Тем более что поэт, готовый до полночи смотреть на топанье и свист пьяных мужиков, вовсе не склонен проявлять такой радостной готовности слиться с всеобщим весельем, оказавшись на блестящем светском балу. Насколько там, на деревенском празднике, все близко и мило его душе, настолько же здесь все его раздражает, кажется нестерпимо фальшивым и неестественным:

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,

При шуме музыки и пляски,
При диком шопоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружаясь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки...

Здесь, среди этого блеска и суеты, он только «наружно». А душа его далеко-далеко отсюда...

«Средь шумного бала» петербургской жизни Лермонтов чувствует себя безумно одиноким. И это мучительное, болезненное чувство ничуть не похоже на гордое одиночество героев Байрона.

Часто говорят, что нет поэтов более противоположных друг другу, чем Пушкин и Лермонтов. Иногда даже приходится слышать такое:

— Кто любит Пушкина, не может любить Лермонтова. Две эти привязанности несовместимы...

Суждение это кажется верным только очень поверхностному взгляду. Если судить неглубоко, действительно, «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой».

Пушкин говорит:

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...

Лермонтов отвечает:

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг —
Такая пустая и глупая шутка...

Пушкин:

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим...

Лермонтов:

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна,
Ты мертвецу, святыней слова, обручена...

Пушкин:

И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

Лермонтов:

Любить... Но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.

Пушкин радостно восклицает: «Что смолкнул веселия глас?!» Он хочет воспеть

И блеск и шум и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой...

Лермонтов «при шуме музыки и пляски» затравленно озирается вокруг. Лица кажутся ему бездушными масками. Он задыхается от ненависти:

О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Обращаясь к потомкам, Пушкин говорил:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

Лира Лермонтова пробуждает совсем не добрые чувства. И все-таки Лермонтов не противостоит Пушкину.

Стихи Лермонтова всегда будут в нашем сознании рядом с пушкинскими, потому что, так же как пушкинские, они входят в жизнь человека очень рано и остаются с ним навсегда. И сила их воздействия на душу человека ни с чем, кроме пушкинских стихов, не сравнима.

Марина Цветаева (один из больших поэтов нашего века) говорила о преподавании литературы в школе:

— Младшим дают «Утопленника» и удивляются, когда пугаются. Старшим — «Письмо Татьяны» и удивляются, когда влюбляются (стреляются). Дают в руки бомбу и удивляются, когда взрывается...

В стихах Лермонтова заключена та же огромная взрывчатая сила. И направление «взрывной волны» то же, что у Пушкина.

Противоположность этих поэтов мнимая.

Поэзия Пушкина зовет любить Свободу, Прямодушие, Правду, Верность.

Поэзия Лермонтова заставляет ненавидеть Произвол, Лицемерие, Ложь, Предательство.

Разве это не одно и то же?

Разве эта лермонтовская ненависть — не то же самое, что пушкинская любовь?

Хорошо написал об этом один наш современник, поэт Владимир Корнилов:

Дорога вьется пропыленной лентою,
То вверх ползет,
То лезет под откос.
И засыпает утомленный Лермонтов,
Как мальчик,
Не убрав со лба волос.

А солнце жжет.
И, из ущелья вынырнув,
Летит пролетка
Под колесный шум,
Под горный шум,
Под пистолет Мартынова
На молньями играющий
Машук.

...Когда с собой приносишь
Столько мужества,
Такую ярость
И такую боль, —
Тебя убьют,
И тут-то обнаружится,
Что ты и есть
Та самая любовь.

Тогда судьба
Растроганною мачехой
Склоняется
К простреленному лбу,
И по ночам
Поэмы пишут мальчики,
Надеясь
На похожую судьбу.

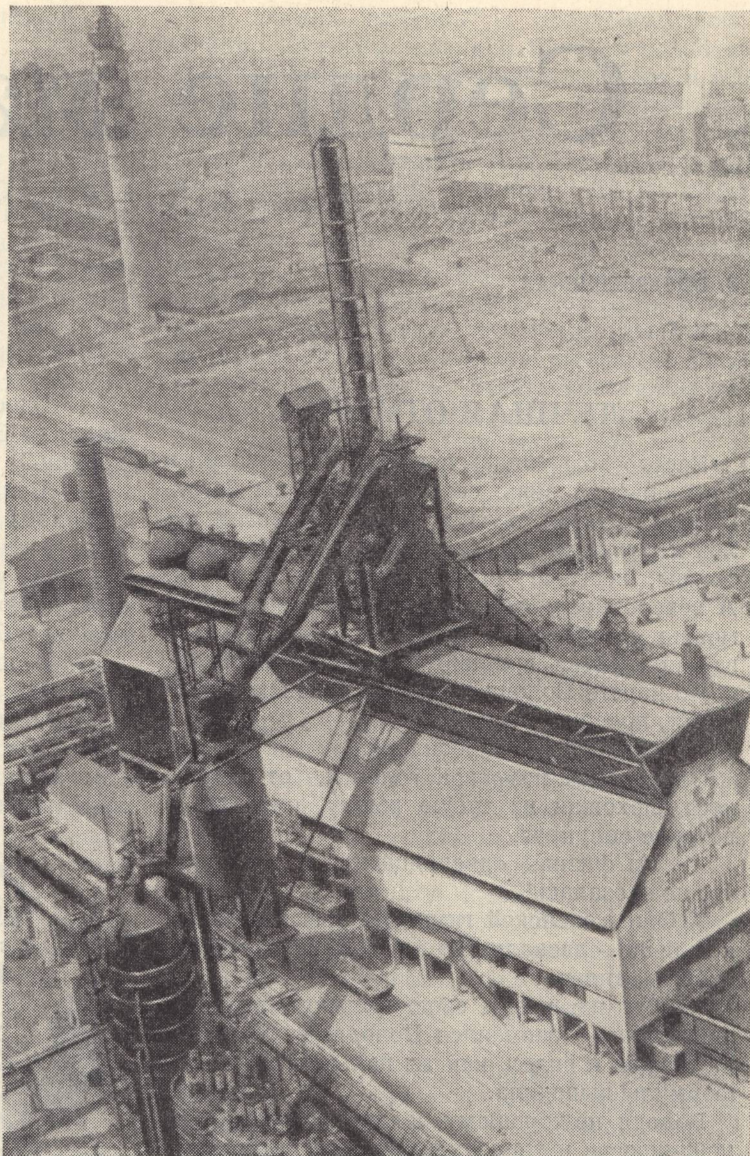
ЧУДО-ДОМНА

Вот такая сверхмощная домна родилась в Сибири. Это первая домна «Запсиба» — металлургического завода-гиганта в Новокузнецке. «Запсиб» строят комсомольцы. И новую домну-сибирячку назвали «Комсомольская».

Доменная печь поражает размерами. Ее «рост» — семьдесят шесть метров, это целый двадцатиэтажный дом! А железной руды она «съедает» тысячи тонн в сутки. Не поезда, а могучие конвейеры подвозят к печи руду и кокс. Всюду действуют автоматы.

Работает «Комсомольская» на славу. Отличный варит чугун!

Фото А. Кузярина.

Сердце матери

Рассказы из жизни Марии Александровны Ульяновой

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рисунки П. Пинкисевича.

ЛУЧШАЯ ОТМЕТКА

Весело возвращаться домой из гимназии в сентябрьский день: сады расцвечены багряными красками, воздух напоен ароматом яблок и горьковатых астр. Дома ждут братья и сестры, веселые игры, интересная книга. А вечером вернется из губернии папа, и ему можно с гордостью показать свой дневник, где красуются крепкие и круглые пятерки.

По дороге Володя завернул к женской гимназии, подождал Олю.

— Ну как? — спросил он.

Оля весело помотала головой, отчего ее коса, похожая на тугую рыбку, описала в воздухе полукруг.

— Из физики «двенадцать». Я так рада, что не срезалась!

У Оли в женской гимназии высшей отметкой было «двенадцать», а у Володи в мужской — «пять».

— Ты же вчера свою физику при луне повторяла, — засмеялся Володя. — Я вылез на балкон и видел, как ты пальцем на стекле формулы выводила.

Володя по-хорошему завидовал сестре, ее усидчивости и терпению. Вот кто умел упорно трудиться!

Взявшись за руки, брат и сестра помчались вниз по Покровской улице, стуча башмаками по деревянному тротуару.

— Нас кто-то ждет у калитки, — сказала Оля.

Володя прищурил левый глаз.

— Да, какой-то парнишка.

Подошли ближе. У калитки стоял деревенский мальчик лет двенадцати, ровесник Володи. Видно было, что он пришел издалека: лапти разбиты, длинный кафтан покрыт пылью, за спиной болтается мешок.

— Ты к нам? — спросил Володя.

— Я к главному учителю Ульянову. Люди сказали, что он живет здесь.

— Здесь, здесь, — живо подтвердил Володя. — Это наш папа. Почему же ты не заходишь?

— Боязно.

Володя распахнул калитку. Оля прошмыгнула первой и побежала вперед.

— А папу тебе придется подождать, — сказал Володя. — Он приедет вечером. Зачем он тебе?

— В школу мне надо. Учиться.

— Как тебя зовут?

— Иваном.

— Меня зовут Володя, сестру — Оля. Будем знакомы. Ты чуваш? — спросил Володя, прислушиваясь к говору мальчика.

— Да, чуваш. А твой отец сердитый?

— Увидишь сам.

Мама с Олей накрывали на стол в беседке, а Володя с Ваней побежали мыться в сарай. Натаскали нагретой солнцем воды из кадушки. Ваня с любопытством смотрел, как Володя мылил себе голову и как у него под руками вырастала снежная шапка. И Ваня захотел такую же шапку. Он никогда не видел мыла и не знал его волшебных свойств. Володя фыркал, и Ваня фыркал. Володя обливался из ведра, и Ваня обливался. А потом, вымытый, чистый, деловито рассматривал себя в Володиных холщовых брюках и серой рубашке.

За обедом мама подкладывала Ване самые большие куски и расспрашивала его. Ваня уплетал за обе щеки и рассказывал, что он давно, еще с весны, решил учиться. А отец не пускал в школу: незачем, говорит, чувашу учиться. Чуваш бедный, ему лучше ничего не знать: если много будет знать, невзлюбит свою жизнь. Отец у Вани бурлак, и дед был бурлаком, а Ваня хочет быть учителем. Люди сказали, что занятия в школе начинаются в ту пору, когда пожелтеют листья. Вот Ваня и ждал, пока березка под окном позолотит свои листочки. Ночью тайком ушел из дома. Ушел искать школу. Много деревень прошел — нигде нет школы. Люди сказали, что в Симбирск надо идти, к главному учителю Ульянову, он поможет.

Володя внимательно слушал, подавшись вперед, ссутулив плечи, сдвинув брови, и только тихонько произносил: «Гм... гм... да... да... да...»

А Оля широко раскрытыми глазами смотрела на Ваню, отложив в сторону ложку.

После обеда Володя с Олей повели Ваню к себе наверх, показали ему книги.

— Вот так библия! — воскликнул Ваня, разглядывая книжку с картинкой на обложке.

— Какая библия? — удивился Володя. — Это «Хижина дяди Тома». Самая лучшая книжка на свете.

— Нет, библия, — настаивал Ваня. — Я сам видел такую штуку в церкви.

Брат с сестрой переглянулись. Они поняли, что мальчик никогда не держал в руках книги.

Володя был потрясен. Он — ровесник Вани — успел прочитать много книг. А для маленького чуваша этот чудесный мир закрыт.

Ваня вертел в руках книгу, перелистывал ее, как слепой, ощупывал пальцами строчки, и глаза его оживлялись, когда встречали картинку.

— Хочешь, почитаю? — предложила Оля.

Ваня слушал и следил за Олиным пальцем. Палец двигался по строчкам-бороздкам, и все бороздки были одинаковые, и каждая страница была похожа на вспаханное поле. Как же девочка высматривает в этих бороздках такие интересные истории, и почему, как ни пялит глаза Ваня, он сам ничего этого не видит?

Володя сидел рядом, старался углубиться в латынь. И не мог. Его подавляло смутное чувство недовольства собою, какое-то сознание вины перед Ваней. Чем порадовать Ваню? Подарить ему свою любимую книгу? Но Ваня не умеет еще читать. Отдать коллекцию перышек? Но он не умеет писать. Выпросить у Саши календарь? Нет, не то, не то.

Вечером приехал Илья Николаевич. Он был на открытии двух новых сельских школ и вернулся в отличном настроении. Ему не терпелось поделиться своей радостью с Марией Александровной.

Володя вошел в кабинет отца.

— Папочка, к тебе приехал мальчик...

— Знаю, знаю, мама мне рассказала, приведи его сюда.

Володя с Олей уселись в передней на сундуке и с нетерпением ждали решения отца.

Ваня вышел из кабинета счастливый. Он ничего не говорил, только смеялся. Смеялись его глаза, губы и даже кончик сморщенного носа.

Володя побежал в кабинет.

— Папочка, как хорошо, что ты определил Ваню в школу! Он такой веселый.

— Нет, — ответил Илья Николаевич, — он опоздал, и ребята в занятиях уже далеко ушли вперед.

— Но он опоздал не по своей вине. Ему сказали, что занятия в школе начинаются, когда пожелтеют листья на деревьях. Вот он и ждал, а потом искал школу. Он шел до Симбирска две ночи и два дня. Разве можно, чтобы он ушел ни с чем? — Перед глазами Володи стояло счастливое лицо Вани. — Папочка, разве ты не хочешь, чтобы он учился?

— Ты сам понимаешь, что нельзя задерживать целый класс из-за одного ученика. — Илья Николаевич внимательно смотрел на сына.

Володя вдруг весь вспыхнул, покраснели щеки, заискрились глаза. Он подошел ближе к отцу.

— Он догонит ребят, папочка. Мы поможем ему — я и Оля. Я даю тебе слово.

Складка на лбу у Ильи Николаевича разгладилась, густые брови вскинулись вверх, губы дрогнули в улыбке.

— Вот именно этого я и ждал от тебя. Я буду просить, чтобы Ваню приняли в школу.

Володя порывисто обнял отца и помчался наверх...

Над садом висела полная луна, по небу плыли легкие облака, оставляя за собой рассыпанные звезды. Огромные вязы, казалось, подпирали небо своими причудливо изогнутыми ветками с поредевшей листвой.

Володя сидел на перилах балкона.

К нему выбралась в окно Оля.

— Я показала папе свой дневник. Он посмотрел на «двенадцать» по физике и сказал: «Это еще не самая твоя лучшая отметка». А какая же может быть лучше, Володя? — Оля заглянула в лицо брату.

Володя молчал.

— О чем ты думаешь?

— Ты слышишь? — Володя показал рукой вниз.

Через двор по дорожке, залитой лунным светом, шли папа, мама и старшие — Аня и Саша. Илья Николаевич смеялся, в ответ ему ласково звучал голос мамы.

— Ты слышишь? — повторил Володя. — Папа рассказывает про Ваню и радуется. — Володя схватил Олю за руку. — Я знаю, я знаю, что такое лучшая отметка!

Оля удивленно смотрела на брата, в его сияющие глаза.

— Наша лучшая с тобой отметка будет первая пятерка Вани. Правда?

Володя спрыгнул с перил и заглянул в окно комнаты. Ваня спал, крепко прижав к себе «Хижину дяди Тома», которую Володя получил за прилежное учение.

ПЕРВЫЙ УДАР

— Тише, дети, папа работает, — предупреждает Мария Александровна Маняшу и Митю. — Вы мешаете ему.

Но уроки выучены, Маняше с Митей трудно усидеть на месте, и все игры почему-то оказываются шумными. Башни из кубиков обваливаются, кегли падают на пол, и даже старенький резиновый мячик, который неслышно прыгает по садовой дорожке, в комнате стучит, как деревянный.

Аня забирает Маняшу к себе наверх, где устроились и Володя с Олей. Аня рассказывает им о Петербурге, о чудесных белых ночах, о Саше, который остался там, потому что ехать вдвоем домой на зимние каникулы слишком дорого. На будущий год Володя и Оля кончат гимназию и тоже поедут учиться в Петербург. В семье будет четыре студента.

— Страшно ехать на поезде? — спрашивает Оля. Кроме Ани и Саши, никто из детей Ульяновых еще не ездил по железной дороге.

— Нет, вовсе не страшно, — уверяет Аня, — только очень тесно и душно.

— Мы каждый вечер вчетвером будем ходить гулять по набережной Невы, — говорит мечтательно Оля.

Но Володя тут же предупреждает: он будет пропадать в библиотеках.

Мария Александровна сидит в столовой, берется то за шитье, то за вязанье, но работа валится из рук.

«Что это со мной? — думает она. — Почему так тревожно на сердце? Должно быть, стосковалась по Саше... Но на днях от него пришло письмо, бодрое, ласковое... А может быть, потому что вчера приболел Илья Николаевич? Доктор сказал, ничего опасного нет: легкое отравление. Наверное, угорел. Как часто он угорает в этих деревенских школах, где ему приходится ночевать. А может, вьюга завывает в трубах и нагоняет тоску?»

Мария Александровна отложила вязанье, вышла в переднюю и осторожно приоткрыла дверь в кабинет мужа. Илья Николаевич сидит за письменным столом, пишет. Свет от лампы под зеленым абажуром освещает высокий, гладкий лоб.

— Это ты, Машенька? — оглянулся Илья Николаевич.

— Тебе не пора отдохнуть? — спрашивает Мария Александровна.

— Нет, нет, я не устал. Осталось совсем немного. Скоро закончу. — Илья Николаевич берет со стола исписанный аккуратным, четким почерком лист бумаги. — Помнишь, Машенька, когда мы с тобой приехали в Симбирск, по всей губернии я насчитал восемьдесят девять школ?

— Да, да, — Мария Александровна присаживается на диван.

— В них училось две тысячи мальчиков, девочек вовсе не было. А сейчас четыреста тридцать четыре школы. Учеников уже двадцать тысяч. Три тысячи девочек. Подумай только, Машенька, в губернии за шестнадцать лет стало в десять раз больше грамотных. А ты говоришь: отдохнуть.

Илья Николаевич прошелся по кабинету, золотые искорки засверкали в глазах. А потом лицо его внезапно померкло, глубокая складка перерезала лоб.

— Страшно подумать, что народные школы передадут церкви. Это значит разрушить все, что создавалось с таким трудом. Нельзя допустить этого, нельзя.

Мария Александровна с грустью смотрела на мужа. Шестнадцать лет он налаживал школы в губернии, шестнадцать лет колесил по деревням, кое-как питался, угорал в дымных избах, не щадил себя.

— Ты не беспокойся, — сказал Илья Николаевич, заметив тревожный взгляд жены. — Я буду за это драться. Ты иди, я наведу последний лоск на отчет, и будем пить чай. Через полчаса заходи и тащи меня в столовую.

Мария Александровна вышла из кабинета. «Устал Илюша, — подумала она, — очень плохо выглядит». И снова тоска сжала сердце. Мария Александровна накинула пальто, платок и вышла в сад. Ходила по скрипучим от мороза дорожкам. Яблони, покрытые пушистым снегом, стояли словно в цвету. Тронула рукой ветку — снег осыпался, обнажились темные, узловатые сучки и исчезло видение цветущего сада.

Вернулась домой, расставила в столовой на столе чашки, положила в вазочку любимое варенье Ильи Николаевича, яблочное.

Полчаса прошло.

Мария Александровна поправила наколку на голове и, стараясь выглядеть бодрой и веселой, пошла в кабинет мужа.

Илья Николаевич лежал на широком кожаном диване, съежившись, словно ему было холодно.

— Илюша! — окликнула она мужа. — Илюша, что с тобой? — Присела на край дивана, провела ладонью по высокому холодному лбу...

— А-а-а!.. — разнесся вдруг вопль по комнатам.

Первый раз в жизни услышали дети такой отчаянный, полный ужаса крик матери.

Сбежали вниз.

Мама стояла у дверей кабинета.

— Папа не умер! Нет! Он не умер! Он не может умереть!..

* * *

...В доме непривычно тихо. Дети сидят в столовой, учат уроки. Аня, закутавшись в платок, прижалась к теплой печке. Оля шепотом повторяет французские глаголы, смахивая слезы с ресниц.

В доме будто ничего не изменилось. Мама, как всегда, встает раньше всех, кормит детей завтраком, отправляет в гимназию. По возвращении спрашивает про отметки. Но дом стал пустым и гулким. Нет папы. Его часто не бывало дома и раньше. Но тогда все жили в счастливом ожидании. Зимним вечером, заслышав фырканье лошадей под окном, всей семьей бежали в переднюю. На пороге появлялся в своей большой серой шубе папа, стряхивал с усов и бороды светлые льдинки, подставлял холодную румяную щеку для поцелуя и нетерпеливо спрашивал: «В доме все благополучно? Все здоровы?» И вот никогда-никогда этого больше не будет. Дети знают, что утром, как только закроется за ними дверь, мама с Аней идут на кладбище, на могилу папы. По вечерам не звучит больше колыбельная песня. Рояль затянут парусиновым чехлом.

Сейчас Мария Александровна сидит в папином кабинете за его столом и пишет.

На столе перед ней портрет Ильи Николаевича, обтянутый черным крепом. Она пишет товарищу мужа:

«От всей души благодарю Вас за Вашу память о покойном муже моем и за сочувствие моему горю! Не только за полгода. когда Вы

видели в последний раз Илью Николаевича, но и в день смерти его нельзя было предвидеть такой страшной катастрофы. Вы, может быть, слышали, что Илья Николаевич никогда не болел...»

Откинулась на спинку кресла, запечатала письмо, написала адрес. Всего несколько дней назад за этим столом Илья Николаевич заканчивал годовой отчет и не думал, что подводит итог своей жизни. «Через полчаса будем пить чай», — вспоминает она. На столе, рядом с портретом, лежат мозеровские часы Ильи Николаевича. Он купил их перед свадьбой. И вот они остановились. Мария Александровна завела ключиком часы, поднесла к уху. Время продолжало свой бег. Теперь эти часы будет носить она до конца своей жизни.

— Я пойду погуляю, — сказала она детям, заглянув в столовую. Мимоходом погладила Маняшу по голове, поправила тетрадь у Мити.

— Можно мне с тобой? — спросила Аня, подняв на мать печальные глаза.

— Нет, ты простужена.

— Мамочка, приходили господин Ищерский и Вера Васильевна, — сказал Володя. — Мы решили тебя не беспокоить. Они придут попозже.

— Хорошо, я скоро вернусь.

Дети тревожно переглянулись. Ничто не радовало маму, даже друзья, даже сердечная и добрая Вера Васильевна Кашкадамова.

Володя подождал, пока хлопнет дверь, быстро встал, набросил шинель и пошел вслед за мамой. Нельзя оставлять ее одну.

Она шла вверх по Московской улице, освещенной луной и редкими газовыми фонарями. Вот дом, в котором они жили двенадцать лет назад. Теперь там живут другие. С Московской свернула на Стрелецкую. Сюда они приехали из Нижнего Новгорода шестнадцать лет назад. Здесь родились Володя, Оля, Митя.

Вышла на старый Венец.

Володя, как тень, следовал за матерью.

Она остановилась над спуском к Волге. Внизу ледяная пустыня, метет поземка.

Володя понимает, что маме нужно побыть одной. Он отходит за угол дома, сквозь голые кусты акаций смотрит во двор, на маленький флигель в три окна, где он родился. До сих пор он был средним в семье, а теперь, после смерти отца и когда Саша в Петербурге, он стал старшим и самым сильным. Как помочь маме? Ей тяжелее всех.

«Что же дальше, Илюша? — шепчут губы матери. — Ты стоял рядом, как утес. Было спокойно. Мы все надеялись на твою мудрость. А теперь?»

Шестеро детей... Шесть дорог...

Много дорог проложено через Волгу. Далеко за рекой мерцают слабые огоньки деревень. А где она, дорога ее детей? Когда дети были маленькие, она затевала с ними бесхитростную увлекательную игру — путешествие в страну Добра и Радости. Змея Горыныча изображал рояль... Все было легко и просто.

Метет поземка по Волге, заметает дороги. Луна исчезла в облаках. Ветер развевает полы пальто. Мария Александровна не замечает ни колющего лицо ветра, ни холода.

«Что делать? Как быть? Выдержит ли сердце?»

— Мамочка, — тихо окликнул Володя.

— Ты что, Володюшка, случилось что-нибудь? — встревожилась мать.

— Нет, мамочка, дома все в порядке. Все ждут тебя, и я пошел тебе навстречу.

Сын крепко и нежно взял мать под руку.

ПИСЬМО

Володя подошел к дому, взялся за ручку двери и медлил повернуть. Из гостиной доносились звуки рояля. Мама играла. Совсем недавно сняла она с рояля траурный чехол, и в дом вернулась музыка. По вечерам снова слышалась колыбельная, хотя в колыбели уже никто не лежал: самой младшей, Маняше, шел уже девятый год. Но все в семье любили эту песню, и с ней так же трудно было расстаться, как с детством.

Как тяжело было Володе открыть дверь и преодолеть восемь ступенек на террасу! Он остановился у окна в гостиную. Настенная лампа освещала раскрытый рояль, белую голову матери, ее четкий профиль. Какая мама тоненькая и хрупкая, в лице ни кровиночки, даже губы совсем бледные, и только в ярких карих глазах живость, доброта и затаенная грусть. Пальцы едва касаются клавиш. Они так близки, мамины руки, что, если бы не было оконного стекла, Володя мог бы до них дотронуться. Чего бы только ни сделал Володя, чтобы оградить маму от новых бед и несчастий!

Он сжал письмо в кармане. «Может быть, порвать, скрыть от мамы страшное известие?.. Нет, это невозможно». Он продолжал стоять у окна. Продлить хоть на несколько минут отдых матери, ее покой...

В гостиную вбежала Маняша. Мама что-то у нее спрашивает, вынула из-за корсажа часы. Видно, тревожится, что так долго нет его,

Володи. Нет, он не войдет, пока мама не кончит играть.

Мария Александровна пробежала пальцами по клавишам и медленно опустила крышку рояля.

Володя вошел.

— Это ты, Володюшка? Что так поздно?

— Я был у Веры Васильевны, мамочка, — говорит он скороговоркой, приглаживая обеими руками непослушные кудри.

— Она же только вчера была у нас.

— Мы говорили о петербургских арестах. В Петербурге раскрыто покушение на царя.

— Опять покушение? — Мария Александровна вспомнила, как шесть лет назад в симбирских церквах целый день били колокола по случаю убийства Александра II. — Но почему ты решил говорить об этом с Верой Васильевной?

— Она беспокоилась, как там Саша и Аня.

— При чем тут они? — Мария Александровна подошла к сыну, заглянула ему в глаза. — Ты что-то знаешь? — бледнея, спрашивает она.

— Среди студентов идут аресты. Сашу и Аню могли захватить заодно.

— Что ты говоришь, Володя! Не могут же арестовать всех студентов!

Володя молчит, потупив глаза.

Мать положила руки на плечи сына.

— Володя, говори, ты не умеешь лгать.

— Мамочка, ничего страшного не произошло. Но Вера Васильевна получила от Песковских известие, что Саша и Аня арестованы. Я уверен, это — недоразумение, — поспешил добавить Володя.

— Саша и Аня в тюрьме! Возможно ли? Они так далеки от всех этих дел. Саша увлечен науками. Через два месяца займет кафедру. Непостижимо!

— Мамочка, я поеду в Петербург и все выясню.

Мария Александровна опустилась на стул.

— Саша и Аня в тюрьме! В тюрьме! — повторяла она. — Нет, у тебя скоро выпускные экзамены. В Петербург поеду я. Ты останешься дома с младшими. Сходи за Верой Васильевной. Надо посоветоваться с ней. Я пойду к Ивану Владимировичу, он поможет...

— Вера Васильевна сама обещала прийти, а к Ищерскому я пойду вместе с тобой.

...Они шли молча. Мать спешила, никого не видя, ничего не замечая. На приветствия знакомых отвечал Володя.

Новый директор народных училищ Ищерский сам открыл дверь.

— Мария Александровна, какими судьбами? Добро пожаловать! Лена, — крикнул он жене, — гости к нам, готовь чай!

Мария Александровна опустилась на стул.

— Горе у нас, дорогой Иван Владимирович. Сашу и Аню арестовали. Научите, посоветуйте, что делать.

— Это не в связи ли с покушением на его императорское высочество? — испуганно перекрестился Ищерский. — Слава всевышнему, император остался невредим.

— Да, Песковский пишет, что в связи с этим. Но мои дети не могли стать террористами, вы их знаете. Родной Иван Владимирович, помогите!

Хозяин дома знаком показал жене, чтобы не входила в комнату.

— К сожалению, я здесь не помощник, — холодно произнес он и, сев за стол, нетерпеливо забарабанил пальцами. — Суд разберется; если они неповинны, их освободят.

Володя стоял за спиной матери, обняв ее за плечи.

— Мамочка решила ехать в Петербург, хлопотать. Куда вы посоветуете ей обратиться? — спросил он, глядя прямо в глаза Ищерскому.

— Не могу знать, не могу знать.

— Можете вы хотя бы дать лошадь, чтобы мама могла добраться до Сызрани?

Ищерский встал.

— С превеликим бы удовольствием, но я уже отпустил кучера.

Мария Александровна тяжело поднялась со стула.

И вот они снова идут по улицам.

— Трусливый, мерзкий человек! — гневно вырывается у Володи. — И это называется старый друг отца! Прогрессивно мыслящая личность!

— У него семья, Володюшка. Он опасается за ее благополучие.

— Не дать лошадь, когда кучер живет в его доме!

— Ступай, Володюшка, на постоялый двор, на почту, найми ямщика. А я пойду домой.

Мария Александровна понимает, что бороться за детей предстоит ей одной. В глазах симбирского общества она теперь не вдова действительного статского советника, а мать государственных преступников. Но для нее, матери, дети не могли быть преступниками. Чистый, благородный Саша, справедливый во всем, он не мог пойти на преступление. Хрупкая, нежная Аня, мечтательная, влюбленная в книги и... террористка? Нет, это немысли-

мо! Может быть, Иван Владимирович прав, суд разберется, освободит их.

И вдруг в памяти Марии Александровны возник вечер в Кокушкине, когда Саша, Аня и Володя, стоя на крыльце, разгоряченные, потрясая сжатыми в кулак руками, громко, как клятву, повторяли:

...И будем мы питать до гроба

Вражду к бичам страны родной!..

«Сберегите эти слова в сердце своем»,— посоветовала она тогда детям.

Нет, это невозможно, отгоняла она от себя мрачные мысли. Саша не мог состоять в тайной организации, он сказал бы об этом отцу, Аня поделилась бы своими мыслями с ней, матерью.

Нельзя, чтобы глаза застилало слезами, чтобы горе туманило рассудок. Ей нужно очень много сил. От ее душевной стойкости зависит сейчас все.

Дома ее ждала Вера Васильевна.

Мария Александровна заглянула ей в лицо... Нет, это настоящий друг, это настоящие слезы.

Молодая учительница прильнула к Марии Александровне.

— Что бы ни случилось, я с вами. Да, да, поезжайте в Петербург, хлопочите, действуйте. За дом не беспокойтесь, я каждый день буду здесь.

Володя весь вечер ходил от трактира к трактиру, наведывался к чиновникам, купцам, которые часто ездили в Сызрань и никогда раньше не отказывались прихватить с собой кого-нибудь из семьи Ульяновых. Но весть о покушении на царя и об аресте Саши и Ани успела облететь Симбирск. И ни у кого не оказывалось места в санях для Марии Александровны.

Уже отчаявшись найти сани, Володя вдруг вспомнил, что у его приятеля Фимки отец занимается извозом. Поздно ночью он постучался в окно деревянного домика. Фимка выбежал во двор. Выслушав Володю, вздохнул.

— Уламывать отца придется. Но ты знай себе да помалкивай. Поворчит, поворчит, а поедет...

На рассвете Володя усадил мать в сани, крепко поцеловал ее, заботливо подоткнул со всех сторон плед. Глаза у Марии Александровны были сухи и строги, губы решительно сжаты.

Володя с Верой Васильевной долго стояли на крыльце, прислушиваясь к дребезжанию бубенчика.

Мария Александровна отправилась в долгий и нелегкий путь.

СУД

Солнце заглянуло в окно и опустило в зал Сената светлую завесу, отделив скамью подсудимых от судей, сословных представителей, обер-прокурора, свидетелей обвинения.

Александр Ильич поднял свою кудрявую голову и, прищурившись, ласково и задумчиво посмотрел на солнечный луч.

У стола перед судьями стоит Канчер. Он жалко, трусливо лепечет:

— Несчастный случай свел меня с ними, — и кивает головой на скамью подсудимых. — Я не революционер. Я всегда был верным подданным его императорского величества... Я припадаю к стопам...

Брезгливая гримаса исказила спокойное лицо Александра Ильича.

— Негодяй, — бросает в лицо предателю сидящий рядом с Ульяновым Шевырев.

Председатель суда, или, как его здесь величают, первоприсутствующий сенатор, Дейер звонит в колокольчик. Его надменное лицо краснеет от гнева.

— Продолжайте, — говорит он Канчеру.

— Я припадаю к стопам его императорского величества и всеподданнейше прошу даровать мне жизнь.

Тучка заслонила солнце, и светлая завеса исчезла. В зале потемнело. Канчер сел на место. Подсудимые отодвинулись. Предатель посмотрел направо, налево и сжался в комок. Ему стало страшно от презрительных взглядов его недавних товарищей.

Суд продолжается. У дверей выстроились жандармы. На скамьях для публики чиновники, околоточные надзиратели, приставы. Их лица угодливо обращены к первоприсутствующему. Дейер благосклонно кивнул головой в сторону Канчера, и они кивают.

Дубовые двери медленно раскрылись, и в зал заседания вошла Мария Александровна. Она идет по проходу, ищет глазами на скамье подсудимых сына... Нашла... Боль искажает ее лицо. Он тоже ее увидел, вскочил с места, улыбнулся...

Резкий звонок, и скрипучий голос Дейера прервал речь Шевырева.

— Подсудимый Ульянов, сядьте!

Александр Ильич стоит и смотрит на мать спокойно и грустно, нежно и успокаивающе... Опускается на скамью только тогда, когда садится мать.

В открытое окно вместе с солнечным лучом влетела ласточка и заметалась под потолком. Подсудимые следят за птицей.

— Генералов, — дребезжит голос Дейера, — ваше слово.

Юноша встает, подходит к столу.

— В свое оправдание я могу сказать только то, что я поступал согласно своим убеждениям, согласно со своей совестью.

Садится рядом с Александром.

— Подсудимый Андреюшкин. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Александр Ильич шепчет ему:

— Говори все на меня, прошу тебя.

Андреюшкин, идя к столу, звонким юношеским голосом отчеканивает каждое свое слово:

— Я заранее отказываюсь от всяких просьб о снисхождении, потому что такую просьбу считаю позором тому знамени, которому я служил.

Сел на место, шепнул Александру:

— Спасибо, друг.

Дейер вызывает Ульянова.

Александр Ильич, не торопясь, встает, окидывает взглядом товарищей, подходит к столу. Смотрит на мать. Мария Александровна, судорожно вцепившись в ридикюль, старается улыбнуться.

— Я отказался от защитника, и мое право защиты сводится к праву рассказать о том умственном процессе, который привел меня к необходимости совершить это «преступление».

Мария Александровна понимает, что слова сына обращены к ней, обращены к молодежи, что заполонила улицы вокруг здания суда.

— Я могу отнести к своей ранней молодости, — продолжает Александр Ильич, — то смутное чувство недовольства общим строем, которое, все более и более проникая в сознание, привело меня к убеждениям, которые руководили мною в настоящем случае...

— Случае!.. — зло выкрикивает чиновник из публики. — Поднял руку на его императорское величество и называет это случаем.

— Но только после изучения общественных и экономических наук это убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укрепилось, и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для меня в строго научные и именно социалистические формы. Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно...

«Почему же все скрыл от меня? Почему не доверил мне?» — с горечью думает Мария Александровна.

— Короче! — кричит Дейер. — Здесь не студенческая сходка... Вы забываете, что должны защищать себя...

Александр Ильич спокойно отвечает:

— Я защищаю свои убеждения... Я убедился, что единственный правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом... Но жизнь показала, что при существующих условиях таким путем идти невозможно...

Александр Ильич смотрит на мать.

— Невозможно! — повторяет он, как бы оправдывая себя перед ней. — Я убежден в необходимости террора.

Мария Александровна с болью смотрит на сына. «Сашенька, прав ли ты, друг мой?» — говорят ее глаза.

Александр Ильич продолжает:

— Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо сочувствуют несчастью своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело...

Дейер вскакивает с места и изо всех сил звонит в колокольчик.

Мария Александровна гордо поднимает голову, только слеза блестит на щеке.

— Повесить охальника! — кричат купцы, фабриканты, так называемые сословные представители.

— Повесить террориста! Смерть! Виселица! — беснуются жандармы, полицейские в зале.

«Не пощадят... Убьют...» — шепчут губы матери. Она встает. Сын не должен видеть ее слез.

Александр Ильич видит, как по проходу движется белая голова его матери. Вверху под потолком мечется ласточка...

Мария Александровна, задыхаясь, остановилась у дверей, оглянулась. Саша скорбно посмотрел на мать.

— Прости! — чуть слышно прошептал он, и мать поняла и еле заметно кивнула ему в ответ.

— Таких людей нельзя ничем запугать! — несется вслед матери голос ее сына.

Она выходит на улицу.

По улице ходят студенты, в одиночку, парами. Полицейские строго следят за тем, чтобы молодые люди не собирались вместе.

— Мать! — шепчет один из студентов, провожая Марию Александровну взглядом.

Девушка-курсистка подбежала к Марии Александровне, берет ее руку, целует.

Студенты срывают с голов фуражки и кланяются ей.

Улицы сдвинулись... Душно... Дома падают... давят... Солнце сморщилось, потемнело.

Мать идет по улице...

ДОМ ПРОДАН

Все двери распахнуты. Во двор выносят мебель. На яркой зелени травы, в солнечном свете, столы, стулья, комоды выглядят старыми, ветхими.

Симбирские обыватели заходят в раскрытые настежь ворота, оглядывают, ощупывают вещи, прицениваются. Покупают по дешевке домашнюю утварь. Пользуются случаем.

На подводу погрузили кожаный черный диван, что столько лет стоял в кабинете Ильи Николаевича. Мария Александровна с детьми наблюдает с крыльца, как диван, вздрагивая на телеге, выезжает со двора.

Книжные полки никто не купил, и они стоят у зарослей акации, сложенные одна на другую.

Володя с Олей упаковывают книги. Митя и Маняша заворачивают в старые газеты посуду, помогают Вере Васильевне укладывать ее в ящики.

Мария Александровна прошлась по комнатам.

Гулко звучали шаги в пустом доме. Чужими и неуютными стали комнаты. В детской на полу, как на поле брани, валялись бумажные солдатики. В Володиной комнате на обоях выделялся светлый квадрат, где висела географическая карта. В Сашиной комнате лежала разбитая колба. В каждой комнате оставался след от ее жильцов.

В гостиной остались у окна пышные цветы в кадках, в углу — икона.

Мария Александровна отвела глаза от иконы, заметив вошедшего Володю.

— Володюшка, я решила не брать с собой иконы. Думаю отдать их в монастырь. Не нужны они нам. Если продавать, поднимется шум в городе. Хватит и того, что бьют стекла в нашем доме, что все бывшие приятели переходят на другую сторону улицы при встрече.

— Ты правильно решила, мамочка, — сказал Володя.

В тот же день к Ульяновым пришел старый монах. Он со знанием дела повертел в руках сложенные на ящик иконы, осмотрел пробы на ризах — серебряные ли, колупнул ногтем лик девы Марии — проверить, писаная икона или печатная, ловко завернул стопку икон в тряпицу и обвел взглядом углы комнат.

— А себе-то оставили что? — осведомился он. — Молиться вам надо о спасении души великого грешника Александра. Усердно молиться.

Мария Александровна побледнела.

— Мы о себе не забыли, — ответил за мать Володя. — Мы отдаем лишнее.

Монах покосился на молодого человека, не зная, как понять его слова.

Потом пришли за Красавкой. Новый хозяин повел ее на веревке. Красавка мычала, упиралась всеми четырьмя ногами, мотала головой, протестовала против петли на шее, на прощание собрала мягкими губами корки хлеба с ладоней детей. Девочки и Митя с грустью прощались со своей любимицей.

Всей семьей упаковывали рояль, обвязали его тюфяками, обшили рогожей. Это был источник радости. Мама должна к нему вернуться, и Оле нужно закончить музыкальное образование. Рояль — самая большая драгоценность в семье.

И еще швейная машинка.

Она служит маме больше двадцати лет. Сколько на ней было подрублено пеленок, сшито распашонок, рубашек, штанишек, платьиц и сколько еще будет сшито, переделано, перелицовано, починено.

Машинка была старая и громко стучала, даже на улице было слышно. Дробный стук ее достигал самых дальних углов дома. Поэтому мама работала на ней только днем, ко-

гда дети были в гимназии, а Илья Николаевич в отъезде.

На этой машинке мама научила шить Аню, Олю и Маняшу.

Обедали в этот день на ящиках с книгами. Маняша и Митя нашли, что так вкуснее и интереснее, чем за покрытым скатертью столом.

После обеда пошли прощаться с садом.

Во дворе трава была помята и местами вытоптана. Обрывки веревок, мочала, бумаг кружились по ветру. Дети заглянули в каретный сарай, в пустой хлев. Уныло висели гигантские шаги, чуть поскрипывали кольца на качелях, словно приглашали покачаться в последний раз, но никто к ним не подошел.

Только сада не коснулись сборы. Яблоки на деревьях стали светлее листьев и висели, как фонарики. Ветви отяжелели, и их поддерживали со всех сторон подпорки. Урожай обещал быть богатым. У беседки доцветал большой куст жасмина, и опавшие лепестки лежали на траве, как снег. Малинник был усеян зелеными орешками ягод.

Володя вошел в беседку. Здесь они любили уединяться с Сашей. Оля обняла шершавый ствол вяза, прижалась к нему щекой. Митя с Маняшей, взявшись за руки, бродили по дорожкам.

Мария Александровна казалась совсем маленькой — так истаяла она за эти пять недель со дня гибели Саши. Глубоко затаив свое горе, она понимала, что дети, даже девятилетняя Маняша и одиннадцатилетний Митя, прощались сейчас со своим детством.

Дальше оставаться в Симбирске было нельзя. Мария Александровна спешила к старшей дочери в Кокушкино, где та должна была отбывать свою пятилетнюю ссылку. Тюрьма, казнь брата сломили хрупкую Аню, и ей так нужна была поддержка матери. Володя должен учиться в Казанском университете. Нужны деньги. И вот дом продан.

— Мамочка, можно срезать розы? — спросила Маняша.

Розы в этом году цвели особенно пышно и, нагретые солнцем, распространяли свой нежный аромат.

— Нет, пусть сад останется во всей красе. Не тронем здесь ничего. Пусть он принесет людям радость.

Мимоходом, по привычке, Мария Александровна оборвала с яблонь несколько больных листьев, сунула их в жестяную банку, стоявшую у изгороди.

Последним из сада вышел Володя. Он повернул щеколду в калитке, облокотился на изгородь и долгим взглядом окинул сад, стараясь запомнить его на всю жизнь.

К вечеру от Свияги к Волге, вверх по Московской улице тянулись подводы. На передней лежал зашитый в рогожи рояль. Рядом шел Володя и уговаривал ломового извозчика ехать тише, чтобы не растрясти инструмент по булыжной мостовой.

На второй подводе были ящики с книгами и сундуки с домашней утварью.

С Марией Александровной шла Вера Васильевна. За Володей шагали его ученики — Ваня Зайцев и Никифор Михайлович Охотников. Ваня успешно окончил очередной класс. Охотников уже имел диплом учителя.

Все дети Ульяновы оставляли здесь своих друзей по гимназии, по играм. Но никто из этих друзей сейчас не пришел. Осторожные родители не разрешили провожать «крамольную» семью.

По обеим сторонам Московской улицы все окна деревянных домишек были распахнуты. Обыватели тайком выглядывали из-за кисейных занавесок, оценивали имущество на подводах, качали головами: мол, вот им и горе нипочем, все вещи, даже столы и стулья, распродали, а рояль везут с собой... Уж какие там теперь рояли!..

Семья Ульяновых покидала Симбирск.

РЯДОМ С ДОМОМ

Л. СИМОНОВА

Эту карту сделали каринские ребята. Треугольниками отмечены месторождения туфа, волнистая линия показывает маршрут.

ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

од Звенигородом, в селе Каринском, живут ребята — географы и краеведы, путешественники.

Они исходили все земли своего совхоза «Москворецкий», исследовали долины рек Молодельня и Дубешня и открыли пять месторождений известкового туфа.

Может быть, кто-нибудь скажет: подумаешь, туф! Вот если бы нефть, или руда, или алмазы! Но пусть тот, кому придет такая неосторожная мысль, возьмет карандаш, бумагу и потратит несколько минут, чтобы подсчитать.

У совхоза «Москворецкий» 2 700 гектаров кислых почв. Чтобы эти почвы стали плодородными, их нужно известковать: каждому гектару дать пять тонн известкового туфа. Арифметика здесь несложная:

$$2\,700 \times 5 = 13\,500.$$

13 500 тонн известкового туфа просят земли совхоза «Москворецкий».

Раньше туф привозили издалека. Платили дорого: за одну тонну семь рублей. Помножим еще раз:

$$13\,500 \times 7 = 94\,500.$$

94 500 рублей! Да еще стоимость перевозок! А сколько всяких неудобств: привозят туф небольшими партиями, не всегда поспевают ко времени...

Теперь в совхозе «Москворецкий» снимут в местах, открытых ребятами, верхний слой земли, и совхоз получит столько известкового туфа, сколько просят его кислые почвы.

Экономия в деньгах больше 100 тысяч рублей — раз!

Прибавка урожая — два!

Хорошая вещь — арифметика!

Я знаю, многим хочется совершить что-нибудь необыкновенное: сделать научное открытие, полететь в космос, исследовать новые земли и найти невиданно богатые месторождения, обязательно нефти или алмазов. Но пока удастся осчастливить все человечество, может быть, стоит научиться быть полезным тем людям, которые тебя окружают?!

ТРОПОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ека Молодельня течет не за тридевять земель от села Каринского. Река Молодельня — рядом. Вся, от истока до устья, умещается она на землях совхоза «Москворецкий». Наверное, поэтому кое-кому казалось, что ребятам, открывшим месторождения известкового туфа, просто повезло. Мог бы кто-нибудь другой обнаружить туф, а вот удача пришла к ребятам.

Тот, кто думает так, пусть понаблюдает: так ли уж случайны случайности? Так ли просты и неожиданны везения и удачи, которые со стороны кажутся легкими?..

Я иду тропой экспедиции Каринской школы. Мои проводники — участники экспедиции: Саша Смирнов, Витя Киселев и учитель географии Петр Антипович Громов.

Я стараюсь внимательно смотреть вокруг и запоминать все, что вижу. Склон холма пологий и лесистый. Внизу, в густых зарослях ивы, неслышно течет маленькая речушка... Молодельня.

Тропа идет вдоль реки и приводит нас в низину. Трава скрывает пропитанные водой болотные кочки, но стоит шагнуть раз, другой — и вода захлюпает под ногами.

— Вот тут, — говорит Саша, — месторождение.

И мальчишки показывают наскоро засыпанные землей буровые скважины и квадратные ямы — шурфы. Деревянные колышки-отметки указывают номер шурфа и дату закладки.

Я еще раз оглядываюсь по сторонам. Нет, ничто не наводит меня на мысль, что залежи известкового туфа именно здесь. И я осторожно спрашиваю:

Лагерь нашей экспедиции.

Рисунок Саши Смирнова.

— А почему вы решили, что здесь месторождение?

Петр Антипович хитро улыбается.

— Все признаки, — отвечают мальчишки. — Разве вы ничего не заметили?

Нет, ничего такого особенного я не заметила. Мне обидно признаваться мальчишкам. Они прошли по той самой тропе, по которой иду я, и нашли пять месторождений известкового туфа, а я, если бы они не растолковали мне все по порядку, прошла бы мимо и ничего не увидела.

К КОМУ ПРИХОДЯТ ОТКРЫТИЯ

ятнадцать ребят — десять из Каринской школы и пять из Савинской, — отправляясь в путь на поиски известкового туфа, про туф знали все, до мельчайших подробностей.

Знали, что рельеф их местности характерен для залегания туфов. Знали, как туфы образуются, где и как их искать, сколько туфа нужно совхозу... И еще тысячу всяких вещей: как определить мощность залегания пласта, как бурить скважины и закладывать шурфы, как взять анализ почвы, составить по компасу карту и отметить на ней маршрут экспедиции.

Теперь мысленно я снова иду тропой экспедиции вместе с ребятами и стараюсь увидеть все их глазами. Я понимаю, что не случайно экспедиция определила места поисков.

Крутые берега, густо поросшие смешанным лесом, не представляли особого интереса.

Известковый туф нужно было искать там, где грунтовые воды, насыщенные карбонатами кальция, выходят на поверхность, — в нижней части пологих склонов, в долинах рек и ручьев, недалеко от ключей.

Тропа привела ребят в заболоченную низину. В таких низких, влажных местах растет обычно щавель. Но щавеля не было.

Может быть, почвы не кислые?.. Экспедиция тщательно обследовала все вокруг. В зарослях камыша еле слышно шелестел ключ. Ключ! Внимание! И еще раз внимание! Грунтовые воды выходят на поверхность...

Они разбрелись от болота в стороны. Рядом с черной, хорошо утрамбованной тропой кто-то заметил кучки взрыхленной земли, густо посыпанной белым порошком. Это кроты вынесли из подземелья белый порошок — из-

вестковый туф. Да, туф, сомнений не было. Но сколько его там? Много? Мало?

Старики говорили, будто и раньше под Звенигородом пробовали искать туф. И даже нашли у Шихова и у Клочкова. Но туфа оказалось мало, разрабатывать его не стали и места забыли. Одно время брали туф у деревни Устье, но он уже кончился.

Ребята вернулись на болото и принялись за работу. Разбили болото на квадраты, через каждые сто метров малым геологическим буром пробурили скважины. Заложили шурфы. Составили геологический разрез месторождения.

Ура! Туф есть.

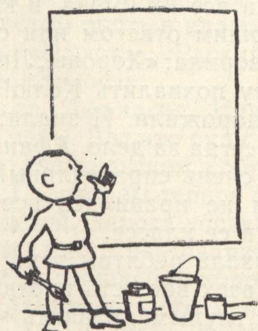
Потом они пошли дальше вверх по реке, к ее истоку. В пути небольшая группа отделилась и направилась на Дубешню. Они исследовали всего шестьдесят километров земли и... на Молодельне открыли пять месторождений известкового туфа. Чем дальше к истоку, тем богаче. Пятое, у деревни Иваново-Константиновское, оказалось самым богатым, очень богатым.

...Конечно, я ничего не знала про пологие склоны, про долины рек и болотные ключи, про щавель и кислые почвы, про кротов и про известковый туф. Я смотрела и не видела и потому прошла мимо. А открытия не приходят к тем, кто не знает и не видит.

* * *

Мне жаль, что я не была с ребятами, когда они сделали свое открытие. Жаль, что не испытала радости и тревоги перед дорогой, не встречала рассвет над Молодельней, не волновалась, не торопилась, не исследовала... Я бы все согласилась делать в этой экспедиции: таскать геологический бур, рыть землю, варить обед... Хорошо быть в большом деле!

Рисунок А. Шабанова.

— Ну, теперь все в порядке!

КАК ПАПА БЫЛ МАЛЕНЬКИМ

А. РАСКИН

Рисунки Л. Токмакова.

КАК ПАПУ ДРАЗНИЛИ

Когда папа был маленьким и учился в школе, его там очень дразнили. Других ребят и девочек тоже дразнили. Но они как-то меньше обижались. А маленький папа очень обижался. И поэтому дразнить его было интересно. Его дразнили «Профессор», потому что он носил очки. Его дразнили «Поэт без котлет», потому что он писал стихи. Его дразнили «Шурочка», потому что он был тихий мальчик, не ругался, не дрался и не обижал девочек. И сами девочки прозвали его «Шурочкой». Они не хотели его этим обидеть. Они говорили ему «Шурочка» очень ласково. Но мальчишки услышали это и задразнили маленького папу чуть не до слез. Они кричали это слово на все лады, они его

мяукали и лаяли. Они писали «Шурочка» на классной доске. И когда новый учитель однажды спросил маленького папу: «Как тебя зовут?», — весь класс заверещал: «Шурочка! Шурочка!» И все покатились со смеху. Даже девочки.

Даже сам учитель смеялся, хотя он ничего не понял.

И это было очень обидно.

У других ребят тоже были свои клички. Колю Степанова дразнили «Цыган», потому что он был смуглый, черноволосый, с черными глазами. Толя Андерс был очень толстый, и его дразнили «Мешок с картошкой» или просто «Мешок». Некоторых прозвали по фамилии. Вася Зайчиков был «Зайчик», Шура Глухов — «Глухарь».

Игорь Наумов все время сплевывал и любил прихвастнуть, и его дразнили так: «Соври-наплюй!»

Девочек тоже дразнили. И у них были свои прозвища: «Рева-корова», «Пышка-кубышка», «Заноза» и другие. Самую высокую девочку в классе дразнили «Федура», а самую маленькую — «Мал золотник». Ну, и конечно, в классе был мальчик с рыжими волосами — Гриша Яхнов, которого все звали «Рыжий-красный — человек опасный».

Но все ребята и девочки как-то привыкли к своим прозвищам. А маленький папа сердился и обижался. Он не хотел быть ни «Профессором», ни «Поэтом без котлет». И «Шурочкой» он тоже не желал быть. И если ему говорили это слово, он сердился и уходил. И не хотел больше разговаривать с этим человеком.

Но вот что было дальше. Учительница маленького папы называла всех ребят по фамилии. Но она знала все их имена, и когда была довольна хорошим ответом или сочинением, то всегда говорила: «Хорошо, Лиза!» или «Сегодня я хочу похвалить Колю!». И ребята очень этим дорожили. И знали, что поругает она тоже всегда за дело. Афанасия Никифоровна была очень справедливый человек. И ей совсем не нравились все эти прозвища и клички в ее классе.

Однажды она сказала ребятам так:

— Я знаю, что у всех вас есть прозвища. Мне кажется очень глупым дразнить человека за то, что у него очки, или за то, что он маленького роста. Почему вы так не уважаете себя и друг друга?

Смотрите № 8 нашего журнала за этот год.

Ребята обещали забыть все свои прозвища. И некоторое время они держали слово.

А потом опять в классе можно было услышать: «Цыган», «Рыжий-красный», «Федура» и «Заноза».

Тогда Афанасия Никифоровна приняла свои меры. Вот что она сделала.

На родительском собрании она сказала:

— Поговорим теперь об успеваемости ваших детей. Заноза успевает по всем предметам, но много разговаривает на уроках. Мешок с картошкой — хороший математик. Но вот грамотность его меня беспокоит: он делает много ошибок. Федура хорошо отвечает в классе, а домашние работы делает небрежно. Рыжий-красный — лучший художник в классе, но ему надо больше читать вслух. Рева-корова и Пышка-кубышка плохо решают задачи. Им нужны дополнительные занятия по математике. Я бы прикрепила их к Глухарю.

Услышав все это, родители очень удивились. И кто-то из них крикнул:

— Я ничего не понимаю! Какой Глухарь? Кто это Федура и Заноза?

Тогда Афанасия Никифоровна сказала:

— Все это вы можете узнать у своих детей, которые придумали эти дурацкие клички. Пока они будут называть так друг друга, вы не услышите от меня ни имен, ни фамилий. Родителей Соври-наплюя я попрошу остаться. С ними у меня будет особый разговор.

Все родители вернулись к себе домой очень сердитые. Они стыдили своих детей. Они сказали, что Афанасия Никифоровна хочет от них отказаться. И это напугало ребят больше всего.

Тогда произошло чудо. Никто никого больше не дразнил. И только маленького папу все по-прежнему называли «Шурочка».

И он понемногу к этому привык. И старым школьным друзьям позволяет называть себя «Шурочкой» даже сейчас. Особенно девочкам: ведь это они его так прозвали.

КАК ПАПА ВЫПУСКАЛ СТЕНГАЗЕТУ

Когда папа был маленьким пионером, его выбрали редактором стенной газеты. Наверно, потому, что он был в очках и писал стихи.

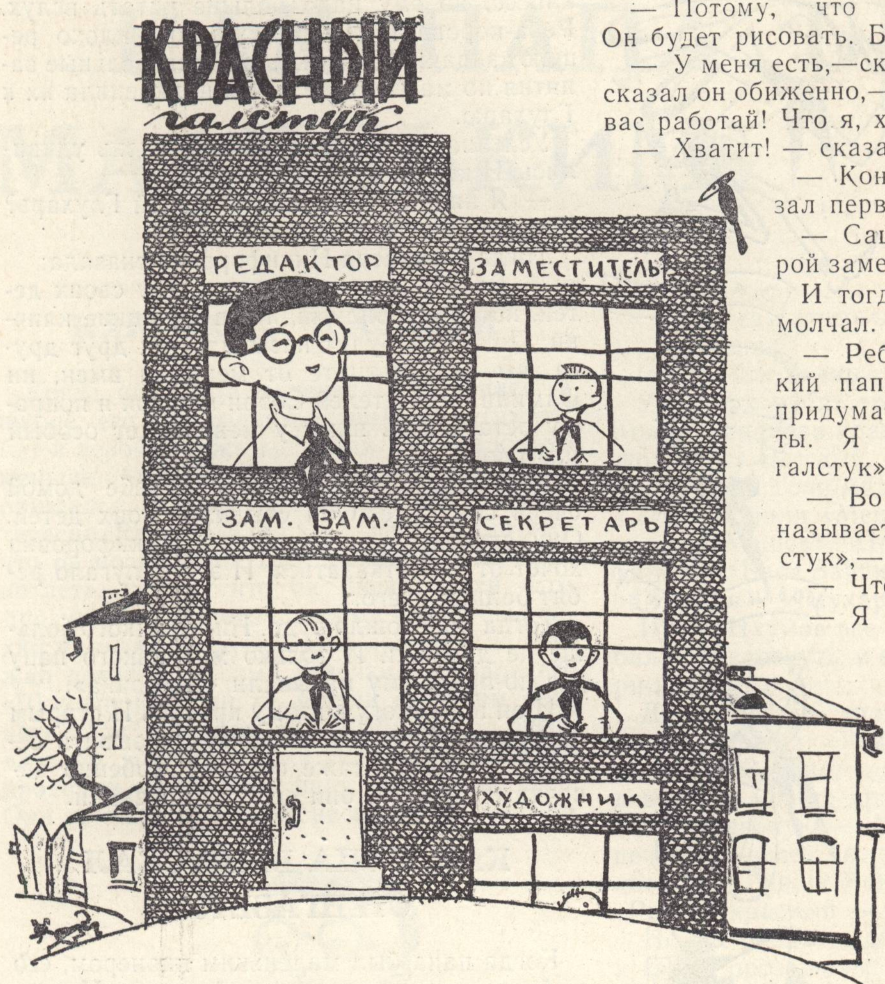
Ведь настоящий редактор всегда носит очки. А если он не пишет стихов сейчас, то, наверно, писал их, когда был помоложе. Хотя не всякий редактор в этом сознается. Маленького папу выбрали редактором единогласно. И еще четырех пионеров выбрали членами редколлегии. Тоже единогласно.

Когда редколлегия собралась в первый раз, маленький папа сказал:

— Ребята! Я председатель редколлегии! Но я могу заболеть. Я могу упасть и сломать себе ногу. Меня может укусить бешеная собака. В общем, надо выбрать моего заместителя! Я предлагаю Шуру Любкова. Кто «за»? Единогласно. Любков, ты мой заместитель!

Тогда встал Шура Любков и сказал:

— Ребята! Я тоже могу заболеть. Или попасть под трамвай. И у нас тоже есть кошка. В общем, я считаю, что у меня тоже

должен быть заместитель. И я предлагаю Володю Захарова. Кто «за»?

Володю Захарова выбрали единогласно. Правда, он кричал, что на него может упасть кирпич с крыши. Но его никто не слушал.

Маленький папа сказал:

— Ребята! Значит, так. Если я заболею, главным будет Любков — мой первый заместитель. Если я заболею и Любков заболеет, главным будет Володя Захаров — мой второй заместитель. Если Любков заболеет, а я не заболею, Захаров будет моим первым заместителем. Все!

— Как все? — спросил Юра Мараховский из второго звена.— А кто же будет секретарем?

— Ты! — дружно закричали все.

— Почему же я? — спросил Юра Мараховский из второго звена.— Почему не он?— И Юра показал на Сашу Трубкина, последнего члена редколлегии.

— Потому, что Трубкин — художник. Он будет рисовать. Больше вопросов нет?

— У меня есть,—сказал Трубкин.— Да,— сказал он обиженно,— вы все помрете, а я за вас работай! Что я, хуже всех?

— Хватит! — сказал маленький папа.

— Кончай, Трубкин! — сказал первый заместитель.

— Сашка, все!—сказал второй заместитель.

И тогда только Трубкин замолчал.

— Ребята!—сказал маленький папа.— Теперь нам надо придумать название стенгазеты. Я предлагаю «Красный галстук»... Кто «за»?

— Во всех отрядах газета называется «Красный галстук»,— сказал Любков.

— Что ты предлагаешь?

— Я не предлагаю, а говорю.

— А надо не говорить, а предлагать. Ну, ребята, какие еще есть предложения?

— «Большая Медведица», — сказал Володя Захаров.

Редколлегия покатилась со смеху.

— Почему же вдруг «Медведица»?

— Потому, что звезда. Высоко и красиво.

— Слишком высоко... Мараховский, твое мнение?

— Я бы, ребята, просто назвал: «Стенная газета пионерского отряда номер 93 при...»

— Спасибо, Мараховский! Можешь не продолжать. Трубкин!

— Что?

— Как бы ты назвал газету?

— Я?

— Ты.

— Газету?

— Газету.

— Не знаю... Мое дело — нарисовать...

— Так. Спасибо, Трубкин. Ну, вот что, ребята. Давайте так: каждый подумает над названием, и в следующую среду мы опять соберемся. Все, ребята!

В следующую среду были предложены такие названия стенной газеты:

1. «Красный галстук» (маленький папа),
2. «Голос пионера» (Любков).

3. «... и пионерки» (Мараховский).
4. «Малая Медведица» (Захаров. Он считал, что сделал уступку).
5. «Наш карандаш» (Трубкин. Он не знал, что его будут так дразнить много лет).

Каждый отстаивал свое название. Убедить никому никого не удалось. Решили отложить до следующей среды.

Но тут случилась ужасная история. Заболел единственный член редколлегии, у которого не было заместителей. Заболел художник Саша Трубкин. Конечно, можно было назначить заместителя и ему. Маленький папа уже открыл рот, чтобы предложить это. Но тут он вспомнил, что никто из членов редколлегии не умеет рисовать, и маленький папа быстро закрыл рот. Но потом он опять его открыл и сказал:

— Ребята, у нас нет художника и нет заметок. Никто не хочет писать. Один говорит: я не умею. Другой: я не буду. Третий вообще ничего не говорит. Я просто измучился. А как у вас?

— То же сáмое...— хором сказала вся редколлегия.— Никто не пишет...

— В конце концов,— тихо сказал маленький папа,— газета может быть без заголовка...

— И без заметок...— мрачно сказал Любков.

Но никто даже не засмеялся. Все поняли, что газеты не будет.

И тут вдруг кто-то очень робко постучал в дверь.

— Войдите,— сказал вежливый Юра Мараховский, и в комнату вошла девочка Аня. Она была в отряде недавно. Обыкновенная девочка. Но эта Аня вдруг произнесла обыкновенным голосом необыкновенные слова.

— Вот заголовок...— сказала она и развернула большой лист бумаги.

Члены редколлегии даже зажмурились. Им показалось, что они спят и видят дивный сон. Таким заголовком мог бы гордиться даже Трубкин.

— Мне Гриша сказал, чтобы я вам помогла,— тихо сказала Аня.— Я в своем отряде работала в стенгазете... И вот я собрала заметки... но мало... только четыре...

— Сколько? — спросил маленький папа шепотом.

— Четыре. Моя и еще три... Девочки больше не написали, а ребят ваших я совсем не знаю...

— Ничего,— сказал маленький папа,— ребята тоже напишут. Прямо сейчас. Вот за этим столом.

И на другой день газета «Красный галстук» (с написанным заголовком никто не спорил) висела на стене. Каждый член редколлегии написал по заметке. А маленький папа написал даже стихи «Кому что снится». И там были такие строчки:

Редколлегии приснилось
(И она запомнит это):
Чтобы сделать стенгазету,
Надо ДЕЛАТЬ стенгазету.

Газета всем понравилась.

Аню включили в редколлегию. Трубкин выздоровел.

И следующий номер делали все вместе, быстро, дружно и весело. И заметки писал весь отряд.

КАК ПАПА ПРЫГАЛ С БАЛКОНА

Когда папа был маленьким пионером и жил в лагере, с ним случилась такая история.

Пионерский лагерь был под Москвой. Ребята и девочки разместились в здании школы. На втором этаже был балкон. И вот на этом балконе как-то вечером Шура Любков сказал Володе Захарову:

— А слабó тебе прыгнуть с этого балкона!

— А тебе не слабó? — сказал маленький папа.

— Мне, может, и не слабó. А вам всем слабó!

— Что я, не прыгал с балконов, что ли? — презрительно сказал Трубкин.— Я с вышки парашютной прыгал.

— С вышки прыгал, а с балкона — слабó!

— А зачем я буду прыгать с балкона? — спросил Володя Захаров.— Вот если бы пожар... огонь какой-нибудь... Это я еще понимаю.

— Володя, хочешь, я зажгу спичку, а ты прыгай. Слабó? — сказала Таня Петрова, самая отчаянная девочка в отряде.

— Слабó! Слабó! — закричали ребята.

— А тебе не слабó? — сказал Володя.

И все закричали Тане:

— Слабó! Слабó!

Маленький папа увидел, что Таня побледнела и закусила губу.

— Ребята! — сказал маленький папа.— Ведь она прыгнет. И вообще глупо.

— Глупо то, что вы все хвастуны! — сказала Таня Петрова.

— И я хвастун? — сердито спросил Захаров.

— Ты самый первый хвастун и трус! — сердито сказала Таня.

Тут маленький папа увидел, что Захаров покраснел и рассердился по-настоящему.

— Ладно,— сказал он,— пусть я хвастун и трус. Но прыгну-то я, а не ты.

— Слабо! — сказала Таня и презрительно махнула рукой.

Тогда Захаров решительно вышел вперед и встал у самой ограды балкона. Он оперся спиной на перила, и они заскрипели.

— Значит, слабо́? — тихо спросил он.

— Конечно, слабо́...— так же тихо сказала Таня.

— Володька! — сказал маленький папа.— Я думал, что ты умнее.

— Не бойся,— сказала Таня.— Он не прыгнет. Он умный.

— Я умный,— повторил за ней Захаров и встал на перила. Перила заскрипели еще сильнее.

— Володька! — закричали все, кроме Тани.

— Слушайте, вы! — сказал Захаров, стоя на скрипящих перилах и держась рукой за столбик.— Сейчас я прыгну. В смерти моей прошу никого не винить, кроме Тани Петровой. Внимание! Раз! Два! Три!

Маленький папа закрыл от ужаса глаза.

— Прыгаю! — услышал он.

Перила опять заскрипели. Что-то тяжелое упало на пол. Была мертвая тишина.

Маленький папа открыл глаза. Все вокруг помирали со смеху. На полу сидел хохочущий Володя Захаров. Он сквозь смех говорил:

— Сказал, что прыгну, и прыгнул. А куда, это — мое дело!

Не смеялась только одна Таня. Когда смех затих, она сказала:

— Я так и знала. Хвастун, хвастун и хвастун!

Сказав это, Таня Петрова легко вскочила на перила. Маленький папа и сейчас помнит, как она стояла, худенькая, ловкая, в белой блузке и синих спортивных шароварах. Она стояла так ровно одну секунду. Потом, ничего не сказав, она просто спрыгнула вниз, отлично спружинила — присела, но не удержалась на ногах и повалилась на цветочную клумбу. Тут раздался общий крик и грохот ног по лестнице. Все ребята кинулись в сад. Володя сидел на полу, выпучив глаза. Маленький папа молча смотрел на него.

Некоторое время они молчали.

Володя несколько раз открывал и закрывал рот. Потом он сказал только одно слово:

— Прыгнула!..

И маленький папа, как попугай, повторил:

— Прыгнула!..

А внизу ребята с криком «Качать!» кинулись к Тане. Они подняли ее с клумбы и стали качать. И она, счастливая, взлетела вверх, повторяя много раз:

— Не слабо́! Не слабо́!..

— Да,— сказал маленький папа,— ей не слабо́. А тебе слабо̀...

Володя Захаров молчал.

— И мне слабо́...— в утешение ему сказал маленький папа.

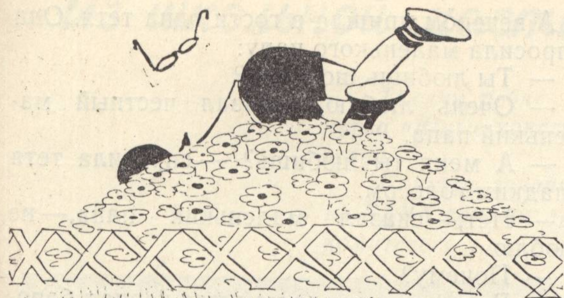
И он очень осторожно влез на скрипящие перила. И очень крепко схватился за столбик. Он вовсе не собирался прыгать. Он только хотел ясно представить себе, чего испугался Володя и чего не побоялась Таня. И он представил себе это очень ясно.

Маленький папа хотел слезть обратно. Он уже начал слезать. Но тут внизу показался вожатый отряда — Гриша Ермаков. Он увидел маленького папу. Он испугался. И он громко закричал:

— Ты что делаешь! Слезай сейчас же!

Маленький папа сделал резкое движение. Он хотел соскочить на балкон. Но старые перила заскрипели в последний раз. Им досталось в этот день, они не выдержали. И на балконе остался один Володя. Маленький папа обрушился вместе с перилами на многострадальную клумбу и окончательно разрушил ее. До сих пор маленький папа не понимает, как он остался

цел, почему он не сломал себе руку или ногу. Ведь он вовсе не прыгал, он просто упал. Упал со второго этажа. Конечно, он сильно ушибся и весь был в синяках и царапинах.

Но Таня Петрова сказала ему при всех:

— Молодец!

Никто не верил маленькому папе, что он нечаянно свалился. И даже Володя Захаров, который сказал вожатому, что сам видел, как рухнули перила, не верил в это.

— Сознайся,— сказал он маленькому папе,— ведь ты мог упасть на балкон. Как я... Нет, вы с Танькой молодцы! Она из принципа прыгнула. И ты — из принципа. Чтобы девчонки не задавались. Верно она сказала: я хвастун.

На другой день состоялся совет отряда. Таня Петрова и маленький папа получили по строгому выговору с последним предупреждением. А вечером ребята качали маленького папу. И ему было очень стыдно. И он кричал:

— Я же упал, упал...

Но ему никто не верил. И тут маленький папа понял одну вещь: когда тебя ругают, всегда хочется спорить. А когда хвалят, спорить не хочется. И он слушал, как его хвалят. Но радости не было.

С тех пор прошло много лет. Всякое бывало с маленьким папой. Его и ругали и хвалили. Но, поверьте мне, ребята, ничего нет хуже и обиднее, чем когда тебя хвалят за то, чего ты не сделал. Уж лучше бы ругали!

Это маленький папа понял еще в том лагере, когда его качали. Запомните это вы! И не прыгайте зря со второго этажа! И с третьего тоже не прыгайте!

КАК ПАПА ГОВОРИЛ ПРАВДУ

Когда папа был маленьким, он очень плохо врал.

У других детей это как-то лучше получалось. А маленькому папе говорили сразу: «Ты врешь!»

И всегда угадывали.

Маленький папа очень удивлялся. Он спрашивал: «Откуда вы знаете?»

И все ему отвечали: «Это написано у тебя на носу».

Услышав это несколько раз, маленький папа решил проверить свой нос. Он подошел к зеркалу и сказал:

— Я самый сильный, самый умный, самый красивый! Я собака! Я крокодил! Я паровоз!

Сказав все это, маленький папа долго и терпеливо смотрел в зеркало на свой нос. На носу по-прежнему ничего не было написано.

Тогда он решил, что нужно врать еще сильнее. Продолжая смотреть в зеркало, он довольно громко сказал:

— Я умею плавать! Я очень хорошо рисую! У меня красивый почерк!

Но даже эта наглая ложь ничего не достигла. Как маленький папа ни смотрел в зеркало, на его носу ничего не было написано. Тогда он пошел к своим родителям и сказал:

— Я очень много врал и смотрел на себя в зеркало, а на носу ничего нет. Почему же вы говорите, что там написано, что я вру?

Родители маленького папы очень смеялись над своим глупым ребенком. Они сказали:

— Никто не может увидеть, что у него написано на носу. И зеркало никогда этого не показывает. Ведь это все равно, что укусить свой собственный локоть. Ты не пробовал?

— Нет,— сказал маленький папа.— Но я попробую...

И он попробовал укусить свой локоть. Он очень старался, но ничего не получалось. И тогда он решил не смотреть больше в зеркало на свой нос, не кусать свой локоть и не врать.

Маленький папа решил с понедельника говорить всем только правду. Он решил, что с этого дня на его носу будет написана одна только чистая правда.

И вот настал этот понедельник. Едва маленький папа умылся и сел пить чай, его сразу спросили:

— А уши ты мыл?

И он сразу сказал правду:

— Нет.

Потому что все мальчики не любят мыть уши. Их слишком много, этих ушей. Сначала мой одно ухо, а потом еще другое. И все равно вечером они грязные.

Но взрослые этого не понимают. И они закричали:

— Позор! Неряха! Немедленно вымой!

— Пожалуйста...— тихо сказал маленький папа.

Он вышел и очень быстро вернулся.

— Уши мыл? — спросили его.

— Мыл,— ответил он.

И тогда ему задали совершенно лишний вопрос:

— Оба или одно?

И маленький папа ответил правду:

— Одно...

И тогда его послали мыть второе ухо. Потом его спросили:

— А рыбий жир ты пил?

И маленький папа ответил правду:

— Пил.

— Чайную ложку или столовую?

До этого дня маленький папа всегда отвечал: «Столовую»,— хотя пил чайную. Всякий, кто хоть раз пробовал рыбий жир, должен его понять. И это была единственная неправда, которая не была написана на носу. Тут все верили маленькому папе. Тем более, что он всегда наливал рыбий жир сначала в столовую ложку, а потом уже переливал его в чайную, а остаток сливал обратно.

— Чайную...— сказал маленький папа. Ведь он решил говорить только правду. И за это он получил еще одну чайную ложку рыбьего жира.

Говорят, что есть дети, которые любят рыбий жир. Вы видели когда-нибудь таких детей? Я никогда их не встречал.

Маленький папа пошел в школу. И там тоже ему было несладко. Учительница спросила:

— Кто сегодня не сделал уроков?

Все молчали. И только маленький папа сказал правду:

— Я не сделал.

— Почему? — спросила учительница.

Конечно, можно было сказать, что болела голова, что был пожар, а потом началось землетрясение, а потом... В общем, можно было соврать что-нибудь, хотя это обычно мало помогает.

Но ведь маленький папа решил не врать. И он сказал чистую правду:

— Я читал Жюля Верна...

И тут весь класс засмеялся.

— Очень хорошо,— сказала учительница,— придется мне поговорить с твоими родителями об этом писателе.

Все опять засмеялись, но маленькому папе стало грустно.

А вечером пришла в гости одна тетя. Она спросила маленького папу:

— Ты любишь шоколад?

— Очень люблю,— сказал честный маленький папа.

— А меня ты любишь? — спросила тетя сладким голосом.

— Нет,— сказал маленький папа,— не люблю.

— Почему?

— Во-первых, у вас на щеке черная бородавка. А потом вы очень кричите, и мне все время кажется, что вы ругаетесь.

Что долго рассказывать? Маленький папа не получил шоколада.

А родители маленького папы сказали ему так:

— Врать, конечно, нехорошо. Но говорить все время только правду, по всякому случаю, кстати и некстати, тоже не следует. Ведь тетя не виновата, что у нее бородавка. И если она не умеет тихо говорить, то ей уже поздно учиться. И если она пришла в гости да еще принесла шоколад, можно было бы не обижать ее.

И маленький папа совсем запутался, потому что иногда бывает очень трудно понять, можно ли сказать правду или лучше не нужно.

Но все-таки он решил говорить правду.

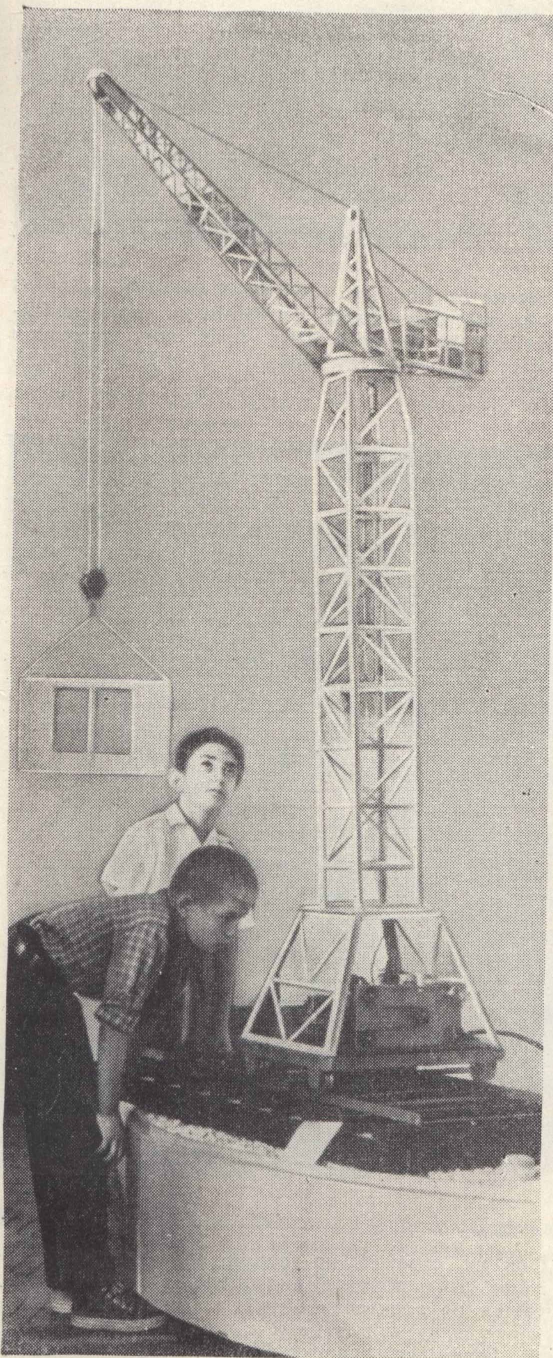
И с тех пор маленький папа всю жизнь старался никогда и никому не врать. Он всегда старался говорить только правду.

И часто за это он получал горькое вместо сладкого. И до сих пор ему говорят, что когда он врет, у него это написано на носу. Ну, что же! Написано так написано! Тут уж ничего не поделаешь!

Из школьной мастерской на ВДНХ

Тысячи ребят в этом году стали участниками Всесоюзного конкурса «Юные конструкторы и изобретатели в помощь народному хозяйству».

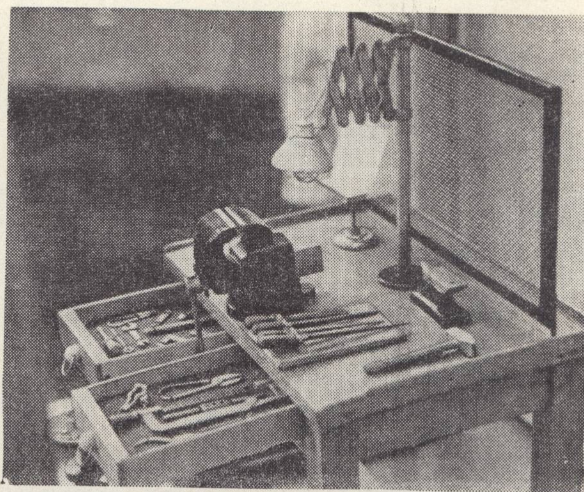
Конкурс заканчивается. Со всех концов страны прибыли в Москву на ВДНХ семьсот лучших работ. С некоторыми из них вы сейчас познакомитесь.

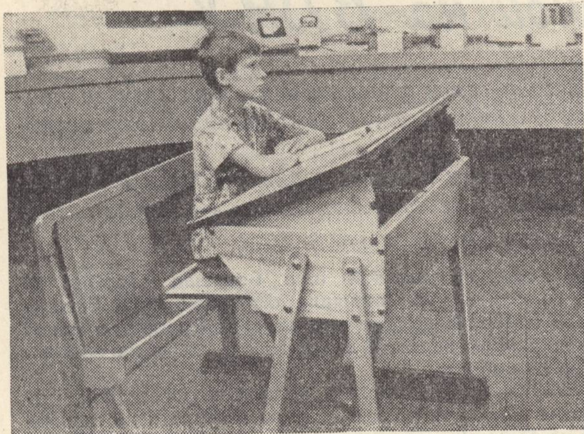
Рядом со школой шла большая стройка. С раннего утра оживала огромная рука башенного крана. А высоко над стройкой сидел в своей кабине крановщик. И в дождь и в жару не прекращалась работа.

«Хорошо бы управлять краном на расстоянии, чтобы не мерзнуть крановщику на морозе и не париться на солнце!» — подумали ребята, когда прораб разрешил им посмотреть стройку и даже посидеть в кабине крановщика.

Они знали, что такие краны наша промышленность еще не выпускает. Чертежей взять негде, значит, все придется изобретать самим. И вот действующая модель башенного крана с программным управлением готова. Кран послушно поднимает деталь дома — стену с окном, разворачивает стрелу и подносит деталь к нужному месту. Эта «программа» в виде дырочек с определенными промежутками нанесена на перфоленту. Специальный механизм автоматически прокручивает ее. Можно запрограммировать одну операцию на кране, а можно — целый цикл. А в будущем, наверное, можно будет запрограммировать монтаж всего здания.

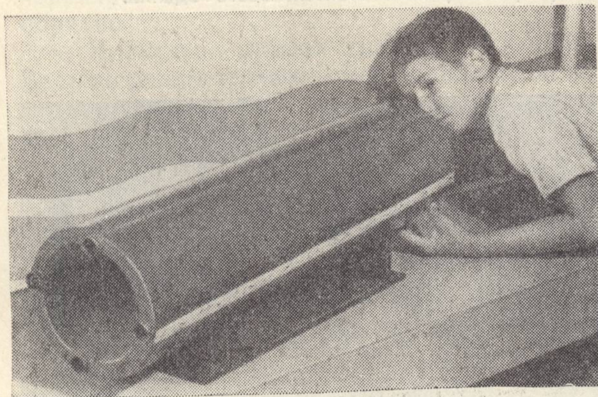

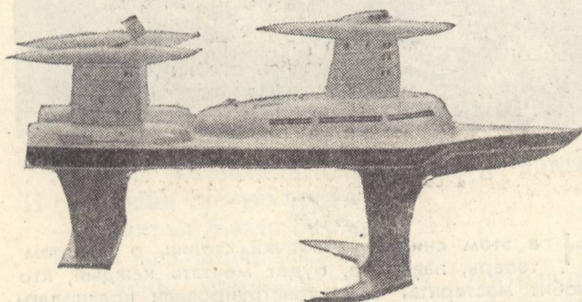
На этом снимке — рабочий столик, о котором теперь, наверное, будет мечтать каждый, кто любит мастерить. Его сконструировали краснодарские школьники. Ребята научились делать удобную мебель для своей школы. За партой, которая тоже прибыла на ВДНХ из Краснодара, хорошо работать. Крышку можно устанавливать с любым наклоном,

тогда и рисовать и чертить станет так же удобно, как писать. А сиденье откидывается: так гораздо свободнее вставать и выходить из-за парты.

Видали вы когда-нибудь подводный корабль в виде полого цилиндра? А вот Лиля Коробченко подсчитала, что ее модель будет развивать тягу на 25% больше, чем любое другое пассажирское судно! Видите отверстия в кормовой части? Это реактивные двигатели.

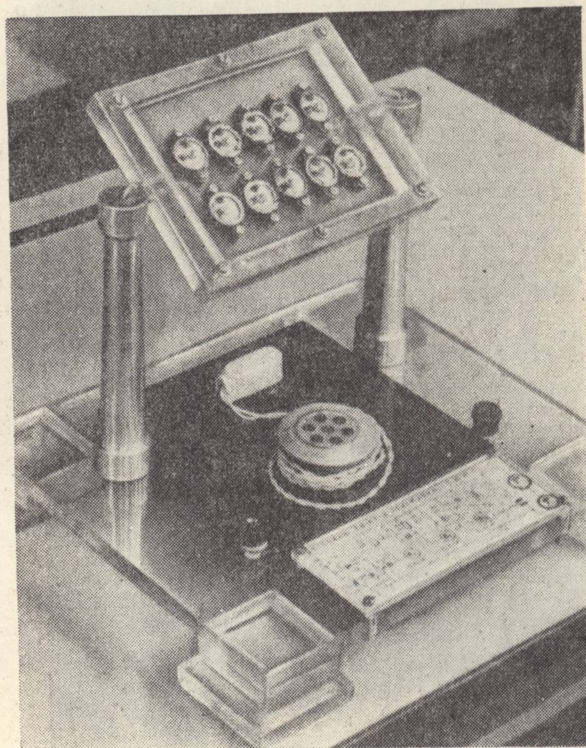

Океанскому реактивному лайнеру Володи Николаева не страшна никакая качка: подводные крылья поднимут его высоко над волной, и он полетит, как птица, почти не касаясь поверхности воды.

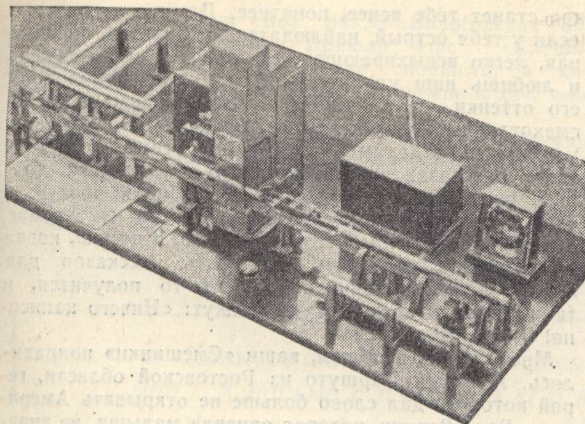
Юные кораблестроители Володя Николаев и Лиля Коробченко живут в Краснодаре.

А это не модель. Это настоящий стереофонический радиокомбайн. Рядом со своим детищем школьники Таллина: Валерий Кадомский, Энн Луттерус и Валерий Белицкий. Эти ребята — отличные мастера.

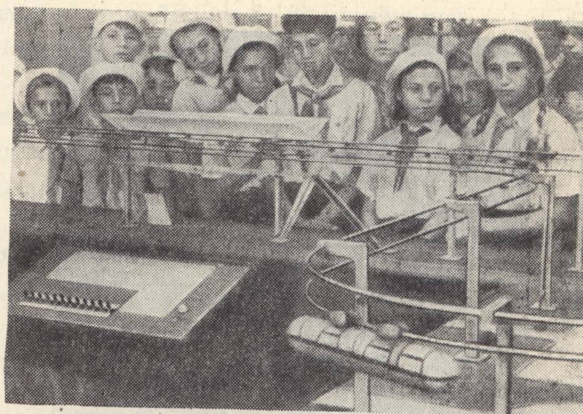

Как ни странно, но перед вами радиоприемник. Его необычный вид объясняется тем, что он питается не электроэнергией, а солнечным светом. Эти «пуговки» на пластинке и есть «солнечные батареи». Приемник, сделанный семиклассником Сашей Шульбахом из Гатчины, работает хорошо.

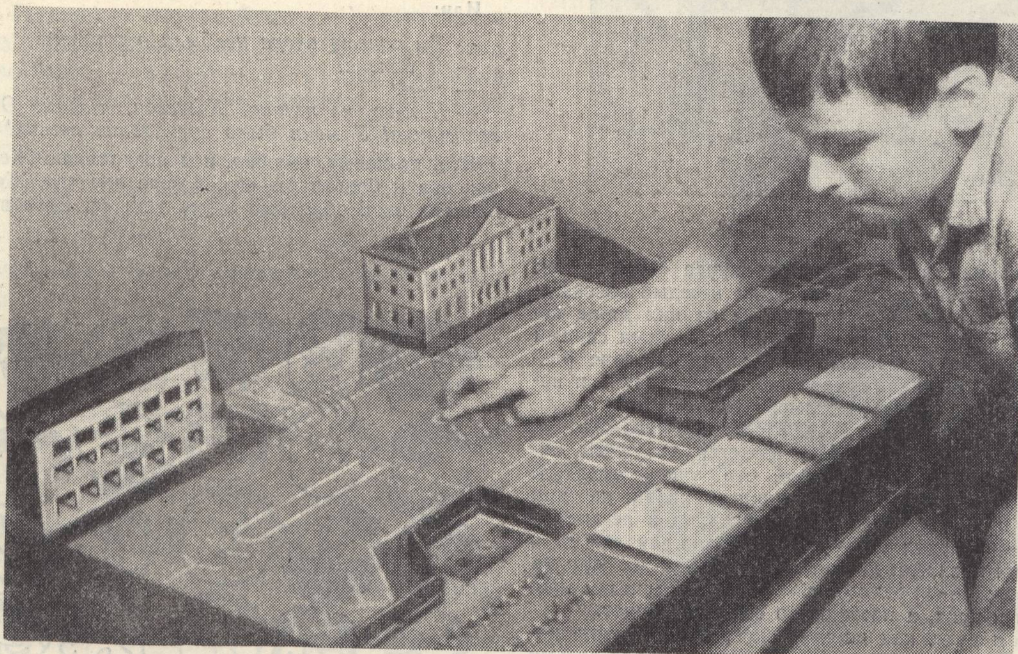

Около модели монорельсовой дороги всегда много ребят. Захватывает слаженная работа дороги-автомата. Вагончики бесшумно подкатывают к остановкам, замирают на мгновение и снова трогаются в путь, плавно скользя на поворотах. Авария невозможна: вагон, превышающий скорость, автоматически останавливается. Диспетчер внимательно наблюдает на световом табло всю картину движения.

Два года ребята из Харьковского Дворца пионеров — автомоделисты, конструкторы, радиотехники, столяры — работали над этой интересной моделью.

На Первоуральском трубопрокатном заводе часто бывают школьники с экскурсиями. Юные техники города хорошо знают свой завод, изучили все производственные процессы и даже автоматизировали целую поточную линию. Правда, пока еще в модели. На установке, которую сделали ребята, труба автоматически подается на конвейер, двигается по нему к станку и останавливается так, чтобы определенная часть трубы попала под клеймитель. Автоматически включается электроискровая установка. Секундная вспышка — и труба с выдавленным на ней клеймом движется дальше, к складу.

Наш последний экспонат с трудом попал на ВДНХ. Государственная автоинспекция города Иванова никак не хотела расставаться с электронным экзаменатором по правилам уличного движения. Оказалось, что автомат, изобретенный семиклассниками Толей Лернером и Колей Шишовым, помогает принимать экзамены у шоферов. Чтобы ответить на вопрос, заданный электронным экзаменатором, надо нажать определенную кнопку на световой схеме городских улиц. Выбрал правильную кнопку — загорится зеленая лампочка, ошибся — зазвенит звонок и вспыхнет красная лампочка. Если вы захотите сделать такую установку, найдите журнал «Юный техник» № 6 за 1964 год. Там есть подробная схема электронного экзаменатора.

Д. ИВАННИКОВ

О «Смешинках» и веселых рассказах

Писатель беседует с юнкорами

Недавно я, как член жюри конкурса «Пионерских известий», разбирал, ребята, ваши веселые рассказы и разные «Смешинки». Некоторые из них даже печатались. И вот я решил поделиться с вами своими впечатлениями, поговорить и объяснить, какие рассказики и «Смешинки» хорошие, какие плохие и вообще как надо писать веселые, смешные вещи.

Но секрет в том, что КАК НУЖНО ПИСАТЬ, я, честно говоря, не знаю. Мне кажется, что учить писать смешно — это все равно, что учить смеяться «по науке»: «Втяни живот, откинься назад, растяни рот до ушей, набери побольше воздуха в легкие и выталкивай воздух из груди, сопровождая это дело короткими криками: ха-ха-ха! Или: хо-хо-хо! Или, на худой конец, — хи-хи-хе-ххе!» Боюсь, получится просто шум и крик, а настоящего смеха не будет.

В таком деле, как писательское, очень трудно давать готовые солидные рецепты. Дескать, вот возьми пять прилагательных, прибавь четыре глагола, опиши природу, подсыпь восклицательных знаков, все перемешай, а потом подсласти слезливыми словечками, подогрей немножко чувствами, и рассказ-компот готов! Чепуха все это!

Просто, наверное, нужно пристально, внимательно читать рассказы Чехова, Марка Твена и вообще рассказы, которые тебе нравятся. Приглядывайся к ним, к их построению, к диалогу — и постепенно многое станет тебе яснее, понятнее. Да еще к тому же, если у тебя острый, наблюдательный взгляд, подвижная, легко вспыхивающая фантазия, если ты знаешь и любишь наш удивительный язык, чувствуешь все его оттенки — а в данном случае смешные оттенки, смехотворные, уморительные, иронические, веселые, улыбчивые, задорные, — и если ко всему этому в твоих рассказах чувствуется, что ты человек добрый, расположенный к дружбе, любящий людей, и если у тебя как у рассказчика есть то непонятное, что называется заразительностью, то, я думаю, когда ты напишешь двадцать — тридцать рассказов для пробы, у тебя в конце концов что-то получится, и твои читатели когда-нибудь скажут: «Ничего написано! Читать можно...»

Мне, ребята, в общем, ваши «Смешинки» понравились. И Миша Паршуто из Ростовской области, герой которого дал слово больше не открывать Америки, и Галя Верник, которая описала малыша, не знавшего, как пишется слово «пятерка», потому что за три года он ни разу не получил пятерки, и Саша Вяликов со станции Озерки — все это, конечно, шутники и затейники. И я смеялся от души, читая их забавные «Смешинки».

Особенно мне понравилась «Смешинка», присланная Женей Некрасовым из г. Бабаево. Мне приятно, что этот мальчик пишет, что он записал слышанные от ребят смешные фразы и их обработал. Это правда смешные речения. Судите сами.

— *Расскажи-ка, Петя: как надо закалять организм? — спросил учитель.*

— *Для этого нужно обтираться водой, солнцем и воздухом!*

Или:

— *Ты почему вчера не была в школе?*

— *Я болела!*

— *Чем?*

— *Чем-то, не помню. Кажется, тифом. Ой, нет, вспомнила! У меня было воспаление легких!*

Это, по-моему, смешно, и я поздравляю Женю Некрасова и благодарю его. А еще вот что, Женя: ты написал свой обратный адрес так: «г. Бабаево, Вол.

В нашем Дворце пионеров.

Рисунок Саши Сидорова.

обл.?» Что такое за «Вол. обл.»? Вологодская область? Волгоградская? Пришли еще «Смешинок» и не забудь уж заодно сообщить, в какой же ты области проживаешь, а то мне и хоч. тебе нап., да не зн. точ. адр.

Очень едко нарисовал Саша Сидоров из Москвы картинку «В нашем Дворце пионеров». Вот она. Это часто так бывает: взрослые построят чудесный дом для ребят, потом занимают его и заседают там с утра до вечера, а когда приходит пионер, смотрят на него с удивлением: это еще, мол, что за новости такие, кто тебя сюда пропустил?

Еще мне понравился рассказ «Рация и двойка» маленького Павлика Штемберга из Николаева. Все ясно, четко и смешно. Молодчага!

В общем, на конкурс было прислано много всякой веселой всячины, и мне, пожалуй, обо всем не переговорить в одной короткой беседе.

Ваш Виктор ДРАГУНСКИЙ

Конкурс закончен, места распределены, победители получили премии... А письма с пометкой «На конкурс» все продолжают поступать!

Что делать?

Выход один: продолжайте, ребята, писать, придумывать, сочинять и, не дожидаясь никаких объявлений, шлите свои рассказы, стихи, «Смешинки», всю свою литературную продукцию к нам в «Пионерские известия».

Редколлегия «Пионерских известий».

РАЦИЯ И ДВОЙКА

Вовка изобрел рацию.

— Теперь,— сказал Вовка,— уроки можно не учить. Вызывают тебя к доске, задают вопрос, а я тебе по рации передаю ответ. Или ты мне. И учитель ничего не слышит.

Я Вовке не поверил, потому что он всегда что-нибудь изобретал, но никогда ничего толкового у него не получалось.

Но тут как-то я не выучил урока по арифметике, а учительница вызвала меня к доске. Что делать?

— Давай рацию,— шепнул я Вовке.

Он сунул мне в руку что-то пластмассовое, похожее на пепельницу, и сказал:

— Во! Сюда будешь слушать.

— Решай задачу,— сказала учительница и прочитала условие.

Я стоял у доски и прислушивался.

Рация молчала. Я тоже молчал.

Учительница подсказала мне первый вопрос. Я записал его и продолжал прислушиваться...

— Плохо,— сказала учительница,— двойка.

Когда двойка утвердилась в дневнике, я спросил у Вовки:

— Что ж ты мне не подсказывал?

— Я подсказывал! — возмутился Вовка.

— Так не слышно же было!

— Наверное, заело,— спокойно ответил Вовка.

С тех пор я всегда учу уроки, на рацию не надеюсь: вдруг опять «заест».

Павел ШТЕМБЕРГ,
г. Николаев.

ЗАГАДКА

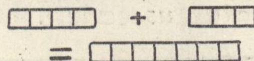
Лоскуток на лоскутке —
Зеленые заплатки.
Целый день на животе
Нежится на грядке.

Л. Яхнин

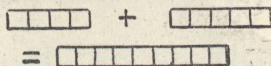
АРИФМЕТИКА БЕЗ ЧИСЕЛ

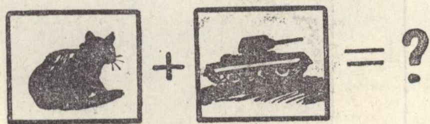
Быть может, тебе еще не приходилось решать такие примеры на сложение, где слагаемые — рисунки? Задача окажется, однако, не столь уж сложной, если рисунки заменить соответствующими им по значению словами. Впиши эти слова по буквам в клеточки и начинай «складывать».

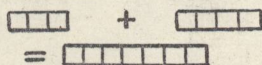

Иначе говоря, из букв, входящих в состав «слов-слагаемых», постарайся составить новое слово — «слово-сумму».

Все буквы в новом слове должны быть использованы, но, разумеется, расположить их придется в ином порядке.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Техн. редактор **В. Пархоменко.**

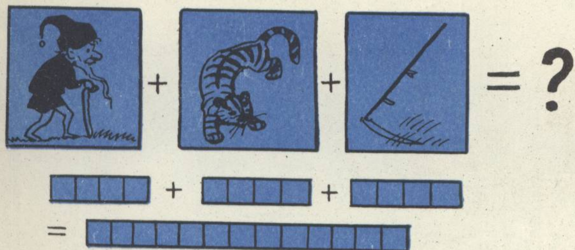
Рукописи не возвращаются.

А 00473. Подписано к печати 18/IX 1964 г. Тираж 549 000 экз. Изд. № 1746. Заказ № 2395.

Формат бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Вот пример посложнее: здесь три «слагаемых», а в «сумме» должно получиться название большого промышленного города:

Кто справится с этими задачами, тот, очевидно, сможет ответить и на такие вопросы викторины-шутки:

1. Что станет с удавом, если его покрыть лаком?
2. Из каких двух частей состоит ватерпас?
3. Что скрывается внутри крапивы?
4. Как с помощью ноты превратить пилу в красивое травоядное животное?
5. Какая птица постоянно носит в себе другую птицу?

Способ решения этих задач тот же, что и задач с картинками: перестановкой букв из двух «слов-слагаемых» составить новое слово — «слово-сумму».

КТО СКОРЕЙ?

Игра-головоломка

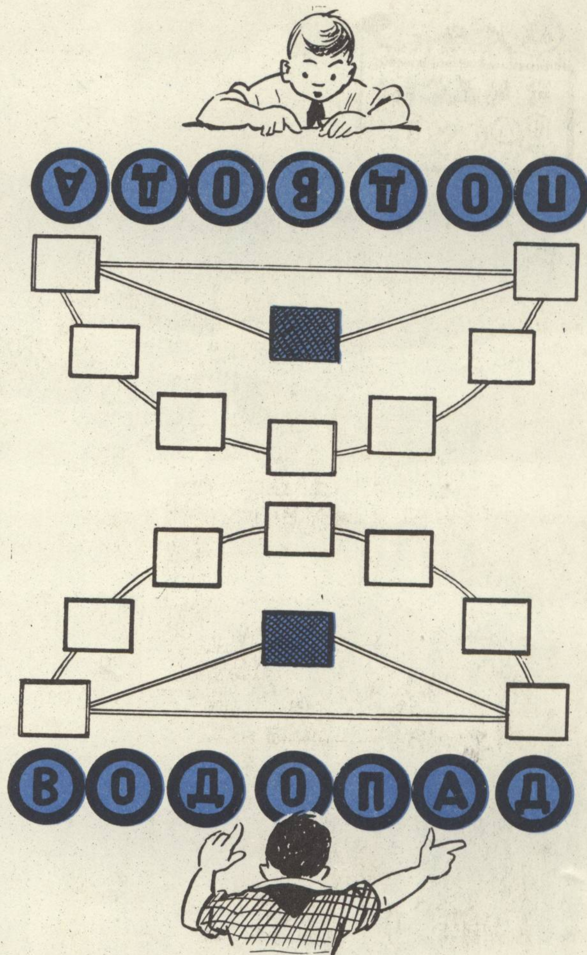
Перерисуй на отдельный лист чертеж игрового поля, увеличив его. Затем нарежь из картона 14 фишек размером с двухкопеечную монету.

Играют вдвоем. Противники садятся друг против друга. Каждый берет по семи фишек и пишет на них буквы: А, Б, В, Д, Д, О, О, П. Один составляет из этих букв слово «водопад», другой — слово «подвода». Составленное фишками слово надо выложить на своей стороне игрового поля — в квадратах, расположенных по дуге, оставляя свободным внутренний, заштрихованный квадрат. С этого и начинается игра.

Так как оба слова представляют собою парную анаграмму, то путем перестановки букв одно из них всегда можно превратить в другое. В этом и состоит задача играющих: один должен «водопад» превратить в «подводу», а другой — «подводу» в «водопад». И сделать это быстрее своего противника. Фишки можно передвигать по одной в любую сторону на незанятое соседнее гнездо (по линиям, соединяющим квадраты), используя для этого восьмой, свободный в начале игры квадрат. Победу одержит тот, кто решит задачу в наименьшее количество ходов.

Игру можно проводить и с другими анаграммами, составленными из семибуквенных слов. Например, «санитар» — «старина», «плесень» — «слепень» и др.

А можно играть и с числами. В этом случае каждый пишет на фишках цифры от 1 до 7, но устанавливает их не в порядке номеров, а вперемешку. После этого игроки меняются местами: каждый будет решать задачу на фишках, расставленных его противником. Задача же на этот раз состоит в том, чтобы, передвигая фишки, разместить их на дуге в порядке номеров.

ОТВЕТЫ на задачи ПОМЕЩЕННЫЕ В № 9

НА ШКОЛЬНОМ ПРАЗДНИКЕ

По буквам в квадратных клетках: «Всех полезней солнце, воздух и вода, от болезней помогают нам всегда». По буквам в кружках: «Физ-культ-ура!»

ПОЕДИНОК НА СПИЧКАХ

Ты закончишь поединок в свою пользу, если: 1) после твоего предпоследнего хода останутся невыставленными пять спичек; 2) а для этого надо постараться, чтобы шестую по счету спичку удалось поставить тебе, а не твоему противнику. Зная это, а тем более имея первый ход, стать победителем совсем нетрудно!

Карта социалистического строительства Болгарии

1. Металлургический завод имени Ленина в Пернике
2. Металлургический комбинат в Кремиковцах
3. Завод аккумуляторов и каучуковый завод в Пазарджике
4. Пенициллиновый завод в Разграде
5. Машиностроительный завод в Казанлыке
6. Азотнотуковый завод в Стара-Загоре
7. Азотнотуковый завод и цементный завод «Вулкан» в Димитровграде
8. Свинцово-цинковый завод в Кырджале
9. Сухой док в Варне
10. Нефтеперерабатывающий завод и завод транспортных машин в Бургасе

Цена 25 коп.
Индекс 70694